

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н. Ангерман, д.н., проф. (Гамбургский университет, Германия)

Д. Бэкман, д.н. (Хельсинкский университет, Финляндия)

С. Г. Веригин, к.и.н., доцент (декан Петрозаводского государственного университета)

Н. А. Копанев, к.и.н. (зав. Центром изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» РНБ)

Н. Кент, д.н., проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

М. Клементи, д.н. (исследователь Восточной Европы департамента социальных и политических наук университета Калабрии, Италия)

А. В. Лихоманов, к.и.н., доцент (ген. директор РНБ)

Д. Ливен, д.н., проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

М. Ниендорф, д.н., проф. (Исторический институт, Грайфсвальд, Германия)

Г. Оселиус, д. н. (Шведский национальный военный колледж)

М. Рио-Сарсе, д.н., проф. (университет Париж VIII, Франция)

В. В. Рогинский, д. и. н. (Институт всеобщей истории РАН)

В. В. Сергеев, д.и.н., проф. (зав. кафедрой Российского Балтийского университета)

Э. Чапевский, д.и.н., проф. (Вроцлавский университет, Польша)

А. Г. Шкваров, к.и.н. (Хельсинкский университет, Финляндия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. Н. Барышников (пред.), д-р истор. наук, проф.

В. А. Ушаков, д-р истор. наук, проф.

В. Е. Возгрин, д-р истор. наук, проф.

А. А. Петрова, канд. истор. наук, доцент

Н. П. Евдокимова, канд. истор. наук, доцент

В. Н. Борисенко, канд. истор. наук, доцент

А. В. Бодров, канд. истор. наук, ст. преп.

Т. Н. Гончарова (отв. ред.), канд. истор. наук, ст. преп.

Л. В. Сидоренко (дизайн), канд. истор. наук, асс.

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории Нового и новейшего времени

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ**

St-Petersburg State University
Faculty of History
The Chair of Modern and Contemporary History

**PROCEEDINGS OF THE CHAIR
OF MODERN AND CONTEMPORARY
HISTORY**

8

2012

ББК 63.3(0)

Т78

Редколлегия выпуска: В. Н. Барышников (пред.), д-р истор. наук, проф.; Т. Н. Гончарова (отв. ред.), канд. истор. наук, ст. преп.; А. В. Бодров, канд. истор. наук, ст. преп.; Л. В. Сидоренко, канд. истор. наук, асс.

Рецензенты: д-р истор. наук, проф. Кротов П. А. (СПбГУ)
д-р истор. наук, проф. Пленков О. Ю. (СПбГУ)

Т78 Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 8. 2012 / Сост. Т. Н. Гончарова – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2012. – 201 с.

ISSN 2227-3824

В сборнике представлены материалы научных исследований, подготовленные на кафедре истории Нового и новейшего времени Исторического факультета СПбГУ. Среди них научные статьи, доклады, историковедческие и историографические обзоры, публикации источников, рецензии, хроника и т.д. Сборник адресован специалистам и всем, кто интересуется западноевропейской и американской историей.

The collection contains research materials prepared by the Chair of Modern and Contemporary History of the Faculty of History of St. Petersburg State University. It includes scientific articles, reports, historiography, source publications, reviews of books, chronicles etc. The collection is addressed both to experts and anyone interested in the West-European and American history.

ББК 63.3(0)

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

ISSN 2227-3824

© Исторический факультет СПбГУ, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

11

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- Сидоренко Л. В.* Религиозные аспекты Славной революции в Англии. 15
- Бугашиев С. И.* Британский суфражизм в XIX – начале XX века. 24
- Массов А. Я.* Эволюция отношения белых жителей Австралии к России и русским (вторая половина XIX – начало XX вв.). 36
- Пристапуна Н. Н.* К вопросу о подходах Э. Бенеша и чехословацких национальных социалистов к выселению немцев из Чехословакии (1938–1945 гг.). 45

II. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Анисимов О. В.* Религиозный спор о Святой земле в середине XIX в.: в поисках компромисса. 54
- Васара В.-Т.* Была ли угроза крайне правого переворота в Финляндии настоящей в 1927 г.? 58
- Портнягин Д. И.* Лейбористская партия Великобритании и проблемы африканского национализма (1945–1951 гг.). 71
- Еремина Н. В.* Культурно-историческое наследие как фактор роста этнорегионального движения в Великобритании. 79

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

- Януш Я. Б.* Великая перечежанка 1696–1698 гг. Взгляд из нумизматики 85
- Крейцберг К. А.* «Новый национализм» Юнгера как часть немецкой «консервативной революции». 95
- Вишнев М. Р.* Национальная идея и география в Германии: Ф. Науманн и К. Хаусхофер. 100

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

- Барышников В. Н.* Советские дипломатические и разведывательные документы о скрытом финско-германском военном сотрудничестве в 1940 г. 104

V. РЕЦЕНЗИИ

- Искюль С. Н.* Рецензия на книгу: Damamme J.-C. Les Aigles en hiver. Russie 1812. Paris: Plon, 2009. – 818 p. 131
- Уренцев Н. И.* Новые документы о прибалтийских отношениях 1920–1930-х годов (рецензия на книгу: **Baltijos valstybių vienybės ir praktika 1918-1940 metais / dokumentų rinkinys/ Lietuvos istorijos institutas, Vilniaus universitetas; parengė Z. Butkus.** Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – 898 p.). 136
- Васара В.-Т.* Взгляд на многогранную историю финского правого радикализма 1920-х – первой половины 1940-х годов (рецензия на книгу: AKS:n tie. Akateeminen Karjala-Seura isänmaan ja heimoaatteen asialla. Toimittanut Mikko Uola. Minerva Kustannus Oy; Akateemisen Karjala-Seuran Perinneyhdistys ry. Helsinki, 2011. – 416 s.). 142
- Вассоевич А. Л.* Рецензия на книгу: Верт А. Пять дней в блокадном Ленинграде. Впечатления о городе и его жителях английского журналиста и писателя. СПб, 2011. – 224 с. 148

VI. ХРОНИКА

Гончарова Т. Н. Русская тема в Париже, Компьени и Мальмезоне. 151

Конференции, проведенные кафедрой истории Нового и новейшего
времени (октябрь 2011 г.- март 2012 г). 166

Защита диссертаций. 187

РЕФЕРАТЫ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ 188

ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS 194

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 199

CONTENTS

PREFACE 13

I. SCIENTIFIC ARTICLES

- Sidorenko L. V.* Religious aspects of the Glorious Revolution in England. 15
Bugashev S. I. British Suffrage Movement in the late 19th – early 20th centuries. 24
Massov A. I. The evolution of attitudes of white Australians to Russia and Russians (second half of the 19th – early 20th centuries). 36
Pristupa N. N. E. Benesh and Czechoslovak national Socialists position towards German minority in Czechoslovakia: proposals to evict Germans. 45

II. SCIENTIFIC REPORTS

- Anisimov O. V.* Religious dispute about the Holy Land in the mid-19th century: in search of a compromise. 54
Vasara V.-T. Whether there was a threat of the extreme right coup d'état in Finland in 1927? 58
Portniaguin D. I. British Labor Party and the problems of African nationalism (1945–1951). 71
Eremina N. V. Cultural and historical heritage as a growth factor of ethno-regional movement in UK. 79

III. CRITICAL STUDY OF SOURCES AND HISTORIOGRAPHY

- Ianush I. B.* Great recoinage 1696–1698. A look from Numismatics. 85
- Kreitsberg K. A.* Jünger's «new nationalism» as a part of the German «conservative revolution». 95
- Vishnev M. R.* The national idea and geography in Germany: F. Naumann and K. Haushofer. 100

IV. HISTORICAL ANTHOLOGY

- Baryshnikov V. N.* Soviet diplomatic and intelligence documents about the hidden Finnish-German cooperation in 1940. 104

V. REVIEWS

- Iskiul S. N.* Review on the book: Damamme J.-C. *Les Aigles en hiver. Russie 1812.* Paris: Plon, 2009. – 818 p. 131
- Urentsev N. I.* New documents on the Baltic relations 1920–1930-ies (review on the book: *Baltijos valstybių vienybės ir praktika 1918-1940 metais / dokumentų rinkinys/ Lietuvos istorijos institutas, Vilniaus universitetas; parengė Z. Butkus.* Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – 898 p.) 136
- Vasara V.-T.* A look at the multifaceted history of the Finnish right-wing radicalism of the 1920s – the first half of 1940s (review on the book: AKS:n tie. Akateeminen Karjala-Seura isänmaan ja heimoaatteen asialla. Toimittanut Mikko Uola. Minerva Kustannus Oy; Akateemisen Karjala-Seuran Perinneyhdistys ry. Helsinki, 2011. – 416 s.) 142
- Vassoevich A. L.* Review on the book: Werth A. *Five days in the besieged Leningrad. Impressions of British journalist and writer about the city and its inhabitants.* Saint-Petersburg, 2011. – 224 c. 148

VI. CHRONICLE

<i>Goncharova T. N.</i> Russian theme in Paris, Compiègne and Malmaison.	151
Conferences organized by the Chair of Modern and Contemporary history (October 2011 – March 2012).	166
Viva voce examination	187

ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS	194
---------------------------------------	-----

PERSONAL DATA OF AUTHORS	199
---------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восьмой выпуск Трудов, по традиции, включил в себя наиболее интересные недавние исследования сотрудников кафедры, а также студентов и аспирантов и приглашенных исследователей, по актуальным проблемам Западной Европы и Америки от Великих географических открытий до настоящего времени.

Как и в предыдущем выпуске, доминирует тема межэтнических конфликтов, межконфессиональных трений и ксенофобии. Статьи и сообщения на эту тематику были представлены в виде докладов на международной научной конференции, организованной кафедрой в декабре 2010 г. по случаю 65-летней годовщины Нюрнбергского процесса.

Тема гендерных исследований нашла продолжение в виде статьи, трактующей проблемы британского суфражизма XIX – начала XX века. Статья петербургского нумизмата и фалериста Я. Б. Януша об английской денежной реформе 1696–1698 г., без сомнения, заинтересует всех, кому в той или иной степени приходилось задействовать в своих исследованиях достижения вспомогательных исторических наук.

Подборка донесений советских дипломатов и разведчиков за период с мая по декабрь 1940 г., осуществленная проф. В. Н. Барышниковым, проливает свет на реваншистские настроения в финском руководстве после поражения в «Зимней войне» и финно-германское сближение, которое привело к вступлению Финляндии во Вторую мировую войну против СССР. В подборке использованы документы из разных российских архивов.

Рецензии, помещенные в выпуске, знакомят читателя с четырьмя недавними изданиями. Два из них могут быть использованы как исторические источники, а именно сборник документов о тщетных попытках объединения прибалтийских государств между мировыми войнами

(Vilnius, 2008) и воспоминания английского журналиста А. Верта о пребывании в блокадном Ленинграде (СПб, 2011). Два других – новое исследование о Русской кампании Наполеона Ж.-К. Дамамма (Paris, 2009) и сборник научных статей об истории Академического карельского общества в Финляндии 1920-х – начала 1940-х гг. (Helsinki, 2011). Из упомянутых публикаций только воспоминания А. Верта доступны в русском переводе, что придает рецензиям еще большую ценность для русского читателя.

Выпуск заканчивается традиционным разделом Хроника, в котором нашли отражение наиболее значимые кафедральные события за период с октября 2011 г. по март 2012 г., а также представлен обзор парижских выставок, посвященных России и франко-российским историческим связям.

Н.В. С материалами предыдущих выпусков «Трудов кафедры истории Нового и новейшего времени» можно бесплатно ознакомиться на нашем Интернет-сайте: <http://novist.narod.ru/sborniki.html>.

PREFACE

This 8th number of our Proceedings presents as usual some of the most interesting researches conducted in our Department, dealing with various problems of European and American history, both modern and contemporary, from the discovery of America to the present times.

Once again several papers handle interethnic conflicts, inter-religious tensions, xenophobia. They were first discussed within the frame of a large conference organized by our Department in December 2010 on the occasion of the 65th anniversary of the opening of the Nuremberg trials.

Another paper belongs to gender history: it deals with problems of the British suffragist movement at the end of the 19th and the beginning of the 20th century. One meets British history again in the paper of the well-known numismat and phalerist I. B. Ianush, about the monetary reform of 1696–1698. A beautiful example of the way to use auxiliary sciences in the service of history.

Through his further publication of Soviet diplomatic reports from May – December 1940, found in various Archive centers, Professor V. N. Barychnikov confirms how strongly the Finnish government was longing for revenge after its defeat in the Winter war, which explains its move towards the Germans in the following year.

Last, the review section informs about four recently published books. The first two can be used as source material: a collection of documents concerning the vain efforts to unite the Baltic countries between the wars (Vilnius, 2008) and the memories of the British journalist Alexander Werth about his stay in Leningrad at the time of the blockade (SPb, 2011). The other two are a new relation of the Russian campaign of Napoleon by J.-C. Damamme (Paris, 2009) and a collection of papers on the Academic Society of Carelia in Finland from 1920 to 1940 (Helsinki, 2011). Apart of Werth's book, none of these publications

Preface

is available in Russian, which makes these reviews all the more useful for the Russian public.

The issue closes with our traditional Chronicle of the Department's events from October 2011 to March 2012. It includes also an account of various Parisian exhibitions about Russia and Franco-Russian relations.

N. B. All papers and documents published in the former issues of our Proceedings are now available free of charge on our Internet site: <http://novist.narod.ru/sborniki.html>.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Л. В. Сидоренко

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АНГЛИИ

Событие, известное в истории Англии как Славная революция, безусловно, является ключевым для всей британской истории. И как любое подобное событие, оно отличалось многофакторностью действий и широтой последствий. Однако в традиционной, особенно отечественной историографии в рассмотрении проблем Славной революции на первое место ставят конституционно-политические аспекты. С другой стороны, всё большее число историков интерпретируют Славную революцию как исключительно протестантскую, в которой защита как Церкви Англии, так и веротерпимости к протестантским диссидентам стояла на первом месте в мыслях её участников. При этом и члены официальной церкви, и нонконформисты оказались в авангарде сопротивления английскому королю Якову II, а много мирян рассматривали революцию прежде всего в религиозном значении¹. В связи с этим целью предлагаемой статьи является анализ основных религиозных аспектов данного события – Славной революции.

Начинать подобное исследование целесообразно с биографии монарха, свергнутого революцией. Несмотря на утвердившееся мнение о Якове II (годы правления: 1685 – 1688) как плохом короле, ранняя карьера младшего брата Карла II в качестве солдата и моряка обеспечила ему определённую популярность в обществе, и, основываясь на его качествах в тот период, не возникало сомнений, что со временем он имел возможность стать хорошим королём. Однако привлекательный образ Якова не смог пережить его обращения в католическую веру в 1673 г. Новая религия наследника престола встала на пути его полного принятия народом, и, самое главное, породила чрезвычайно острый конфликт внутри английского общества и политической элиты, связанный с религией наследника трона². Дело в том, что в течение ряда поколений англичане ассоцииро-

вали католическую веру с жестоким и тираничным правлением, и многие боялись, что вступление на трон католического монарха приведёт к фанатичному преследованию значительной части протестантского населения, потере традиционных свобод и гражданских прав, и подчинению страны католическим державам на континенте³. Папский Рим стал устойчивым образом врага, и вполне показательно, что Джон Эвелин, типичный представитель английского политического класса, писал об угрозах с его стороны: «Эмиссары и действия церкви Рима никогда не остановятся, до тех пор, пока они не сокрушат Англиканскую церковь...»⁴.

Развеять эти опасения новому королю так и не удалось. За три года своего правления Яков II **оказался в конфликте с большей частью политически сознательного населения**. Его попытки эмансипировать католиков были интерпретированы как атаки на права его подданных, на их собственность, на независимость законотворчества и судебной системы, и через это на протестантскую веру, которую большинство англичан рассматривали как единственно истинную форму христианства. В этих условиях взгляды подданных обратились на Вильгельма Оранского. Надежды были небезосновательны, т.к. он являлся протестантом и главой протестантского государства, имел династические права – его супруга Мария как дочь Якова II числилась следующей в порядке наследования трона⁵. Таким образом, религиозный фактор оказался решающим в привлекательности альтернативного кандидата на английский престол. При этом нельзя утверждать, что Вильгельм был фанатичным протестантом: при необходимости он не выступал врагом католицизма и не вынашивал подобно Людовику XIV идеи распространения своей религии по всей Европе. Он скорее следовал популярной в то время в европейской политике идее баланса сил. От Вильгельма ждали решительных действий не только протестанты: лидеры европейских стран считали, что заняв английский престол, Оранский станет сильным противовесом Людовику XIV⁶. Но для занятия этого трона важно было быть именно протестантом.

Сказался религиозный аспект и на степени одобрения действий голландского статхаудера со стороны разных партийных группировок английской политической элиты – вигов и тори. Одной из наиболее замечательных черт вторжения Вильгельма в Англию в 1688 г. была степень поддержки, которую он получил как от тех, так и других. В течение крайне короткого периода времени старые политические враги объединились для защиты религии страны и аргумента, что Якову нельзя больше доверять в осуществлении неконтролируемой монархической

власти⁷. Вескость торийских и англиканских политических принципов была подорвана католической политикой монарха. Враждебная торийская реакция разочаровала Якова, но никаким образом не испугала его, и с 1685 г. тори стали демонстрировать ему пределы своей лояльности⁸. Дело в том, что торийские сторонники короля являлись прежде всего приверженцами англиканской церкви. И хотя Яков обладал самым легитимным положением на троне и защищал сильную монархию, что импонировало тори, многих из них смущала его веротерпимость к католикам, которых англичане боялись. В то же время виги, защитники веротерпимости и сильного парламента, столкнулись с похожей дилеммой, хотя и по другим причинам. В то время как веротерпимость Якова их ободряла, им не нравились его попытки усилить монархию. В результате этих трений монарх искал поддержку сперва в одном лагере, потом в другом, и, в конце концов, обнаружил себя лишённым поддержки в обеих группах⁹. Многие тори приняли интервенцию Вильгельма Оранского как только она произошла, по той простой причине что к этому моменту накопились серьёзные трения с Яковым II, прежде всего по религиозному вопросу. Тори были утрачены атакой Якова на официальную Англиканскую церковь, которая для них являлась государствообразующим стержнем. В решении этого вопроса с тори-политиками объединились представители англиканского духовенства, большинство которого вошло в единую команду с целью защитить церковь, которая, как они считали, находилась в опасности¹⁰. Таким образом, не обеспечив гарантии доминирующего положения Церкви Англии, заигрывая с католиками и позже с диссентерами, Яков потерял расположение той группы политической элиты, которая традиционно считалась прокоролевской силой.

Что касается взаимоотношений монарха с вигами, отставки Кларендона и Рочестера в январе 1687 г. обозначили конец попыток Якова достичь своих целей через кооперацию с тори. Теперь он обратился к вигам, чьи связи с диссентерами делали их привлекательными для проведения политики веротерпимости. В апреле 1687 г. была издана первая декларация об индульгенции, приостановившая карательные законы против католиков и диссентеров, и в следующие месяцы Яков приказал освободить из заключения ведущих неконформистов и попросил у них поддержки. Некоторые из них, включая Уильяма Пенна, поверили в то, что Яков искренне защищает веротерпимость, но большинство отнеслись к этому скептически. Они скорее находились под впечатлением от анонимно опубликованного памфлета «Письмо к диссентеру», автор которого,

маркиз Галифакс, напоминал нонконформистам, что «вас поэтому так лелеют сейчас, чтобы только можно было лучше раздавить в другое время»¹¹. А Джон Эвелин прокомментировал предлагаемую веротерпимость следующим образом: «Она была безоговорочно получена папистами, думающими посредством неё разрушить Церковь Англии, являющуюся теперь единственной церковью, которая так превосходно и активно противостоит их суеверию»¹². Всем казалось, что восстановление католицизма в Англии и избавление от англиканской церкви было закомуфлировано легализацией и свободой деятельности нонконформистских сект. К тому же практика усилившихся преследований протестантов во Франции давала пищу для размышлений¹³. Параллельно с религиозной политикой Яков продолжил менять выборные хартии округов и даже предпринял попытку установить контроль над выборами в графствах, но неудачно. В мае 1688 г. была издана вторая декларация об индульгенции и дано обещание, что парламент, распущенный ранее, соберётся не позднее ноября¹⁴. Эти шаги предпринимались королём с целью сохранить привлекательность в глазах части политической элиты, но как оказалось, к моменту начала активных действий принца Оранского сторонников сохранения режима осталось немного.

Анализируя революционные события, не стоит забывать, что хотя в целом Славная революция считается результатом сговора верхов, народные низы достаточно активно обозначили свою позицию, и она, прежде всего, была антикатолической. В течение осени 1688 г. наблюдалось постоянно увеличивавшееся число антикатолических выступлений, начиная от изолированной агрессии против отдельных персон и атак на часовни до полномасштабного разрушения и почти анархии, пик которой был достигнут 11 декабря. Пресса того периода пестрила сообщениями об антикатолических акциях во многих графствах страны¹⁵. При этом одним из способов привлечения общественного мнения на сторону революции стала пропаганда защиты протестантского дела. Так, например, зимой и весной 1689 г. вышло в свет шесть сборников предсмертных речей людей, казнённых в предшествующее десятилетие за защиту протестантизма и английских свобод. Эти сборники, иначе мартирологи, стали частью вигской пропаганды и являлись творением вигского издателя Джона Дантона и вигского полемиста и бывшего участника мятежа Монмута Джона Тэтчина. Они пользовались большим успехом, что вдохновило на дальнейшее издание настоящей мартирологии борцов за веру¹⁶. Мартирологи подтверждали правоту революции 1688-1689 гг. Рисование в них

варварства Стюартов в 1680-е гг. убеждало в скептическом отношении к старому режиму и поддерживало волнение. Эффективность мартирологов заключалась в их возможности манипулировать популярными тогда жанрами мученической легенды и предсмертными речами у эшафота¹⁷.

Также стоит отметить и пропаганду самого Вильгельма Оранского, который до и во время вторжения активно взывал к протестантским чувствам англичан. В своей первой декларации к общественности Англии Вильгельм особо выделял религиозные проблемы, отмечая попытку злых советников Якова II изменить вероисповедание страны, а через это ниспровергнуть установленную религию, законы и свободы, притом в документе эти три понятия постоянно объединялись¹⁸. Аналогичная религиозная пропаганда голландского статхаудера распространялась и на Шотландию, где изначально настороженно отнеслись к будущему вторжению: никто не знал точных планов Вильгельма, кроме лишь тех фактов, что он был протестантом и иностранцем. Чтобы выиграть информационное пространство, 10 октября голландский статхаудер специально издал прокламацию для народа Шотландии, в которой утверждалось, что цель его вооружённого предприятия заключается в сохранении протестантской религии и восстановлении законов и свобод подданных. Несмотря на запрет распространять и читать эту декларацию, вскоре вся Шотландия о ней знала¹⁹. И опять же религия оказалась важной составляющей успеха революции на севере Великобритании.

Говоря о юридически оформленных последствиях Славной революции, не стоит забывать о том, что кроме широко известного Билля о правах имелись и другие законы. В сфере религии аналогичным по значимости документом стал Акт о веротерпимости 1689 г. Он являлся кульминацией почти сорокалетней борьбы протестантов неангликанского вероисповедания за легальное право официально практиковать свою религию без наказания. Акт решительно подорвал позиции официальной Церкви Англии, разрушив её статус как единственно законной церкви, при этом сделал то, чего добивался ещё Яков II. Однако это не осложнило связи между церковью и государством и не дало полного политического членства в английском обществе тем, кто остался вне утверждённой конфессии²⁰. Хотя вместе они составляли только около 8 % всего населения страны, их влияние было непропорционально большим, так как из-за них пришлось отказаться от надежд на религиозную гомогенность королевства. Интересно, что наиболее громкое выражение критики победившей революции можно было услышать именно в религиозном аспекте. В этом

контексте достойны упоминания так называемые «неприсягнувшие» (буквально нон-юроры – non-jurors). В 1689-1690 гг., когда подданным были предложены новые клятвы верности Вильгельму и Марии, около 400 клириков из принципа заявили, что их присяга Якову II, несмотря на его бегство, остаётся всё ещё в силе, и что новая присяга будет считаться противной всем священным установлениям. О влиятельности этой схизмы говорит тот факт, что во главе раскольников стоял сам архиепископ Кентерберийский Вильям Санкрофт, а также ещё семь епископов. Неприсягнувшие сознательно образовали маленькую церковь в церкви²¹, и их деятельность омрачила триумф Вильгельма Оранского.

Взаимовлияние религии и революции проявляется и в династическом вопросе. Хотя протестант Вильгельм Оранский был провозглашён королём, свергнутый Яков и его сын на долгое время стали стабильной угрозой трону, возглавив движение якобитов. При этом в момент бегства Якова якобитская партия состояла в большинстве своём из католиков. Её ядро выросло, когда захваченного Якова возвратили в Лондон. Партия была на самом деле гораздо больше, чем об этом принято говорить. Она обладала заметным влиянием в палате общин и ещё большим в палате лордов, что заметно по голосованиям²². Эта партия не была однородной: старая школа якобитской историографии описывает две фракции внутри самого якобитского движения – компаудеров (конституционалисты, которые защищали возможность уступок со стороны Якова чтобы вернуться к власти) и нонкомпаудеры (абсолютисты, выступающие против всякого компромисса). При этом нонкомпаудерами как раз выступали католики²³. Учитывая, что никто из претендентов не решился на возвращение к протестантской религии, что по мнению многих открыло бы им дорогу на престол на фоне непопулярных иностранцев в лице Вильгельма и ранних представителей Ганноверской династии, религиозный аспект движения якобитов выдвигается на первое место.

В заключении можно отметить и влияние Славной революции на положение самих священнослужителей. В течение многих поколений трон и алтарь стояли в непосредственной близости, как во власти, так и вне её. Но в революцию 1688-89 гг. многие доктрины церкви вошли в стадию жестокой проверки, и духовенство отвечало на это по-разному. Некоторые, вдохновлённые преданностью теологическим принципам, становились неприсягнувшими; другие продолжали придерживаться тех латитудинарских идеалов, которые ослабили их лояльность в переломный период развития страны. Многие стали бескомпромиссными эрасти-

анцами, как того требовали обстоятельства, хотя ранее являлись последователями высокой церкви или защитниками веротерпимости. Другие всё ещё приспособливали лояльность принципам высокой церкви с рациональностью²⁴. Революция заставила их более рельефно обозначить свои религиозные и идейные позиции, а также ещё более сблизиться с государственными проблемами. Стоит добавить, что значительная часть острых религиозно-политических дебатов того времени сконцентрировалась на обсуждении следующей проблемы: возможна ли в политически стабильных обществах свобода вероисповедания или религиозные различия подрывают политическое и социальное равновесие? Примечательно, что среди широко используемых аргументов в пользу религиозной нетерпимости преобладали политические доводы. Утверждения о том, что диссентеры опасны т.к. они «...бунтовщики, развязавшие войну против своего короля и ввергнувшие страну в кровавый хаос революции, а их религиозные собрания не что иное как рассадники антиправительственных идей» были широко распространены²⁵. В этом смысле революция породила долгие споры по католическому и диссентерскому вопросу.

Подводя итоги статьи, нужно отметить следующее. Во-первых, не вызывает сомнений, что политические и религиозные аспекты Славной революции находились в тесной взаимосвязи, настолько тесной, что вполне логично и справедливо использовать утвердившееся в англоязычной историографии понятие «Церковь и государство», часто применяемое к системе британской государственности, прежде всего XVII-XIX вв. Во-вторых, выступая с религиозными лозунгами, революция тем не менее, не полностью обеспечила безопасность официальной церкви страны, хотя и дала гарантии протестантской религии в целом. Это привело к тому, что если ко времени Славной революции религия была в течение почти полтора столетия наиболее устойчивой и очевидной угрозой в британской политической истории, то к 1714 г. (после окончательного решения династического вопроса) всё изменилось. Религиозные вопросы, благодаря чёткому, но не бесспорному, церковному установлению, теперь едва беспокоили общество, за исключением нескольких неожиданных всплесков, случавшихся время от времени, вроде отмены акта о присяге или освобождения квакеров²⁶. Таким образом, одна из главных задач Славной революции – обеспечение общей религиозной стабильности на основе политического и канонического доминирования Англиканской церкви при условии сохранения веротерпимости к другим протестантским деноминациям, была решена.

¹*Gibson W.* Dissenters, Anglicans and the Glorious Revolution: The Collection of Cases // *The Seventeenth Century*. Vol. 22. №. 1. Spring 2007. P. 168.

²*Marshall A.* The Age of Faction. Court Politics, 1660-1702. Manchester – New York, 1999. P. 134-135.

³*Claydon T.* William III and the Godly Revolution. Cambridge, 1996. P. 7.

⁴2d October, 1685 // *The Diary of John Evelyn* / Ed. from the Original MSS. by William Bray. In Two Volumes. Vol. II. 1665–1706. New York – London, 1901. P. 238.

⁵*Claydon T.* William III... P. 8.

⁶*Ивонина Л. И.* Международные отношения в Европе конца XVII в. и Славная революция в Англии 1688–89 гг. Смоленск, 2001. С. 34.

⁷*Claydon T.* William III... P. 148.

⁸*Jones J. R.* Country and Court. England, 1658-1714. Cambridge (Mass.), 1978. P. 217, 232.

⁹*Dolan Jr. R. L.* Buttrressing a Monarchy: Literary Representations of William III and the Glorious Revolution. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Georgia State University, 2005. P. 20–22.

¹⁰*Claydon T.* Europe and the Making of England, 1660-1760. Cambridge, 2007. P. 243, 318.

¹¹Цит. по: *Lockyer R.* Tudor and Stuart Britain: 1471–1714. London, 1977. P. 360.

¹²10th April, 1687 // *The Diary of John Evelyn*... Vol. II. P. 263.

¹³*Ивонина Л. И.* Указ. соч. С. 29.

¹⁴*Hill C.* The Century of Revolution, 1603-1714. London – New York, 2006. P. 198.

¹⁵*Sachse W. L.* The Mob and the Revolution of 1688 // *The Journal of British Studies*. Vol. 4. №. 1 (Nov., 1964). P. 26, 31.

¹⁶*Zook M.* “The Bloody Assizes:” Whig Martyrdom and Memory after the Glorious Revolution // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. Vol. 27. №. 3 (Autumn, 1995). P. 375-376.

¹⁷*Ibid.* P. 384.

¹⁸The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch it is Continued Downwards in the Work Entitled «The Parliamentary Debates». Vol. V. Comprising the period from the revolution, in 1688, to the accession of Queen Anne, in 1702. London, 1809. Col. 1-2.

¹⁹*Barnes R. P.* Scotland and the Glorious Revolution of 1688 // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. Vol. 3. №. 3 (Autumn, 1971). P. 118.

²⁰*Schochet G. J.* John Locke and religious toleration // *The Revolution of 1688-1689: Changing perspectives* / Ed. By Lois G. Schworer. Cambridge – New York – Port Chester – Melbourne – Sydney, 2003. P. 147.

²¹*Hoppit J.* A Land of Liberty? England 1689-1727. Oxford – New York, 2002. P. 216-217.

²²*Cherry G. L.* The Legal and Philosophical Position of the Jacobites, 1688-1689 // *The Journal of Modern History*. Vol. 22. №. 4 (Dec., 1950). P. 310.

²³*Szechi D.* A Blueprint for Tyranny? Sir Edward Hales and the Catholic Jacobite Response to the Revolution of 1688 // *The English Historical Review*. Vol. 116. №. 466 (Apr., 2001). P. 349.

²⁴*Mullett C. F.* A Case of Allegiance: William Sherlock and the Revolution of 1688 // *Huntington Library Quarterly*. Vol. 10. №. 1 (Nov., 1946). P. 83-84.

²⁵*Эрлихсон И. М.* Основные направления общественно-политической и экономической мысли Англии периода Реставрации и конца XVIII в.: Учебное пособие. Рязань, 2004. С. 19-21.

²⁶*Holmes G.* Religion and Party in late Stuart England // *Holmes G. Politics, Religion and Society in England: 1679-1742*. London, 1986. P. 182.

БРИТАНСКИЙ СУФРАЖИЗМ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В европейских странах организованное женское движение начинает складываться в середине XIX века. В формировании идеологии нового движения большую роль сыграла работа известного английского философа, экономиста и политического деятеля Джона Стюарта Милля «Подчинение женщины»¹, получившей название «Библии феминизма»². Известно, что огромное влияние на создание этого труда оказала Гарриет Тейлор, преданный друг философа, а впоследствии его жена. В нем традиционные социальные нормы, касающиеся работы и семьи, квалифицировались как подавляющие женщину и отказывающие ей в свободе выбора. В «Подчинении женщины» были сформулированы цели, которые актуальны и поныне: прекращение практики правовой, экономической и социальной зависимости женщин от мужчин; обеспечение свобод и возможностей в получении образования; введение законов и общественных институтов, гарантирующих равенство выбора и возможностей. Опубликованная в 1869 г., она практически сразу же была переведена на все основные европейские языки, в том числе и русский, а обсуждение ее идей во многих странах способствовало созданию организаций, выступавших за равноправие женщины.

Сформировавшееся феминистское движение основывалось на либеральной доктрине равенства прав и возможностей всех граждан, независимо от пола, расы и вероисповедания и ставило своей задачей достижение равноправия женщин во всех сферах общественной жизни: в профессиональной и общественной деятельности, образовании, имущественных правах, сфере семейно-брачных отношений, сфере политических прав. Основным требованием стало предоставление избирательных прав женщинам. В Великобритании движение за политическое равноправие женщин получило название суфражизма (от англ. *suffrage* – избирательное право). Благодаря английским феминисткам этот термин вошёл в исто-

рию как определение политического направления в феминизме. Именно в Англии суфражизм имел самую длительную историю в Европе. Возникнув в 1865 г., когда была создана первая суфражистская организация Комитет женских избирательных прав, суфражистское движение завершило свое существование только в 1928 г., когда английский парламент принял избирательный закон, гарантировавший женщинам избирательное право на тех же основаниях, что и мужчинам.

На первый взгляд то обстоятельство, что движение за права женщин с самого начала приобрело протестный политический характер в стране, где знаменитая викторианская мораль и общественное мнение ограничили место женщины в обществе строгими рамками пассивности и подчинения, кажется парадоксальным. Однако, с другой стороны, именно Англия является родиной идеи парламентаризма и классической либеральной доктрины. Именно расширения народного представительства в парламенте в результате нескольких реформ избирательного права, проведенных на протяжении XIX в., позволило сторонникам женского равноправия требовать распространения избирательных прав и на женщин³. Еще одним фактором, способствовавшим возникновению суфражистского движения, была политическая ситуация, сложившаяся в Великобритании к середине XIX века. По сути, суфражизм являлся составной частью движения за расширение демократических свобод, которое охватило в середине XIX столетия большую часть английского общества.

За почти семидесятилетнюю историю борьбы за политическое равноправие женщин британские суфражистки приобрели богатый опыт политической деятельности и выработали широкий спектр методов взаимодействия с политическими партиями и давления на парламент и правительство с целью проведения в жизнь законов, улучшающих положение женщин. Во второй половине XIX в. благодаря деятельности суфражисток женщины получили права голоса в школьных советах и местных органах самоуправления, возможность активного участия в ряде государственных социальных служб, были приняты законы, улучшающие права замужних женщин, женщины получили доступ к высшему образованию и т.д.

Для достижения своих целей суфражистки использовали самые разнообразные методы лоббирования: личные связи и контакты, создание комитетов поддержки тех кандидатов в парламент, которые симпатизировали суфражизму, поддержку (в том числе и (финансовую), тем парла-

ментариям, которые выдвигали и отстаивали законопроект о праве голоса для женщин, сбор подписей под петициями в парламент, кампании в прессе, шествия и митинги. Эти методы варьировались в зависимости от исторической и политической ситуации и были направлены не только на оказание давления на правящий кабинет, но и на привлечение внимания общественности и формирование благоприятного общественного мнения. Рассмотрим более подробно, как эволюционировали стратегия и тактика суфражисток на протяжении всего длительного периода их борьбы.

Историю борьбы английских женщин за политические права можно разделить на несколько периодов:

I. *Конец 1860-х гг. – 1903 г.* – возникновение и становление конституционного направления суфражистского движения, завершающееся созданием в 1897 г. Национального союза суфражистских обществ. Основными методами этого направления были просветительская работа, подача петиций в парламент, лоббирование в парламенте своих интересов через симпатизирующих суфражисткам политиков.

II. *1903 – 1914 гг.* – возникновение милитантского направления в суфражистском движении, использовавшем новые методы борьбы, что приводит к расколу движения на два течения: умеренное и радикальное. Первое было представлено Национальным союзом суфражистских обществ, второе – созданным в 1903 г. Женским социально-политическим союзом, придерживавшимся тактики гражданского неповиновения. Появление мужских организаций в поддержку политических прав женщин.

III. *Период Первой мировой войны*, когда большинство суфражисток переходит на патриотические позиции и временно отказывается от борьбы за парламентское право голоса для женщин. Раскол суфражистского движения на патриотическое и пацифистское направления.

IV. *1918 – 1928 гг.* – заключительный этап в развитии суфражистского движения, «суфражизм после суфражизма». После предоставления женщинам в 1918 г. ограниченного избирательного права часть суфражистских организаций самораспускается, в том числе и крупнейшая милитантская организация Женский социально-политический союз, а часть продолжает бороться за достижение полного равноправия женщин в политической сфере.

В целом в английском суфражизме можно выделить две основные тактические линии: одна из них была присуща умеренному или конституционному направлению, а вторая — «милитантскому». Кроме того, так-

тика борьбы, присущая умеренному суфражистскому движению, в своей эволюции прошла два этапа. На первом этапе (середина 60-х — конец 80-х гг. XIX в.) умеренные суфражистки не контактировали напрямую с какой-либо политической партией. Второй этап (конец 80-х гг. XIX в. — начало XX в.) принес с собой значительные изменения в тактике суфражисток. Отныне они, осознав невозможность достижения своей цели вне парламентской системы, начинают устанавливать близкие контакты с либеральной партией, большинство членов которой зарекомендовало себя как сторонники суфражизма. Этот этап, хотя и привел, в конце концов, к разочарованию суфражисток в либералах и установлению более близкого сотрудничества с партией лейбористов, имел огромное значение для всего суфражистского движения, и прежде всего для разработки более эффективных методов борьбы.

Как основные методы борьбы были определены митинги, организация демонстраций, памфлеты, подача петиций, а также лоббирование симпатизирующих суфражизму парламентариев. Однако, как показало время, эта тактика оказалась несостоятельной: все предпринимаемые попытки добиться права голоса для женщин оканчивались неудачей. В конце концов, в суфражистском движении назрела необходимость пересмотра политики неприсоединения к политическим партиям. Следствием этого стал раскол суфражистского движения, продолжавшийся вплоть до конца XIX в.

И только лишь в 1897 г. был создан Национальный союз женских суфражистских обществ, объединивший все существующие суфражистские организации в федеральное общество, на основе единой программы — избирательное право для всех женщин, вне зависимости от их семейного статуса. Его лидером стала Милисент Фосетт, жена видного политического деятеля, члена парламента от либеральной партии Генри Фосетта, также сторонника политических прав женщин. Объединение способствовало активизации деятельности суфражисток и организации общенациональных кампаний в поддержку избирательных прав женщин. Хотя Союз был внепартийной организацией и апеллировал ко всем «друзьям суфражисток», он придерживался пролиберальной ориентации. Члены союза надеялись, что избирательное право женщинам будет предоставлено в результате принятия законопроекта, представленного отдельным членом парламента.

Несмотря на все усилия суфражистских организаций, пытавшихся конституционными методами воздействовать на правительство и парла-

мент, принятие закона о женском избирательном праве откладывалось. Негативную роль сыграла англо-бурская война (1899-1902), приковавшая к себе общественное внимание и вытеснившая борьбу суфражисток на периферию политической жизни. Это привело к разочарованию некоторых членов федерации в методах борьбы. Самой активной оказалась группа недовольных в Манчестерском отделении федерации под руководством Эммелин Пэнкхерст. Это имя было широко известно в суфражистских кругах, так как представляло собой целую династию, стоявшую у истоков суфражистского движения. Ричард Пэнкхерст, муж Эммелин, был известным адвокатом, активным членом Независимой рабочей партии и горячим сторонником равноправия женщин. При его непосредственном участии в Манчестере в 1867 г. была создана первая суфражистская организация. Он стал одним из создателей Независимой рабочей партии, был членом Фабианского общества. Своим радикализмом он заразил и свою жену, которая также стала членом НРП, а затем и лейбористской партии. В 1898 г. он скоропостижно скончался от воспаления легких, но в Манчестерской суфражистской ассоциации к этому времени уже активно работали его жена Эммелин и двое дочерей: Кристабель и Сильвия. Благодаря авторитету своего имени, а также несомненным качествам лидера и таланту оратора, Эммелин Пэнкхерст было достаточно легко привлечь к себе сторонников, когда она в 1903 г. объявила о создании новой суфражистской организации — Женского социально-политического союза (ЖСПС), который и породил новое направление в суфражизме: милитантство. В создании новой организации ей помогал лидер Независимой рабочей партии Кейр Гарди, также последовательный сторонник женских избирательных прав. В отличие от Национальной федерации суфражистских обществ, ориентировавшейся в основном на поддержку либеральной партии и принимавшей в свои ряды мужчин, Женский социально-политический союз объявил о своей внепартийности и исключительно женском членстве.

В 1905 г. в парламенте вновь был снят с обсуждения билль о включении женщин в число избирателей из-за отсутствия поддержки со стороны правительства. Для прессы и, общественного мнения суфражистское движение к этому времени утратило свою новизну, и к нему проявляли мало интереса. Таким образом, наиболее решительные поборницы избирательного права были вынуждены искать более действенные меры для воздействия на парламент, правительство и общественное мнение. Такими мерами и стали действия милитантского характера. Эммелин

Пэнкхерст, супруги Петик-Лоуренс, Энни Кени и другие лидеры ЖСПС провозгласили, что поскольку женщины не имеют права участвовать в принятии законов, то они и не обязаны этим законам повиноваться. Отсюда вытекала тактика гражданского неповиновения, составившая сущность милитантства. Начало этой тактике было положено Эммелин Пэнкхерст и Энни Кени 13 октября 1905 г. на встрече с избирателями кандидата от либеральной партии лорда Грея. Выступление кандидата было сорвано суфражистками, требовавшими ответа на вопрос: «Намерено ли либеральное правительство предоставить женщинам право голоса?» Вызванная полиция препроводила суфражисток в полицейский участок. Суд признал их виновными в нарушении общественного порядка, и присудил каждой заплатить штраф по пять шиллингов. Сумма была достаточно символической, однако, следуя тактике гражданского неповиновения, Пэнкхерст и Кени отказались его заплатить, предпочтя отправиться в тюрьму. Их арест наделал много шума⁴. Это был первый случай, когда женщины применили насилие в борьбе за право голоса. Вскоре после этого в прессе появился термин «суфражетки», который стали использовать применительно к сторонницам милитантской тактики, чтобы отличить их от умеренных суфражисток. Для Женского социально-политического союза эта акция имела положительные последствия. Его заметили, у него появились сторонники по всей стране, его казна пополнилась новыми пожертвованиями. С этого момента его штаб-квартира перемещается в Лондон, а деятельность сосредоточивается на воздействии на парламент.

Активизация деятельности суфражисток, в том числе и милитанток, в 1905 г. была неслучайной: в 1906 г. предстояли новые парламентские выборы, на которых к власти рассчитывали прийти либералы. Милитантки стремились оказать поддержку сторонникам и не допустить в парламент противников женского избирательного права. Однако их надежды не оправдались: сформированное в 1906 г. либеральное правительство Кембелл—Баннермана так же не стремилось предоставить право голоса женщинам, как и предшествующий консервативный кабинет министров.

Это обстоятельство способствует ужесточению тактики милитанток и приводит к атакам на либеральный кабинет. На дополнительных выборах 1907 г. они агитируют против всех кандидатов-либералов. Милитантки разбрасывают листовки с гостевой галереи в парламенте, приковывают себя наручниками, звонят в дом премьер-министра, устраивают многочисленные митинги и шествия на улицах, срывают предвыборные собрания либералов. Такая тактика привела к потере либералами нескольких

мест в парламенте, что заставило политические партии всех ориентаций отнестись более серьезно к проблеме суфражизма.

С 1908 г. начинается кампания голодовок в тюрьмах. Требуя освобождения, арестованные суфражетки перестают принимать пищу. Чтобы не допустить смертей от голода в тюрьмах, тюремная администрация с одобрения правительства была вынуждена прибегнуть к насильственному кормлению. Эта процедура была в те времена достаточно болезненной: пациентку привязывали к креслу, и через вставленную в нос трубку вливали питательные растворы. Иногда это приводило к достаточно серьезным повреждениям носоглотки. Кроме насильственного кормления, положение арестованных женщин осложнялось тем, что суды относились к ним предвзято.⁵ Показателем дискриминации женщин со стороны судебной системы было также и то, что суфражеток содержали в тюрьмах, как заключённых, осужденных за уголовные, а не за политические преступления, в то время как мужчины, участвовавшие в акциях суфражисток и приговоренные к тюремному заключению, получали статус политических заключенных, что давало им определенные привилегии в тюремном режиме. Эта практика привела к серии голодовок заключенных милитанток, требующих права предоставления им статуса осужденных за незаконную политическую деятельность.

Все это привело к тому, что голодающие милитантки обрели в глазах общества ореол мучениц, и общественное мнение стало выражать симпатии им, а не либеральному кабинету, отдавшему приказ о столь жестоком обращении с женщинами. Против жестокого обращения с арестантками выступали многие видные деятели культуры и политики, как, например, Б. Шоу и Ф. Оюден. Показателем растущих симпатий к суфражизму явилось создание организаций, поддерживающих суфражистское движение. Так, в 1907 г. была создана Мужская лига за избирательные права женщин (**Men's League for Women's Suffrage**). **С другой стороны, активизация и рост суфражистского движения не только в лице его радикального крыла, но и со стороны более умеренной Национальной федерации суфражистских обществ, также вынужденной перейти к более решительным действиям, привели к консолидации противников суфражизма, и в 1908-1910 гг. создается ряд антисуфражистских организаций: Женская национальная антисуфражистская лига (Women's National Anti-Suffrage League), Мужская лига против женского избирательного права (Men's League for Opposing Women's Suffrage), Шотландская национальная антисуфражистская лига (Scottish Women's National Anti-Suffrage League)⁶.**

Таким образом, за достаточно короткое время Женскому социально-политическому союзу удалось сделать то, чего не смогла за несколько десятилетий добиться более умеренная Национальная федерация суфражистских обществ: поставить вопрос о женском избирательном праве в ряд важных политических вопросов, требующих решения. Новым было и то, что в отличие от НФСО, объединявшей в основном представительниц среднего класса, ЖСПС уделял достаточно много внимания привлечению на свою сторону женщин-работниц, что способствовало значительному расширению социальной базы суфражистского движения. Иной была и политическая ориентация милитанток: в отличие от умеренных суфражисток, продолжавших поддерживать либералов, они были склонны искать себе союзников среди тори, которые в это время достаточно часто высказываются в поддержку права голоса для женщин, и среди лейбористов. Впоследствии к такой тактике перешла и Национальная федерация суфражистских обществ, что привело к распаду либерально-суфражистского альянса, существовавшего с 60-х гг. XIX в. и возникновению коалиции суфражисток и лейбористов.

Однако успехи, достигнутые в начале милитантского курса, вскоре были ослаблены из-за расколов в Женском социально-политическом союзе и усиления агрессивных методов борьбы этой организации. Эммелин Пэнкхерст, лидер ЖСПС, безусловно, была прекрасным организатором и блестящим оратором⁷. Первоначально все ее последователи были ей исключительно преданны, однако вскоре ее стремление к единоличному принятию решений и нетерпимость к чужому мнению привели к тому, что организацию стали покидать ее ближайшие сподвижники. Первый раскол произошел в 1907 г., когда из ЖСПС вышло около 70 женщин во главе с Терезой Биллингтон-Крейг и Шарлоттой Деспард. Его причиной было несогласие части милитанток с диктаторскими методами руководства Эммелин Пэнкхерст и с явным предпочтением, оказываемым ею состоятельным членам организации, в частности, супругам Петик-Лоуренс. Хотя такое предпочтение было вполне понятным, так как именно из их пожертвований формировался фонд организации и издавалась популярная суфражистская газета «Право голоса для женщин» («Votes for women»), это привело сначала к серьезным разногласиям, а затем к расколу. Вышедшие создали «Лигу женской свободы», ставшую самостоятельной и достаточно популярной организацией. Она немногим отличалась от Женского социально-политического союза (ЖСПС), за исключением того, что ее методы борьбы были, пожалуй, несколько более умеренны,

хотя и очень сходными с методами ЖСПС, что приводило к тому, что общественное мнение часто не видело разницы между этими организациями.

Среди популярных методов воздействия на правительство, проводимых Лигой в рамках кампании гражданского неповиновения, была акция «Нет права голоса, нет налогов» («No vote, no tax»), призывающая женщин уклоняться от уплаты налогов на том основании, что поскольку государство не желает предоставить женщинам, обладающим доходами и собственностью, право голоса наравне с мужчинами, то, следовательно, у них нет и обязанностей перед этим государством. Кампания носила массовый характер, и многие англичанки к ней присоединились.

«Просвещение общественного мнения обычными способами» также носило массовый характер и принимало разнообразные формы. Наглядной агитации обе милитантские организации уделяли большое внимание. Целая организация художниц-суфражисток создавала суфражистскую символику, открытки, листовки, значки, нарукавные повязки, плакаты, знамена, транспаранты и многое другое. Все это в большом количестве распространялось среди населения. По всей стране организовывались турне отрядов суфражисток в повозках, украшенных лозунгами, требующими избирательных прав для женщин, проводились летучие митинги, в городах по улицам фланировали суфражистки, увешанные плакатами, рекламирующими деятельность Лиги, раздающие листовки прохожим, многочисленные торжественные процессии с транспарантами, флагами и знаменами шествовали по улицам. Показателем роста влияния суфражистского движения становится то, что теперь оно воспринимается как серьезная политическая сила представителями всех партий. Русский суфражистский журнал «Союз женщин», уделявший практически в каждом своем номере несколько страниц освещению борьбы англичанок за политические права, свидетельствовал в 1908 г., что «в последнее время почти все кандидаты заявляют себя сторонниками равноправия женщин, очень предупредительно отвечают на запросы Национального союза... приходят на женские митинги, говорят о равноправности женщин во всех своих речах, а иногда и в программах»⁸.

Решительные и достаточно успешные действия милитанток заставляют и умеренный Национальный союз суфражистских обществ перейти к более активным действиям и изменить свою политическую тактику. Он также приходит к выводу, что невозможно проведение билля в парламенте о женском избирательном праве отдельным кандидатом и поэто-

му начинает «создавать в каждом избирательном округе женские суфражистские общества внепартийного характера»⁹. Это свидетельствовало о том, что умеренные суфражистки также начинают ориентироваться на правительство как на инициатора соответствующего законопроекта, независимо от партийной принадлежности его членов. В немалой степени в формировании такой позиции способствовала политика, проводимая новым либеральным кабинетом, сформированным в 1908 г., во главе которого встал Г. Асквит, известный как последовательный противник политического равноправия женщин. Декларируя при встречах с депутациями парламентариев-сторонников женского избирательного права намерение правительства предоставить в недалеком будущем политические права женщинам, Г. Асквит в 1908 г. фактически не дал возможности принять очередной законопроект о праве голоса для женщин, несмотря на то, что большинство парламентариев голосовало в его поддержку.

Очередная неудача стала поводом для ужесточения тактики милитанток. Летом 1909 г. в ответ на арест лидера ЖСПС Э. Пэнкхерст состоялась стихийная акция протеста суфражеток в центре Лондона, вылившаяся в разбивание камнями витрин магазинов и окон правительственных зданий. С этого момента тактика гражданского неповиновения приобретает открыто агрессивные и террористические формы. Начинаются массовые покушения на собственность кик политиков, выступивших против женского политического равноправия, так и ни в чем неповинных рядовых англичан. Агрессивные действия милитанток дали дополнительные аргументы противникам женского равноправия, умеренные суфражистки также публично отмежевались от них. Но, с другой стороны, эти действия произвели впечатление и на правительство, которое стало активнее проявлять готовность пойти на уступки. Новая предвыборная кампания либералов началась с выступления Асквита 10 декабря 1909 г., где он заявил о том, что если либеральное правительство после выборов вновь будет сформировано, то оно примет закон об избирательных правах женщин.

Летний перерыв был использован суфражистками обоих направлений для организации кампании в поддержку билля. С июля по ноябрь состоялось 4000 митингов и собраний в поддержку законопроекта. Самой крупной акцией была демонстрация в Гайд-парке, организованная ЖСПС и собравшая около полумиллиона человек¹⁰.

Однако после того как билль снова был забаллотирован Женский социально-политический союз после десятимесячного перерыва воз-

обновил тактику гражданской войны с правительством. Следующий перерыв в атаках на правительство был сделан в 1911-1912 гг., когда в парламенте обсуждался второй согласительный билль. Вновь все суфражистские организации работали согласованно, ведя пропаганду в пользу законопроекта, однако он снова был снят с обсуждения. В результате начинается процесс постепенного распада альянса Национального союза суфражистских обществ с либеральной партией. Что касается Женского социально-политического союза, то он вновь ужесточает свою тактику. В 1912 г. организуется массовая кампания покушения на частную собственность. Снова разбивались витрины дорогих магазинов, бросались камни в окна правительственных зданий, сжигались поля для гольфа, поджигались почтовые ящики и дома противников суфражизма. Массовые аресты не могли остановить акций милитанток. Значительная часть общества была шокирована подобными действиями, в самом союзе также не все одобрили кампанию насилия, что привело к новому расколу организации в 1912 г., однако Эммелин Пэнкхерст и ее сторонницы были готовы сражаться до конца, чтобы доказать, что женщины, как и ирландские революционеры, способны бороться за свои права, невзирая на жертвы. Поскольку в тюрьмах находилось более тысячи суфражисток, регулярно объявляющих голодовки, то правительство вынуждено было рассматривать эту проблему и принимать по ней решение. В 1913 г. был принят закон о временном освобождении суфражисток из заключения по состоянию здоровья¹¹. Так как он давал право властям вновь арестовывать освобожденных после улучшения их состояния, то этот закон получил название «Акт кошки-мышки» и резко критиковался суфражистками всех направлений.

Подводя итоги, можно констатировать, что накануне Первой мировой войны суфражизм действительно переместился в центр политической жизни Англии. Отныне в решение проблемы женских избирательных прав вовлекаются все три ведущие политические партии Великобритании. Степень эффективности деятельности милитантского направления не может быть оценена однозначно. С одной стороны, милитантки действительно дискредитировали суфражистское движение в глазах общественности и политических партий, зачастую препятствовали действиям умеренных суфражисток. С другой стороны, во многом благодаря именно суфражеткам требование женских избирательных прав стало восприниматься правительством более серьезно.

Рассматривая историю суфражизма с позиций нашего времени, отрешившись от страстей, бушевавших не только в английском, но и, в частности, в российском обществе, стоит отдать должное последовательности, целеустремленности и сплоченности суфражистского движения, которое, разрушая традиционные предрассудки и стереотипы викторианского общества, утверждало новую модель женского поведения и идеал Новой женщины. Поэтому некоторые методы, которые применялись суфражистками для лоббирования своих интересов, вполне могут найти свое применение и в наши дни.

¹Миллю Дж. С. Подчинённость женщины. СПб., 1869.

²Evans. R. The feminists: Womens Emancipation Movements in Europe, America and Australia, 1840-1920. London, 1977.

³Школьников И. А., Шнырова О. В. Суфражизм и политические партии в Великобритании в середине XIX – начале XX века: опыт взаимодействия // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004. С. 87.

⁴Aikin K. W. The Last Years of Liberal England, 1900-1914. London, 1972. P. 132.

⁵Fawcett M. Women's Suffrage. London, 1912. P. 63

⁶Banks O. Faces of Feminism. Oxford, 1981. P. 145.

⁷Faye L. The truth about the British Suffragettes // Feminist revolution. N.-Y., 1975. P. 47.

⁸Союз женщин. 1908. № 10. С. 17.

⁹Rover C. Womens suffrage and Party politics in Britain. 1866–1914. London, 1967. P. 65.

¹⁰Fawcett M. Op. cit. P. 81.

¹¹Phyllis C. V. L. Mathews. Towards Citizenship. London, 1928. P. 82.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ БЕЛЫХ ЖИТЕЛЕЙ АВСТРАЛИИ К РОССИИ И РУССКИМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Почти до конца XIX в. жители переселенческих колоний Великобритании на австралийском материке видели русских воочию достаточно редко – ими могли быть моряки кораблей российского флота и посещавшие Австралию немногочисленные русские специалисты. Однако уже с середины XIX в. у австралийцев формируется вполне определенное и в целом негативное отношение к России и русским. Целый ряд факторов способствовал формированию и закреплению именно такого отношения.

Во-первых, – и это естественно – австралийцы восприняли английские традиции подозрительного и в чем-то пренебрежительного отношения к России. Во-вторых, усугублению негативного мнения о русских способствовали крайне напряженные отношения между Англией и Россией на протяжении всей второй половины XIX и начала XX в. Австралийцы при этом рассматривали Россию как главного соперника Британской империи на международной арене и откровенно опасались русского вторжения на пятый континент в случае начала войны Англии и России. Наконец, закреплению негативного имиджа России и русских способствовало то обстоятельство, что именно во второй половине позапрошлого и начале прошлого столетия начинают развиваться процессы становления и самоидентификации австралийской нации, и все имевшиеся на тот момент этнические предпочтения, предрассудки и фобии (касающиеся, разумеется, не только русских) закрепляются в рождающемся национальном самосознании австралийцев.

Формирование негативного, опасливого отношения к России и русским началось фактически в период Крымской войны. Усилиями прессы в умах австралийцев формировался образ русских как жестоких и невежественных варваров с «тошнотворными усами и бородами». Эти «мерзкие» люди придут в Австралию для того, чтобы «разрушить наши дома,

отнять наших женщин, а нас сделать рабами»¹. В статьях, претендующих на серьезность, проводилась мысль об изначальной склонности русских к деспотизму и распространенности, как среди государственных деятелей России, так и среди ее народа, убеждения в божественном предначертании России завоевать весь мир и распространить на Земле православие². Призывами дать отпор русскому императору – «самому жестокому властителю в мире», и содействовать Англии в ее борьбе за «сохранение конституционных свобод народов Европы» завершались многочисленные митинги, проходящие в столичных и провинциальных городах австралийских колоний³. На протяжении всей второй половины XIX в. в Австралии практически не сомневались в неизбежности враждебных действий России против пятого континента в случае англо-русской войны. Об этом говорили ведущие политики австралийских колоний (например, будущий премьер-министр Нового Южного Уэльса, «отец австралийской федерации» Г. Паркс в 1859 г., губернатор Виктории Ч. Дарлинг в 1864 г., премьер-министр Австралийского Союза Э. Бартон в 1903 г.), английские и австралийские военные деятели (Д. Коломб, лорд Брассей, У. Джервойс, Дж. Эрскин, Дж. Трайон, Ч. Тюллок). Об этом же постоянно писали ведущие газеты Австралии. Австралийцы призывались «размышлять и действовать», чтобы не увидеть «Российскую империю простирающуюся вплоть до их собственных дверей»⁴. Ее флот может «затруднить или вообще прервать нашу торговлю и безнаказанно разорять (harass) наши прибрежные города при помощи грабежа, взимания контрибуции и тому подобного»⁵. Следовало помнить, что Россия – это «опаснейший соперник в Тихом океане», а русская секретная служба – «возможно, самая совершенная» в мире – неустанно и не жалея сил ведет разведку за состоянием обороноспособности австралийских колоний⁶. Русские медведи, топчущие и пожирающие Австралию, замелькали в политических карикатурах на страницах австралийских иллюстрированных изданий⁷. Антирусские настроения и страх перед возможной агрессией России нашли свое отражение даже в художественной литературе. Появляются беллетристические произведения, в которых с леденящими душу подробностями рассказывается о ходе и последствиях нападения русского флота на города Австралии и Новой Зеландии. Можно назвать, например, роман У. Уолкера (псевдоним Дж. Ранкена) «Вторжение», сочинения Ч. Фенуика «Выдержки из моего дневника» и Д. Лаки «Рейд русского крейсера “Касковиски”»⁸. Роман Д. Маккея «Желтая волна» повествует о том, как Австралию затопили орды китайцев, доставленные на пятый

континент кораблями русского флота⁹. Не удивительно, что длительная и постоянная обработка общественного мнения в антирусском духе сделала русофобию, можно, сказать, обыденной составной частью общественно-политической жизни австралийских переселенческих колоний.

На рубеже XIX и XX вв. стала проявляться, однако, и другая тенденция – более благожелательного и, во всяком случае, не враждебного отношения к русским. Ее появление было обусловлено, прежде всего, тем, что в Австралии появились первые русские эмигранты. Их было еще не много – к 1901 г. в Австралии насчитывалось 3358 выходцев из России, хотя в начале XX в. в Квинсленде, например, русская община стала четвертой по численности среди эмигрантских общин этого австралийского штата¹⁰. Первая волна русской эмиграции состояла в большинстве своем из мужчин и носила трудовой, главным образом, крестьянский характер. Вновь прибывшие эмигранты стремились получить землю, навсегда осесть в Австралии и найти там свою новую родину. Отсюда и неизбежные смешанные браки с англо-австралийками, и стремление как можно быстрее адаптироваться к новым условиям жизни и к новому языковому окружению¹¹. Среди австралийцев у русских появляется репутация недорогих и непрехотливых работников, которые к тому же обладают достаточно высоким уровнем квалификации¹². По мнению австралийского исследователя истории русской эмиграции в Квинсленде Э. Фрида начинает формироваться «исключительно благосклонное отношение» к русским эмигрантам «австралийских правительств и общественного мнения»¹³.

Укреплению симпатий к русским способствовало и изменение внешнеполитической ситуации, в частности, начало в 1904 г. русско-японской войны. Для Австралии рубежа XIX–XX вв. характерен панический страх перед иммиграцией азиатов, прежде всего китайцев и японцев, способных понизить стоимость рабочей силы белых австралийцев на австралийском рынке труда. Опасались в Австралии и растущей промышленной конкуренции Японии. Расовые предрассудки становятся весьма действенной причиной явно выраженных симпатий австралийцев к русским. Причем симпатий со стороны именно общественного мнения, но не правящих кругов, которые в вооруженном конфликте России и Японии, так сказать, по долгу службы должны были поддерживать прояпонскую политику Великобритании. В плане формирующихся симпатий к России и русским характерна, например, карикатура, опубликованная в январе 1904 г. в журнале «Буллетин»: маленький человек (австралиец) смотрит на гото-

вющихся к схватке белого медведя (Россию) и черную обезьяну (Японию). Австралиец задумчиво говорит: «Не знаю, что может быть хорошего для меня от победы одного из них, но я, во всяком случае, намереваюсь подержать белого!»¹⁴ Эти же настроения отчетливо просматриваются в стихотворении выдающегося австралийского поэта Г. Лоусона: «Дайте же мне сделать один выстрел за русских, даже если этот выстрел станет для меня последним... Отряды русских – это отряды Белого человека!»¹⁵

Еще одним фактором в улучшении отношения жителей пятого континента к России и русским стало знакомство интеллектуальной элиты Австралии с русской культурой и, в частности, с литературой. «Мировое влияние русской литературы охватило и Австралию, - пишет крупнейший отечественный специалист по истории культуры Австралии А. С. Петриковская. – Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов совершили переворот в умах... Русская литература, вникавшая в неизвестную австралийцам жизнь, затрагивала существо самой Жизни»¹⁶. Сильнейшее впечатление производил на австралийцев русский балет. В 1891 г. балетные спектакли на сцене Мариинского театра увидела австралийская оперная дива Нелли Мелба, которая гастролировала в Петербурге. Позднее она писала в своих мемуарах, что она была совершенно очарована: «Я почувствовала, что открыла для себя новое искусство»¹⁷. Гастроли самой Мелбы прошли более чем успешно, певица снискала шумный успех у слушателей, с восторгом отзывалась она об «изумительном огне и непринужденности русского темперамента» своих поклонников¹⁸. Вместе с тем при всем интересе к русской культуре Россия все равно воспринималась как полу-варварская и в любом отношении чуждая европейской культуре страна. Та же Мелба именно в «неуемности» русского темперамента, с которым отнеслась к ней русская публика, видела признак недостаточной цивилизованности русских. Россия ей представлялась диковатой и непопулярной страной.

Обе тенденции – и благожелательного интереса к России и русским, и подозрительного и подчас враждебного отношения к ним, продолжали развиваться в австралийском обществе и в последующем.

После 1905 г. в русской диаспоре Австралии сформировалась небольшая (примерно 500 человек), но исключительно активная группа иммигрантов-революционеров. В их числе можно отметить видных большевиков Артема (Ф. Сергеева) и А. Зузенко, эсера Г. Быкова, а также П. Уткина, Н. Лагутина, В. Пикунова и других. В 1911 г. Артем приходит к руководству в Союзе русских эмигрантов в Австралии (с 1915 г. – Союз рус-

ских рабочих) и придает его деятельности радикальную революционную направленность. Социалистическую пропаганду вели печатные издания русских эмигрантов – газеты «Эхо Австралии» и «Известия Союза русских эмигрантов». Обе эти газеты были закрыты австралийскими властями. Пришедшие им на смену «Рабочая жизнь», «Знание и Единство» продолжили дело своих предшественниц. В годы Первой мировой войны русскоязычная пресса заняла открыто антивоенную позицию. Русские рабочие-эмигранты стремились влиться в австралийское рабочее движение, пытаясь придать ему радикальный социалистический характер. Они приняли активное участие в на шумевшей в Австралии забастовке брисбенских трамвайщиков 1912 г.¹⁹ Подобного рода деятельность вызывала резкое раздражение как в правительственных кругах, так и у значительной части населения Австралии. Австралийская полиция установила слежку за самыми активными радикалами из числа русских. В 1912 и 1913 гг. премьер-министр Квинсленда Д. Дэнхем предлагал даже запретить русским въезд в Австралию, распространив на них Акт об ограничении иммиграции 1901 г. Этот Акт фактически запрещал въезд на пятый континент представителям небелых рас и являлся юридической основой политики «Белой Австралии». Дэнхем при этом утверждал, что русские не европейцы, а азиаты²⁰.

В то же время в годы Первой мировой войны Россия, воюя на стороне Антанты, выступает в качестве союзницы Англии и Австралии. Это обстоятельство, разумеется, усиливало интерес австралийцев к России. В прессе появляются благожелательные публикации по отношению к русским. В этой связи весьма характерна статья «Правитель России и его мечты», которая появилась в выходившей в Аделаиде газете «Эдвертайзер». Россия, писала газета, «даже отдаленно» не напоминает тот образ, который был сконструирован для нее английскими писателями и публицистами. У русских нет планов «завоевать весь мир и поставить Россию над остальными народами». Да, конечно, русский царь «сохраняет самодержавие и запрещает даже критику его», что чуждо и непонятно англосаксам, однако делается все это во имя сохранения «прекрасной простоты русской жизни». У России собственный путь – путь «патриархальной общности, спокойного достоинства, духовной красоты». Николай II – мужественный человек и идеалист, который верит в Святую Русь, а его «удивительное единение» с любящим его народом, нерушимое и в дни славы, и в дни испытаний, дает надежду на будущее, которое «воистину должно быть великолепным»²¹. Даже в январе 1917 г. в Австралии с

удовлетворением отмечали, что большинство русских с «твердой решимостью» выступают за продолжение войны до ее победоносного завершения²².

Австралийцы с симпатией, если не сказать с восторгом приняли известие о Февральской революции 1917 г., которая рассматривалась, как прорыв русского народа к долгожданной свободе. «Все и каждый выглядят счастливыми – Россия почувствовала себя свободной», – писала домой жительница Брисбена, оказавшаяся летом 1917 г. в Москве²³. Горячо приветствовали Февральскую революцию Австралийские лейбористы²⁴. В помещениях профсоюзов стало модным вывешивать красные флаги. В июле 1917 г. с подачи российского генерального консула в Австралии А. Н. Абазы правительство Австралии отправило приветственную телеграмму А. Ф. Керенскому с выражением высокой оценки наступления, предпринятого Россией на германском фронте²⁵.

Ситуация резко изменилась после Октября 1917 г. в России. К приходу большевиков к власти большая часть австралийского общественного мнения отнеслась крайне негативно. Жителей антиподов возмутил и факт насильственного захвата власти, и установившаяся жестокая диктатура, и дичайшее по европейским понятиям стремление уничтожить частную собственность. Еще большим бесстыдством в глазах австралийцев стал выход России из войны и заключение мира с немцами. Вот некоторые выдержки из австралийских газет: «Русский народ доказал, что он совершенно безнадежен и совершенно не подходит для свободы в том смысле, в каком это понятие отвечает мировоззрению западных демократических наций»²⁶. «Для нас в Австралии большевики представляются... кровавыми головорезами, разворачивающими кампанию убийств и насилий. Мы приучили себя думать о них, как о жестоких верзилах, заросших и неопрятных, вроде ... людоедов, каждый день ищущих свою жертву»²⁷.

Масла в огонь вновь разгоравшейся ненависти к России и русским подлили русские эмигранты-радикалы. Союз русских рабочих трансформировался в Союз российских рабочих-коммунистов, открыто поставивший своей целью агитацию за социалистическую революцию в Австралии. Союз начал издавать газету на английском языке «Knowledge and Unity», где печатались откровенные агитки и в резкой, подчас оскорбительной форме высказывались упреки относительно нерешительности австралийских рабочих, которые думают только о «хлебе с маслом» и медлят с социалистической революцией. Разумеется, такого рода статьи вызывали не менее жесткую реакцию официальных властей и лояльной

прессе. Особенно возмущались подстрекательской деятельностью русских революционеров австралийские ветераны Первой мировой войны. С их руки слово «больши» (большевик) стало грязным ругательством. Ветераны объединяются в лоялистские организации и создают в Брисбене Армию для сражения против большевизма численностью до 2 тысяч человек²⁸. Начинаются столкновения австралийских патриотов с русскими радикалами. Взрыв произошел 23 марта 1919 г., когда ветераны напали на многотысячную демонстрацию русских и австралийских социалистов в Брисбене, шедшую под красными флагами. Дело дошло до стрельбы. Назавтра 24 марта толпы лоялистов бросились в районы, населенные русскими, с криками «Вон из Квинсленда всех грязных русских ублюдков!», «На виселицу их!», «Подожжем их дома!»²⁹. Ветераны ворвались в здание Русской ассоциации в Брисбене, людей там не застали, но устроили настоящий погром. Полиция, впрочем, довольно быстро пресекла шабаш разбушевавшихся патриотов.

Эти события вошли в историю Австралии как «Бунты красного флага». Они не только показали, что социалистическая идеология, по крайней мере, в ее большевистском варианте, отвергается подавляющим большинством народа Австралии. «Бунты красного флага» также надолго определили негативное отношение основной массы населения к России и русским.

Волны неприязни и симпатий к России и русским чередовались и в последующие десятилетия XX в. Разумеется, свою роль играла политическая конъюнктура. Сочувствие и интерес к русским возрождаются в годы Второй мировой войны, когда СССР и Австралия совместно воевали в составе антигитлеровской коалиции. Страх и подозрительность характеризовали восприятие всего, исходящего от СССР, в период «Холодной войны». Всплеск интереса к далекой и непонятной австралийцам северной стране вновь может быть отмечен в годы Перестройки. В начале XXI в. этот интерес сменяется новой волной подозрений, на этот раз в неспособности России стать свободным демократическим государством. Двойственное, с преобладанием настороженности отношение ко всему русскому стало в Австралии, по сути дела, одним из устоявшихся этнических стереотипов. Такие стереотипы необычайно прочны. Поэтому ожидать радикального изменения отношения австралийцев к России и русским, видимо, не приходится.

¹Sydney Morning Herald, 13.04.1854.

²Sydney Morning Herald, 1.05.1854.

³Sydney Morning Herald, 23.05.1854. Резолюции такого рода митингов см. также: Crowley F. A Documentary History of Australia. Vol. 2 Colonial Australia 1841-1874. Melbourne, 1980. P. 274, 276.

⁴Argus. 15.04.1871.

⁵Fenwick C. Extracts from my Diary. Being and Account of the Preparations for and Successful Accomplishment of an Attack on Sydney Harbour by a Russian Naval Captain Serving with the Fleet. With Notes and Suggestions and Preface by a Colonist. Sydney, 1883. Preface. P. 4.

⁶Sydney Morning Herald, 21.01.1888; Fenwick C. Op. cit. P. 28.

⁷Mahood M. The Loaded Line. Australian Political Caricature 1788-1901. Melbourne, 1973. P. 105, 106, 162, 192-193, 197, 246.

⁸Walker W. H. The Invasion. Sydney, 1877; Fenwick C. Op. cit.; Luckie D. M. The Raid of the Russian Cruiser «Kaskowski». An Old Story of Auckland. With an Introduction and Appendix on Colonial Defence. Wellington, 1894. О других сочинениях из этого ряда см.: McLacklan N. Waiting for the Revolution. A History of Australian Nationalism. Ringwood (Vic.), 1989. P. 123-124.

⁹Mackay K. The Yellow Wave. L., 1895.

¹⁰См.: Каневская Г. И. «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии. Владивосток, 2010. С. 20.

¹¹См.: Kravchenko M. Russians in Queensland // Multicultural Queensland. The People and Communities of Queensland. A Bicentennial Publication. Brisbane, 1988. P. 187.

¹²См.: Каневская Г. И. «Я бездомный, но зато на воле...». Владивосток, 2005. С. 47.

¹³Fried E. Russians in Queensland. Bachelor of Arts Thesis. Brisbane, 1980. (Manuscript). – University of Queensland Library (Brisbane). P. 27.

¹⁴Australia and the World. A Documentary History from the 1870s to the 1970. Ed. by N. Meaney. Melbourne, 1985. P. 138.

¹⁵См.: Ward R. A Nation for a Continent. The History of Australia 1901-1975. Richmond, 1977. P. 60. «Общераспространенное мнение и чувства вне официальных кругов ..., – пишет о реакции австралийцев на начало русско-японской войны Р. Уард, – были глубоко антияпонскими». См.: Ward R. Op. cit. P. 59.

¹⁶Петриковская А. С. Культура Австралии XIX – XX вв. М., 2007. С. 199.

¹⁷Melba N. Melodies and Memories. L., 1980. P. 71.

¹⁸Ibid. P. 72.

¹⁹Пикунов В. И. Союз русских рабочих в Австралии // Вопросы истории КПСС. 1960. № 1. С. 168.

²⁰Radical Brisbane: an Unruly History. Ed. by R. Evans and C. Ferrier. Carlton North, 2005. P. 168.

²¹Advertiser. 26.06.1915.

²²Argus. 31 January 1917.

²³Queenslander. 18.08.1917.

²⁴См.: *O'Farrell*. The Russian Revolution and the Labour Movements of Australia and New Zealand // *International Review of Social History*. 1963, Vol. 8. P. 178.

²⁵National Australian Archives: A 981, CONS 240.

²⁶West Australian. 12.11.1917.

²⁷Age. 16.07.1918.

²⁸*Evans R*. The Red Flag Riots: a Study of Intolerance. St Lucia, 1988. P. 176-178.

²⁹*Evans R*. "Agitation, Ceaseless Agitation": Russian Radicals in Australia and Red Flag Riots // *Russia and the Fifth Continent. Aspects of Russian-Australian Relations*. Ed. by J. McNair and T. Poole. Brisbane, 1992. P. 151.

**К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ Э. БЕНЕША И
ЧЕХОСЛОВАЦКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛИСТОВ
К ВЫСЕЛЕНИЮ НЕМЦЕВ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ
(1938 – 1945 ГГ.)**

Начало разделению чехословацкого государства между Германией, Венгрией и Польшей положила международная конференция в Мюнхене, состоявшаяся 29 сентября 1938 г., и последовавшие за ней события. 20 ноября 1938 г. был заключен чехословацко-немецкий договор о новой государственной границе. Согласно договору Германской империи от Чехословакии отошло 29 тыс. км²; Польше – около 1 тыс. км², в том числе две трети Тешинской Силезии; Венгрии – южная Словакия и юг Подкарпатской Руси, включая ее столицу Ужгород (всего – 12 тыс. км²). Единственным соседом, ничего не получившим, была Румыния. Таким образом, территориальные потери Чехословакии в 1938 г. составили примерно 30 % ее первоначальной территории. С тринадцатого места в Европе по занимаемой площади после Мюнхенского соглашения Чехословакия оказалась на семнадцатом месте. Чехословакия стала вторым после Чили самым узким государством в мире. Это уже не было жизнеспособное государство. Оно, по словам видного деятеля Чехословацкой национально-социалистической партии (ЧНСП) Г. Рипки, «было подобно чудовищу»¹. Причем возникновение так наз. «второй республики» (30 сентября 1938 г. – 14 марта 1939 г.) сопровождалось насильственным изгнанием либо бегством чехов из районов, отданных Германии (122 тыс. чел.) и Польше (30 тыс. чел). Кроме того, еще 130 тыс. чехов покинули Словакию (включая земли, отошедшие Венгрии). Наиболее лояльную позицию по отношению к чехам заняло правительство Подкарпатской Руси (позже Подкарпатской Украины)².

Последовавшие в марте 1939 г. окончательное расчленение чехословацкого государства и оккупация чешских земель оказали колоссальное влияние на национальное сознание, прежде всего, чехов. При этом вина

чехословацких немцев в произошедшем казалась неоспоримой, и это предопределило их дальнейшую судьбу.

В чешских архивах был найден документ, свидетельствующий о том, что еще накануне Мюнхена 16 сентября 1938 г. Э. Бенеш планировал сократить численность немецкого населения в стране. В этой связи во Францию был направлен депутат парламента Я. Нечас, в проекте которого Германии предполагалось отдать около 4-6 тыс. км² на северо-востоке Чехословакии при условии, что она примет 1,5-2 млн. чехословацких немцев³. А 31 января 1939 г. состоялся разговор Э. Бенеша и члена движения Сопротивления в Чехословакии Я. Драбека. После разговора с президентом Я. Драбек на карте Чехословакии сделал следующие пометки: Германии должны были отойти западные регионы от Тахова до Доуповских гор (включая Карловы Вары, Кадань, Вейпрты); северные территории от Усти над Лабем до Танвалда (включая Дечин и Либерец), Броумовский выступ и небольшие районы возле Кралика, Микулова, Быстржице и Каплиц. Предусматривались также уступки в районе Кралицкого Снежника через Шумперк, Рымарж до Опавы. На карте имелась и линия, отмечавшая территориальные приобретения самой Чехословакии на севере страны. По мнению Э. Бенеша, таким образом Чехословакия смогла бы избавиться от 1,4 млн. немцев⁴. Но эти проекты нигде официально озвучены не были: Э. Бенеш понимал, что это противоречило его тезису о восстановлении Чехословакии в домюнхенских границах.

В депеше Центральному комитету чехословацкого движения Сопротивления от 26 – 27 ноября 1940 г. Э. Бенеш изложил свое видение решения национально-территориальных проблем после войны. Во-первых, он ни в коем случае не отказывался от исторических границ Чехословакии, но для него это был вопрос «благоприятной возможности, а не твердого убеждения»⁵. «Раз и навсегда мы должны обеспечить как можно большее жизненное пространство для своего народа. Это возможно только в результате войны»⁶. В качестве главной рассматривалась проблема создания обширных чешских областей. Так называемые «внутренние немцы», в том числе и из самой Праги, должны были либо покинуть территорию Чехословакии, либо принять «чешский языковой и административный режим без каких-либо прав национального меньшинства в рамках новых этнических чешских границ». Для немцев предполагалось создание трех административно-территориальных единиц («жуп») (Крновской, Либерецкой и Карловарской – северные районы Чехословакии) для того, чтобы в будущем «наши немцы не могли нас терроризировать». При этом

Э. Бенеш подчеркивал необходимость сохранения немецких жуп в рамках чехословацкого государства. Президент высказывал сомнения в самой возможности выселения либо трансфера 3 млн. немцев, как «некоторые у нас наивно полагают». Единственное, на что, по его мнению, можно было надеяться так это на выселение из Чехословакии после войны сотен тысяч нацистов или принудительное переселение еще нескольких сотен тысяч из выше перечисленных районов в немецкие «жупы», Австрию или Германию. Э. Бенеш надеялся, что это позволит выселить не многим более 1 млн. немцев, но и это уже можно будет расценивать как «огромный успех в обеспечении государственной безопасности и национального развития» чехословацкого народа⁷. С другой стороны, тот же Э. Бенеш настаивал на выселении хотя бы 1 млн. немцев как жизненной необходимости чешского народа⁸ в целях предотвращения гражданской войны⁹.

Движение Сопrotивления в Чехословакии было категорически против планов Э. Бенеша по созданию немецких жуп. Поэтому под их влиянием, а также под влиянием событий, происходивших в Чехословакии с середины 1941 г., он перестал об этом говорить.

В Меморандуме Э. Бенеша о мирных целях чехословацкой политики (3 февраля 1941 г.) давалось объяснение невозможности установления этнической границы между Германией и Чехословакией. Так, утверждалось, что если чешские земли и северная Моравия не будут сохранены в довоенном виде, то никто не сможет гарантировать независимость Чехословакии, «ее экономическое процветание и политическое развитие». Поэтому между Германией и Чехословакией будущая граница должна формироваться с учетом природного фактора. Такая граница исключала бы возможность «нового Мюнхена» (подчеркнуто в тексте – Н. П.)¹⁰. Ведь только она, как отмечал президент в письме к своему брату В. Бенешу еще 4 апреля 1940 г., «спасала чешский народ на протяжении многих столетий от германизации»¹¹. Параллельно предполагалось проведение переселения немецкого населения. Исчезновение же «смешанных краев» способствовало бы созданию более однородного государства и сделало возможным «действительное национальное существование» чешского народа и «мирное сосуществование» чехов и немцев, оставшихся в республике. Более радикальное упорядочение границ касалось обмена некоторыми районами в северной и западной Чехии¹². Главная цель будущих национально-территориальных изменений состояла в создании более однородных областей проживания как чешского, так и немецкого населения .

После выхода Меморандума от 3 февраля 1941 г. был высказан ряд замечаний к некоторым его положениям. Так, Г. Рипка в своих замечаниях от 25 февраля 1941 г. сомневался в целесообразности создания «автономных немецких территорий». С одной стороны, Прага всегда бы колебалась в необходимости значительных финансовых вливаний в немецкие «жупы» из-за возможного их присоединения к Германии. С другой стороны, экономическая «заброшенность» немецких районов могла стать причиной будущего социально-экономического и политического недовольства. По его мнению, немцы не будут удовлетворены созданием немецкой администрации в немецких «жупах», они захотят оказывать влияние на внешнюю политику государства, на армию, экономику, финансы и коммуникации. Г. Рипка сомневался и в самой возможности проведения трансфера немецкого населения, объясняя это тем, что Англия, США и, тем более, Россия, не дадут на это своего согласия. В этой связи он предлагал два варианта решения вопроса. Сущность первого состояла в том, чтобы восстановить Чехословакию в исторических границах при уменьшении влияния немецкого элемента. Г. Рипка предлагал заселить пограничные регионы как можно большим числом чехов и запретить какую-либо автономию. По его мнению, автономия означала ничто иное, как раздвоение и разложение чешского государства, и подготовку нового Мюнхена. Второй его вариант предполагал отказ от старых исторических границ и возможность уступки некоторых приграничных территорий (район Хеба на северо-западной границе; Шлукнова, Фридланда, Фривалдова и Крнова на северо-востоке и некоторых районов около р. Дийи на южной границе с Австрией). Взамен Чехословакия могла бы требовать район Кладско, возможно даже и Ратиборжа; трансфер, по крайней мере, 1,5 млн. немцев из пограничья с параллельным переселением чехословаков из Германии и Австрии; запись оставшихся в Чехословакии немцев либо как чехословаков, либо как подданных Германской империи с правами и положением иностранцев; ликвидацию национальных меньшинств, по крайней мере, немецкого. Сам Г. Рипка склонялся ко второму варианту¹³.

Не был согласен с позицией Э. Бенеша и другой видный деятель (ЧНСП) Я. Странский, который высказывался против создания немецких административных единиц и против трансфера, считая его «нацистским изобретением»¹⁴. Он также отвергал возможность отказа от некоторых чехословацких территорий, так как не мог представить, что государство-победитель могло бы выйти из войны с территориальными потерями.

А предоставление автономных прав судетским немцам, по его мнению, означало бы начало отторжения этих территорий от Чехословакии¹⁵.

В ходе развернувшейся дискуссии было высказано мнение, что трансфер как способ решения национальных проблем в Центральной Европе мог быть начат уже в первой половине мая 1941 г. Потом последовали выступление Э. Бенеша в Оксфорде 23 мая 1941 г. и статья Г. Рипки в «**Central European Observer**» от **30 мая 1941 г., в которых трансфер рассматривался как средство достижения наибольшей степени гомогенности малых центрально-европейских государств**¹⁶. Таким образом, к 1942 г. идея трансфера немецкого населения уже полностью оформилась и у Э. Бенеша, и у национальных социалистов. И несмотря на то, что трансферу могут сопутствовать лишения и несправедливость, тем не менее, его ценность состоит в возможности установления более или менее постоянного равновесия и продолжительного мира¹⁷. В то же время Э. Бенеш признавал, что трансферы не решают проблему полностью, так как какой-то процент меньшинства все же остается в пределах исходного государства.

Э. Бенеш и его сторонники допускали также возможность обмена приграничными территориями в целях сокращения количества немецкого населения*. Оставшиеся в республике немцы автоматически признавались гражданами Германской империи, и лишь только антифашисты и немцы, сохранившие верность чехословацкому государству, могли рассчитывать на чехословацкое гражданство. Э. Бенеш планировал проведение трансфера за 5 лет, причем основную массу немецкого населения планировалось выселить в первые два года¹⁸. Целью очищения страны должно было стать создание однородных областей, где не менее 67 % населения составляли чехи, словаки и карпаторуссы¹⁹. Проблему трансфера немецкого населения президент увязывал с социальной, так как «среди наших немцев 70 % богатых людей»²⁰. Они должны были быть выселены в первую очередь. Конфискация немецких земель, фабрик, шахт, металлургических заводов, банков рассматривалась как начальный этап национализации. Поэтому трансфер означал для чехов, как отмечал Э. Бенеш на московских переговорах 1943 г., «чехизацию и начало великого социального переворота»²¹.

Выступая в Государственном Совете летом 1944 г. Бенеш заявил о претензиях Чехословакии на те районы, где чешский элемент доминировал. В частности, он имел в виду Шумаво, районы на юго-восток от Индржихова Градца, Знойма, долины реки Дийя и на севере угольный

Духцовский бассейн, Йелемнице, чешские Подкрконоши, Либерец, Зб-ржеш и Кралицкий Снежник²². В разговоре с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом Э. Бенеш предложил урегулировать границу с Германией путем взаимных территориальных уступок. Причем граница должна была идти не по вершинам гор, а по их подножью со стороны Германии. Президент еще раз подчеркивал, что это его личный взгляд на проблему, который не всеми разделялся²³. Придерживаясь принципа «ни одной пяди чужой земли не хотим, но и ни одного вершка своей земли не отдадим никому»²⁴, представители лондонской эмиграции во имя действительной независимости Чехословакии были готовы идти на уступки: «ибо нет таких уступок, при помощи которых нельзя было бы добиться больших уступок»²⁵.

После окончания войны Чехословакию охватила волна чешского и словацкого национализма. Для представителей всех политических направлений национализм стал составной частью идеологии национальной революции и новой государственной идеи. Председатель Временного Национального собрания, член президиума ЧНСП Й. Давид, выступая в мае 1945 г., говорил о том, что наступил исторический момент, когда «мы раз и навсегда избавимся от многовековой обузы немецкого меньшинства... В этом стремлении мы едины в правительстве, начиная от монсеньора Шрамека и заканчивая Климентом Готвальдом»²⁶. В результате этой «очистительной кампании» ЧСР, по мнению Э. Бенеша, «должна остаться в национальном отношении славянским государством»²⁷, «национальным государством чехов и словаков, и никого другого»²⁸.

Лозунг «окончательно разнечить нашу родину в культурном, экономическом и политическом отношении»²⁹ упал на благодатную почву, так как «ненависть к немцам, – как отмечалось в отчете о поездке в Румынию и Чехословакию советской делегации деятелей науки и культуры, – великая, такая, какую в других странах встречаешь не часто». В отчете описывались случаи бытового антинемецкого национализма, выливавшегося в эксцессы прямо на улице, отмечалось и другое выражение этой ненависти – «огонь в глазах чехов, когда они говорят о немцах»³⁰. В донесении командующего войсками 1-го Украинского фронта И. Конева говорилось о случаях «жесткой расправы населения с немцами, как пленными, так и гражданскими»³¹. В докладе же члена военсовета 4-й гвардейской танковой армии 4 июня 1945 г. отмечалось, что население решительно расправлялось с немцами, «применяли самые разнообразные формы наказания, вплоть до сжигания на костре отдельных эсэсовцев»³². Некоторые немцы

даже заканчивали жизнь самоубийством, «вскрывая вены на руках»³³. Партийный орган ЧНСП газета «Свободное слово» в ноябре 1945 г. поместила статью ее главного редактора и члена президиума ЧНСП И. Гербеня под названием «Дьявол говорит по-немецки», где отмечалось, что «никакой разницы между немецким народом и нацизмом нет. Не Гитлер создал нацизм, а нацизм со всеми его жестокостями и зверствами уже существовал в германском народе еще задолго до Гитлера... Нет также и демократических немцев. Каждый немец прежде всего империалист, разбойник и рабовладелец... Чешский отец, не воспитывающий своего ребенка в духе ненависти к немецкой лжекультуре и бесчеловечности, не только плохой патриот, но и плохой отец»³⁴. ЧНСП даже выдвинула предложение о введении особого отличительного знака для всех немцев, своего рода «желтого пятна»³⁵. В ряде мест это и было сделано: все немцы Оломоуца и Моравские Остравы, находящиеся на свободе, должны были носить специальную отметку³⁶.

Немалую роль в формировании столь одиозной позиции Э. Бенеша и национальных социалистов сыграла капитуляция Чехословакии в 1938 г., самым страшным последствием которой, по мнению чешских историков, явились не столько территориальные изменения, сколько «тотальная духовная капитуляция»³⁷. Осознавая собственную малозначимость в политической игре великих держав мира, председатель ЧНСП П. Зенкл говорил, что «свобода действия малых народов сегодня в некоторой степени ограничена и это вдвойне справедливо о государстве, находящемся в нашем положении»³⁸. Поэтому, однажды потерпев поражение в дни Мюнхена, Э. Бенеш и его сторонники были людьми с «мюнхенским комплексом»³⁹, который включал в себя панический страх перед Германией и перед развязыванием «новой мировой войны»⁴⁰. Вероятность появления реваншистских тенденций в европейской политике и угрозы национальному суверенитету в значительной степени определяла общественное настроение в Чехословакии и после Второй мировой войны.

¹*Rataj J.* O autoritativní národní stát. Ideologické proměny české politiky v druhé republice 1938 – 1939. Praha, 1997. S. 12.

²Там же. S. 13.

³*Křen J.* Odsun Němců ve světle nových pramenů // Češi. Němci. Odsun. Diskuse nezávislých historiků. Praha, 1990. S. 9.

⁴Там же. S. 8.

- ⁵Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945. Dokumenty. Praha, 1994. S. 78.
- ⁶Dokumenty z historie československé politiky. 1939 – 1943. Praha, 1966. Díl 2. .Spolupráce československé emigrace na západě s domácím odbojem, její vztahy k tzv. Protektorátní vládě a germanizační politika okupantů. S. 595.
- ⁷Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945... S. 78.
- ⁸Dokumenty z historie československé politiky. 1939 – 1943. Praha, 1966. Díl 1. Vztahy mezinárodní diplomacie k politice československé emigrace na západě. S. 143.
- ⁹Восточная Европа в документах российских архивов. 1944 – 1953 гг.: В 2 т. Москва, Новосибирск, 1997. Т. 1.: 1944 – 1948 гг. С. 175.
- ¹⁰Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945... S. 86.
- ¹¹*Beneš E.* Dopisy bratru Vojtovi. 1938 – 1944. Praha, 1998. S. 38.
- ¹²Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939 – 1945. Dokumenty. Praha, 1999. Díl 2: červenec 1943 – březen 1945. S. 512.
- ¹³Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945... S. 98.
- ¹⁴Dokumenty z historie československé politiky. 1939 – 1943 ... Díl 1 ... S. 196.
- ¹⁵Там же. S. 198.
- ¹⁶Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945... S. 104.
- ¹⁷*Beneš E.* The future of small European nations. The speech delivered before the Council on Foreign Relations in Chicago on May 22, 1943. New York, 1943. P. 9.
- ¹⁸*Кретилин.* Народ без родины. Воронеж, 1994. С. 203-206.
- ¹⁹Československo-sovětské vztahy ... S. 145-146.
- ²⁰Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) // Вопросы истории. 2001. №1. С. 23.
- ²¹Там же. С. 24.
- ²²Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945... S. 286.
- ²³Там же. С. 310.
- ²⁴Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 138. Оп. 12. П. 26. Д. 24. Л. 187.
- ²⁵Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 293. Л. 10.
- ²⁶Komu sluší omluva. Češi a sudetští Němci. (Dokumenty, fakta, svědectví). Praha, 1992. S. 98.
- ²⁷РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 11.
- ²⁸РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 775. Л. 183, 185; *Kusin V.* Czechoslovakia // Communist Power in Europe. 1944 – 1949 / Ed. by M. McCauley. London, 1977. P. 172, 266.
- ²⁹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 775. Л. 183.
- ³⁰РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 716. Л. 133.
- ³¹Русский архив: Великая Отечественная война. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: Документы и материалы: 1944-1945. М., 2000. С. 560.
- ³²Там же. С. 566.
- ³³Восточная Европа в документах российских архивов ... С. 223.
- ³⁴РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 776. Л. 55-57.
- ³⁵РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 775. Л. 169.
- ³⁶Там же. Л. 192.

³⁷Rataj J. O autoritativní národní stát ... S. 181.

³⁸Kusin V. Czechoslovakia ... P. 74.

³⁹Ibid.

⁴⁰РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 128. Д. 775. Л. 169. Л. 183-184.

*Так, они предполагали путем обмена некоторых районов избавиться примерно от 600 – 700 тыс. чел. путем организованного трансфера от 1,2 – 1,4 млн. чел. и от 300 – 400 тыс. немцев – так называемых виновников войны. В общей сложности получалось примерно 2,1 – 2,5 млн. немцев. В Чехословакии же оставалось бы 0,6 – 1 млн. чел. Немедленному выселению подлежали члены Гестапо, СС, немецкой полиции, функционеры генлейновской партии, Гитлерюгенда, все воевавшие на фронтах войны на стороне Германии, учителя, профессора, юристы, инженеры – члены каких-либо нацистских организаций, а также все немцы, которые извлекли выгоду из финансово-экономической оккупации страны.

II. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О. В. Анисимов

РЕЛИГИОЗНЫЙ СПОР О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ В СЕРЕДИНЕ XIX В.: В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА

Современная российская наука обращает особое внимание на историю взаимоотношений России со Святой землей. Политическое и духовное присутствие России в Палестине привлекает новых исследователей, и таким образом, восстанавливается традиция исторических изысканий, заложенная Императорским Православным Палестинским обществом во второй половине XIX в.¹. Наше внимание привлечено к проблеме компромисса в споре о Святых местах в начале 1850-х гг. Обостренный по инициативе Франции вопрос о Святых местах стал европейским дипломатическим событием. В тлевший религиозный конфликт были втянуты сначала дипломаты, представлявшие Францию и Россию в Турции, затем и правительства этих стран. Из межконфессионального спора возник Восточный кризис 1853 г., который имел последствием Крымскую войну. Но на пути к широкомасштабному кризису, в развитии самого религиозного конфликта, было сделано несколько остановок, во время которых стороны пытались наладить диалог.

Дореволюционная российская историография не выдвинула концепции компромисса; она возлагала вину за развязывание конфликта на реваншизм Наполеона III и коварство французского посла в Турции Ш. Лавалетта². Советская наука, отрицая роль Святых мест как причины войны, не рассматривала тонкости религиозной политики царизма³. Лишь сегодня, с опорой на западноевропейскую историографию, преимущественно французскую и английскую, которая зачастую пытается отвести от Франции упреки в развязывании конфликта, можно дополнить важные сведения о поиске соглашения между дипломатами.

Так, в марте 1851 г. российское правительство в лице канцлера К.В. Нессельроде сделало попытку войти в соглашение с французским каби-

нетом. Россия не отрицала претензий католиков и не оспаривала правомочность капитуляции 1740 г., на которой эти претензии были основаны, но взывала к охранительным чувствам французских властей. Основная идея ноты Нессельроде может быть сформулирована так: в общих интересах Европы не раскачивать «турецкую лодку». Но французское министерство иностранных дел и президент Бонапарт отказались обсуждать ноту Нессельроде, ссылаясь на незнание деталей «восточного дела».

Осенью 1851 г. имели место переговоры, оформившие условно называемый нами «проект Лавалетта». Отрывочные сведения о них содержатся в донесениях российского посланника в Стамбуле В.П. Титова⁴ и английского посла Ч. Стрэтфорда-Каннинга⁵. Идея французского посла заключалась в обеспечении равного доступа к христианским святыням для всех общин Палестины: греков, латинян, коптов, армян и др. Лавалетт провел ревизию договора 1740 г., признал его неактуальность и невозможность претворения в жизнь. В сухом остатке от этой капитуляции XVIII столетия осталось лишь право служить в самых главных христианских святынях. Лавалетт действовал без санкции правительства, готовя почву для будущего соглашения. Французское правительство было готово к такому повороту событий⁶. Но плодотворная с дипломатической точки зрения идея была отвергнута в Петербурге: ущемления прав греков здесь никак не могли допустить.

В конце 1851 г., после государственного переворота 2 декабря, российские послы в Париже и Лондоне – Н. Д. Киселев и Ф. И. Бруннов – независимо друг от друга выдвинули идею «продать» благожелательное отношение России к установлению бонапартистской диктатуры в обмен на прекращение попыток Франции добиться уступок у Турции по религиозным делам. Но Николай I недальновидно не дал ход этой инициативе послов, и Луи Бонапарту не пришлось идти на уступки.

В январе 1853 г., когда в Петербурге шла подготовка чрезвычайной миссии А. С. Меншикова в Стамбул, французское правительство, не будучи оповещено о предстоящем посольстве, предложило России прямые переговоры по вопросам Святых мест. Данное предложение прозвучало через несколько месяцев после того, как в Иерусалиме католическая община и французская дипломатия одержали важную дипломатическую победу: ключи от Вифлеемского храма были переданы католикам, было восстановлено их равноправие, что нанесло удар по престижу греческой церкви. Оскорбленное этими событиями, российское правительство не ответило на предложение прямых переговоров. С завершением миссии

Меншикова в мае 1853 г. спор о Святых местах потонул в вопросе о целостности и суверенитете Османской империи.

Почему так и не был достигнут франко-русский компромисс? Отчасти вина лежит на дипломатах, которые повышали ставки в этой политической игре и зашли слишком далеко: это и французские послы Ж. Опи и Ш. Лавалетт, и русский посланник В. П. Титов. С другой стороны правительства сознательно игнорировали возможность выйти из затруднений с наименьшими потерями: нота Нессельроде и «проект Лавалетта» были отвергнуты как несовместимые с национальной честью спорящих стран. Стороны не стремились понимать друг друга. Французские власти отказывались от компромисса до тех пор, пока не добились полного удовлетворения от Турции. За счет уступок Османской империи была создана широкая социальная поддержка режима: правоверным католикам, коих среди французов было большинство, импонировала забота о католицизме на Святой земле. Россия выступала в споре о Святых местах как обороняющаяся сторона, однако в 1853 г. она перешла в дипломатическое наступление, ставшее для нее роковым. Еще одним фактором того, что франко-русское согласие не было достигнуто, была слабость турецкой политики. Она перестала быть самостоятельной и не могла отстаивать статус-кво исходя из национальных интересов страны.

¹Из новейших исследований по этой теме см.: *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006; *Якушев М.И.* Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики России накануне Крымской войны // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 245-288. *Мельникова Л.В.* Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 61-75.

²Подробнее см.: *Богданович М.И.* Восточная война 1853-1856. Т. 1. СПб, 1877; *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб, 1887.

³Подробнее см.: *Тарле Е.В.* Крымская война. В 2 тт. М., 2003.

⁴Titoff à Nesselrode. 14/26 septembre. 1851 // *Popoff A.* La question des Lieux-Saints de Jérusalem dans la correspondance diplomatique russe. Vol. 1-2. SPb., 1910-1911. Vol. 2. P. 80.

⁵Stratford to Palmerston. November 4, 1851 // *Correspondence respecting the rights and privileges of the Latin and Greek churches in Turkey.* L., 1854. P. 17-18.

⁶*Goutman A.* La guerre de Crimée 1853-1856. La première guerre mondiale. P., 2006. P. 30.

БЫЛА ЛИ УГРОЗА КРАЙНЕ ПРАВОГО ПЕРЕВОРОТА В ФИНЛЯНДИИ НАСТОЯЩЕЙ В 1927 Г.?

В течение первой половины 1920-х гг. победители гражданской войны 1918 г. – «белые» финны – время от времени выражали свое недовольство настоящим положением в стране, но только во второй половине десятилетия в финских газетах впервые появились слухи о возможном перевороте крайне правых. Обсуждение велось бурно особенно на страницах печатных органов социал-демократов и коммунистов. Вопрос привлек внимание и Центральной сыскной полиции, которая активно следила за настроениями финской общественности, и не менее важным он представлялся президенту страны Лаури Кристиану Реландеру (1883-1942 гг.) и премьер-министру Вяйнё Таннеру (1881-1966 гг.), во взаимоотношениях которых данный вопрос занял особое место. В тот период в Европе государственная власть оказалась не особенно твердой не только в Финляндии. К примеру, в 1926 г. произошли государственные перевороты сначала в Польше, а потом в Литве. Майский переворот в Польше с 12 по 14 мая фактически установил военную диктатуру до 1935 г. В Литве в результате переворота 17 декабря 1926 г. к власти пришло консервативное авторитарное правительство. В Финляндии традиционно с большим интересом следили за политической жизнью стран-лимитрофов, и такие новости во многих кругах страны приняли озабоченно.

Что касается внутривнутриполитической ситуации в Финляндии в 1927 г., важно вспомнить, что еще 13 декабря 1926 г. сформировалось правительство парламентского меньшинства под руководством социал-демократа Вяйнё Таннера, которое продолжило свою работу до 17 ноября 1927 г. То есть, всего через 8 лет после окончания кровавой гражданской войны представитель проигравшей «красной» стороны стал главой правительства страны¹. Причем, следует отметить, что во время кратковременной

болезни президента Реландера весной 1927 г. Таннер выполнял также функции действующего президента и главнокомандующего финских вооруженных сил. Неизгладимое впечатление у многих оставил парад шюцкоровских отрядов в Хельсинки 16 мая 1927 г. в честь 10-й годовщины победы «белых» в гражданской войне. В качестве заместителя президента Таннеру пришлось принять парад. Хотя многие увидели в этом важный шаг к примирению внутри финского общества, проблемы во внутривнутриполитической и общественной жизни Финляндии начали снова обостряться к концу десятилетия.

Конкретное начало событиям положила новость, опубликованная в Стокгольме в главном печатном органе Коммунистической партии Швеции «Фолкетс Дагблад Политикен» 4 февраля 1927 г. с заголовком «Фашисты планируют свергнуть социал-демократическое правительство в Финляндии». В статье были представлены сведения о подготовке государственного переворота силами отрядов Шюцкора. Газета заявила, что источником настоящей информации был Указ № 121 от 30 ноября 1926 г. шюцкоровского районного округа Выборга. Важно обратить сразу внимание на время указа: он датируется двумя неделями раньше прихода к власти правительства Таннера. Суть указа была простая: так как уже стало очевидно, что социал-демократы получают правительственную власть, шюцкоровские отряды должны быть готовы немедленно действовать, если ситуация этого потребует. Указ был подписан начальником округа майором Урхо Сихвоненом². Это было только первым шагом «Политикена». В той же статье пообещали опубликовать данный документ на следующий день. Однако, опубликована была только фотография перевода, а не оригинальный текст на финском языке. Тем не менее, газета продолжала сюжет, рассказывая, как финские фашисты «под носом» социал-демократов планируют сначала переворот, а потом гражданскую войну³.

В Финляндии новость немедленно опубликовали в леворадикальной газете «Тьюёвээнjärjestён Тиздонантая». Она вызвала в стране большой скандал и впоследствии привела даже к судебному процессу. На самом деле, необходимо заметить, что во второй половине 1920-х гг. угроза правого, так же как и левого переворота регулярно обсуждалась в финской политической прессе. Обвинения были двухсторонними и обычно они не привлекали особого внимания народа, так как не имели конкретного доказательства. В этом плане новость «Политикена» стала исключением,

так как редакция газеты твердо пообещала доказать свою информацию документально.

Новости «Политикена» стали долгожданным ответом на страх многих финских коммунистов перед усилением крайне правых течений в стране. Необходимо обратить внимание на тот факт, что к 1927 г. жизнь финских коммунистов во многом оказалась затруднительной. Нахождение у власти социал-демократического правительства Вяйнё Таннера в свою очередь увеличило неуверенность крайне левых в своем будущем. С точки зрения коммунистов, социал-демократы отказались от принципов рабочего движения, чтобы гарантировать сохранение своей власти. А так как власть социал-демократов была бы первой причиной недовольства буржуазных сил, в том числе, их радикальных элементов, единственным спасением страны от фашистского переворота по мнению коммунистов, было бы поражение социал-демократов⁴. Кстати говоря, в течение последующих лет социал-демократам и коммунистам, по-прежнему, не удалось найти взаимопонимания, и вследствие этого, сформировать единого антифашистского фронта против лапуаского движения и его преемника Патриотического народного движения (ИКЛ).

Решения партийной конференции 1927 г. Коммунистической партии Финляндии освещают официальную линию партии. Согласно финским коммунистам, в 1927 г. в Финляндии уже велась систематическая подготовка к войне против Советского Союза. Значительную роль в этой подготовке играют шюцкоровские отряды, которые должны стать ядром вооруженных сил Финляндии⁵. Об этих антисоветских планах свидетельствовал также финский фашизм, который «в последнее время стал расширяться и укрепляться». Все буржуазные партии Финляндии были сторонниками фашизма, особенно сильная поддержка фашизма наблюдается в Коалиционной партии и Аграрном Союзе. Что касалось финских социал-демократов, особенно отягчающими были принятие премьер-министром Таннером парада Шюцкора, а также новогодний указ министра обороны Хейнонена, в котором он поблагодарил шюцкоровские отряды за полезную работу⁶. Поэтому Коммунистическая партия Финляндии видела свою главную политическую цель в борьбе против «интриги переворота крайних фашистов», также как и в общем, против «белой» власти страны и социал-демократов⁷.

На «выборгский указ» быстро отреагировала не только финская левая пресса, но и государственная власть. Дальнейшее развитие событий представляется особенно любопытным, если мы рассматриваем реакции отдельных государственных деятелей. В частности, наибольший интерес представляют президент Реландер, премьер-министр Таннер и начальник Центральной сыскной полиции Эско Риекки (1891-1973 гг.), который позднее стал известен в качестве основателя финского добровольческого батальона войск СС «Н орд-ост».

В Центральной сыскной полиции расследование ситуации началось в Хельсинки, но вскоре распространилось на местные подразделения сыскной полиции. Эско Риекки сформировал свое мнение быстро: он был уверен, что речь идет о провокации финских коммунистов⁸. В таком выводе ничего удивительного нет. Риекки стал начальником Центральной сыскной полиции осенью 1923 г. До этого он успел поучаствовать в «егерском движении» и «карельских походах», целью которых было присоединение Советской Карелии к Финляндии. На политической арене он поддерживал правую Национальную коалиционную партию. Под начальством Риекки (1923-1938 гг.) чуть ли не единственной целью Сыскной полиции стало защищать интересы «белой» Финляндии. Несмотря на то, что в качестве начальника высшей полицейской инстанции страны Риекки должен был комплексно видеть все угрозы и противников настоящего положения, будет объективно сказать, что на самом деле он со своими агентами смотрел только «левым глазом». Историк Матти Лакман даже назвал Риекки «сторожевой собакой белой Финляндии»⁹.

Президент Л.К. Реландер был одинакового мнения с начальником Сыскной полиции. 7 февраля в дневнике он ясно выразил свою точку зрения: указ является очевидной провокацией финских коммунистов¹⁰. Узнав о новости из «Политикена» Реландер немедленно позвонил премьер-министру Таннеру, а после этого начальнику Генштаба Шюцкора подполковнику Перу Цилиакусу. Цилиакус, в свою очередь, сообщил президенту, что он уже успел связаться с майором Сихвоненом, который поклялся, что указ ненастоящий¹¹. Очень быстро в президентском дворце сформировалось мнение, что указ является попыткой коммунистов осложнить отношения, во-первых, между правительством Таннера и буржуазными партиями, а, во-вторых, между армией и Шюцкором¹².

Президент Реландер, как типичный представитель правого крыла центристского Аграрного Союза, был активным сторонником Шюцкора. Его отношение к коммунизму было глубоко отрицательным, и, в связи с этим, он во второй половине 1920-х гг. рассматривал подъем крайне правых сил осторожно одобрительно.

На самом деле, «выборгский указ» был не единственным сомнительным слухом, который в тот момент волновал руководство страны. Премьер-министр Таннер в те же дни получил информацию, что в столичном шюцкоровском округе происходит «что-то странное». Согласно полученным премьером сведениям «надежных представителей буржуазии», которые хотели остаться анонимными, среди хельсинкских шюцкоровцев был распространен специальный циркуляр, и шла тайная подготовка «чего-то» к 1 марта. Таннер передал информацию президенту Реландеру, который сразу позвонил главнокомандующему Шюцкора Лаури Мальмбергу, который, в свою очередь, опроверг эти утверждения¹³.

Далее, 7 февраля в президентском дворце состоялась встреча президента Реландера с премьер-министром Таннером, главнокомандующим Шюцкора Мальмбергом и министром обороны Каарло Хейноненом, в ходе которой обсуждалось как Генштаб Шюцкора должен реагировать на скандал. Было решено, что правительством Таннера будет назначена специальная комиссия для официального расследования событий¹⁴. В состав комиссии вошли губернатор Выборга Арво Маннер¹⁵, начальник Генштаба Шюцкора подполковник П. Цилиакус и начальник выборгского подразделения Центральной сыскной полиции вице-судья О.А. Вилкман. В ходе работы комиссии было допрошено множество сторон, в том числе, начальник выборгского шюцкоровского округа Сихвонен, его адъютант Турунен, а также начальник выборгского регионального Шюцкора, капитан Арникке. Кроме того, комиссией были подробно исследованы архивные документы районного и регионального округов выборгского Шюцкора. В результате, ничего связанного с «выборгским указом» не было найдено¹⁶.

Скандал вокруг «выборгского указа» стал для президента весьма неприятным, и он с подозрением отнесся к информации премьер-министра Таннера, касательно столичного шюцкоровского округа. Он безрезультатно пытался получить более конкретную информацию от премьер-министра. Обвинения против Шюцкора разгневали Реландера. Он считал особенно презренными анонимные обвинения «надежных пред-

ставителей буржуазии». В своем дневнике президент в течение февраля продолжал писать замечания по поводу скандала. Например, 22 февраля он раскритиковал очередную статью главного печатного органа Национальной прогрессивной партии «Хельсингин Саномат» о распространении сомнительной информации, и, при этом, был уверен, что одним из этих анонимных информаторов Таннера является главный редактор «Хельсингин Саномат», депутат Прогрессивной партии В.В. Туомиоя¹⁷.

Не приветствовал Реландер и то, как ретиво газеты правительственной Социал-демократической партии цитировали «Политикен»¹⁸, хотя, еще в ходе встречи 7 февраля было достигнуто обещание Мальмберга министру обороны Хейнонену о том, что Шюцкор был бы готов поддержать правительство, если бы «что-нибудь попробовали со стороны фашистов или коммунистов»¹⁹. Однако, отношения между социал-демократическим правительством и Шюцкором были намного сложнее. Это казалось также отношений между Реландером и Таннером. В общем, именно вопросы, связанные с Шюцкором вызывали чаще всего разногласия между президентом Реландером и министрами социал-демократического правительства. Желание социал-демократов, например, сократить государственные ассигнования на Шюцкор, да и, по большому счету, их желание распустить данную организацию, не остались без бурного протеста президента. Все же, президент Реландер также находился в неудобном положении, когда угроза крайне правого переворота могла ослабить его поддержку со стороны и левых и правых.

Достоверность сведений «Политикен» пытались выяснить, связываясь с редакцией газеты. Поначалу редакция утверждала, что в их распоряжении действительно находится копия подлинного указа Выборгского округа Шюцкора. Правительство Таннера обратилось через посла Финляндии в Стокгольме Я.В. Сёдерельма к редакции «Политикен», чтобы получить копию нашумевшего документа. Однако, послу удалось получить только уклончивые ответы на просьбу выдать копию указа. Далее, во время переговоров редакция признала, что, на самом деле, у нее есть только перевод указа на шведском языке, а не сам документ²⁰. Все же, это не остановило «Политикен». 12 февраля газета опубликовала документ, который, по ее версии, был циркуляром Выборгского шюцкоровского округа. Как и предыдущие материалы «Политикен», его также активно переиздавали в финских крайне левых газетах. Циркуляр был полностью опубликован, например, в лево-социалистической «Тюён Ээни» в Ваа-

се²¹. Особенно часто цитируемой в финских газетах стала вырванная из циркуляра фраза «Дезертиры должны быть уничтожены, так как мертвые не могут говорить». В целом, содержание циркуляра повторило идею «выборгского указа» о необходимости создания специальных ударных групп внутри Шюцкора для дальнейших действий на государственном уровне.

В то же время агенты Риекки продолжали свою работу в Финляндии, в результате которой начальник Сыскной полиции получил множество рапортов, большинство которых подтвердило подозрение Риекки о замешанности коммунистов в деле. К примеру, 15 февраля старший агент Сыскной полиции Ааро Кангаслахти отрапортовал, что, согласно найденному им доказательству, «выборгский указ» является, скорее всего, работой группы поддельщиков неких Маттилы, Кокко, Тёрнроос и др., из которых Маттила был родом из Выборга, и, возможно, был в курсе формы шюцкоровских бланков²². На следующий день начальник Сыскной полиции Риекки получил личное письмо из Генштаба вооруженных сил касательно указа. В письмо сообщилось, что в результате расследования надзорного отдела вооруженных сил было обнаружено, что автором «выборгского указа» является, скорее всего, известный коммунист Аллан Валлениус, находившийся в Выборгской провинции²³.

Как хорошо видно из дневника Реландера, президент относился к скандалу эмоционально, и как выше говорилось, Шюцкор был дорог его сердцу. В связи с этим, 22 февраля президент вызвал в свою резиденцию премьер-министра Таннера, канцлера юстиции А.Ф. Шарпенье (который заболел, пришел его заместитель Урхо Кастрен), министра юстиции Вяйнё Хаккилу, министра обороны Хейнонена и генерала-лейтенанта Мальмберга. Главной темой обсуждения этой авторитетной компании были возможные меры против газеты «Тьюёвэнярестёен Тиэдонантая», опубликовавшей новость «Политикен». Точнее, были ли основания начальнику Выборгского шюцкоровского округа Сихвонену предъявить иск газете. Премьер-министр Таннер считал это правильным шагом, и он получил поддержку всех присутствовавших. В ходе совещания вернулись также к вопросу о слухах, касательно подозрительной деятельности хельсинкского Шюцкора. Присутствовавшие социал-демократы в очередной раз подняли вопрос о возможной достоверности информации. При этом премьер-министр Таннер показал президенту письмо, поддерживавшее слухи. Оно было подписано псевдонимом «Шюцкоровец».

Реландер написал потом в своем дневнике довольно возбужденно, что сразу было понятно, что письмо было просто очередной провокацией коммунистов²⁴. Если Реландеру важно было обелить репутацию Шюцкора, доказывая подделывание «выборгского указа», то в интересах Таннера этого точно не было. Наоборот, премьер-министр вшивал и хельсинкский шюцкоровский отряд в скандал.

Шум вокруг «выборгского указа» начал уменьшаться уже через несколько дней после его опубликования в «Политикен». Тем не менее, работа Сыскной полиции продолжалась. Одной из главных причин для этого было требование премьер-министра Таннера о тщательном расследовании всех аспектов вопроса²⁵. Можно предположить, что премьер-министр не хотел сдаваться, пока не будет найдено доказательство подозрительной активности Шюцкора. Таннер, однако, понял политическую ориентацию Центральной сыскной полиции. По этому поводу он метко заметил президенту Реландеру: «Кажется, сыскная полиция обычно ничего не находит справа, а, наоборот, слева»²⁶. То есть, по мнению Таннера, в интересах сыскной полиции не было найти виновных, даже если слухи о крайне правом перевороте оказались бы правдой.

Как бы то ни было, работа агентов Сыскной полиции продолжалась, в первую очередь, в провинциях. Нельзя забыть о немаловажной функции Центральной сыскной полиции – выяснении общественных настроений, в том числе и реакции общества на злободневные события в стране, которая косвенно могла повлиять также на внутреннюю политику Финляндии. При этом, главным было уже не то, что действительно случилось, а то, какую точку зрения народ посчитал правдоподобной. Центральное бюро Сыскной полиции ежедневно получало оперативные сводки и другие отчеты от местных подразделений. Кроме своих агентов, у Центральной сыскной полиции была также сеть информаторов, чьи рапорты оставались в основном анонимными. С помощью этих материалов можно сделать общие выводы об отношении финнов разных районов страны к событиям вокруг «выборгского указа».

Например, в оперативной сводке подразделения Оулу подчеркивается, что коммунисты Оулу всерьез приняли информацию «Политикен». В рапорте ссылаются на информатора, имевшего тесные связи с местными коммунистами. По его сведениям, среди коммунистов Оулу распространяется информация, что некоторым коммунистам удалось внедриться в штаб Шюцкора, и, таким образом, «Политикен» получила свою досто-

верную информацию от финских коммунистов²⁷. В Турку «выборгский указ» считали грубой подделкой коммунистов, который привлек к себе внимание сразу после его опубликования в финских газетах. Имевший своих информаторов во всех слоях общества, начальник туркуского подразделения Сыскной полиции Вяйнё Палму сделал вывод, что в Турку и соседних районах не было никаких фашистских организаций, а были всего лишь отдельные фашистски настроенные граждане, которые не представляли собой угрозы обществу²⁸. Также в Терийоки (с 1948 г. – Зеленогорск) представители Центральной сыскной полиции не сталкивались с достоверной информацией о подготовке крайне правого переворота²⁹. В Йёэнсуу осудили новость «Политикен». Местная буржуазия видела ее «боевым ходом» коммунистов расшатать общественное положение, который, однако, оказался неэффективным³⁰. По оценке начальника подразделения Рованиеми Сыскной полиции Эйно Паллари, в Северной Финляндии приняли новость о планируемом шюцкоровском перевороте спокойно, так как «мыслящая часть народа» сразу поняла, что это утка. Представители буржуазии относились к такой очевидно недостоверной новости осуждающе и досадовали, что Шюцкор вмешали в такие слухи. Даже коммунисты Рованиеми не придали особого значения информации «Политикен». Как агенты Сыскной полиции и думали, коммунисты были уверены, что в Финляндии существуют фашистские организации, которые планируют государственный переворот, но, по крайней мере, пока такие планы являются маловажными с точки зрения крайне левых³¹. Выборг стал исключением среди финских городов. Там все левые силы были уверены, что указ является настоящим, и в результате расследования комиссии, назначенной Таннером, не хотели верить³². Как мы видим, несмотря на обвинения Таннера о неэффективности Сыскной полиции, расследование было проведено формально по всем правилам, хотя, судя по архивным материалам, отношение Риекки к угрозе фашистского переворота в Финляндии было пренебрежительным³³.

После первого всплеска интерес финской прессы к «выборгскому указу» стал постепенно угасать. По крайней мере, статьи, связанные с ним, вскоре потеряли свое место на первой полосе, и указ стал темой, прежде всего, фельетонов. В буржуазных газетах страны слухи о перевороте резко отклонили. Даже в вышеупомянутой «Хельсингин Саномат» предположили, что целью «Политикен» было указать на нестабильность и слабость государственной власти в Финляндии. Однако, интересно

заметить, что «Хельсингин Саномат» критикует не только левую прессу Швеции, но и порицает также правые шведские газеты за «легкомысленное вмешательство в серьезные государственные дела Финляндии»³⁴. В газете Коалиционной партии «Ууси Суоми» взяли такую же линию и обратили внимание на то, что «разоблачения» о шюцкоровском перевороте разоблачают, на самом деле, что-то совсем другое, а именно, они метко характеризуют методы пропагандистской борьбы коммунистов, которые «еще не достаточно хорошо известны в Финляндии»³⁵. Распространение подобных слухов о «фашистской революции» видели частью подготовки коммунистического переворота.

В социал-демократической прессе осудили подделку документов коммунистами, и, например, в «Суомен Сосиаалидемокраатти» к коммунистам отнеслись гораздо строже, чем к Шюцкору. Фашизм еще не видели такой угрозой для Финляндии каким был коммунизм в глазах социал-демократов³⁶. Все же, нельзя сказать, что социал-демократы относились положительно к Шюцкору. Один из главных финских фельетонистов 1920-1940-х гг. «Мустемаалари», он же журналист Ано Айристо, предупредил на страницах печатного органа туркусских социал-демократов «Сосиалисти» об опасности Шюцкора даже в том случае, если «выборгский указ» окажется подделанным³⁷.

Если первоначально среди многих левых социалистов в «выборгский указ» поверили, то в течение последующих недель он стал весьма спорным вопросом, который обсуждался на собраниях в клубных помещениях рабочих объединений. В частности, старшие представители рабочего движения сомневались в правдоподобности документа. В связи с этим, начали бояться последствий опубликования фальшивой информации «Тьюёввянярестёен Тиэдонантая», в частности, штрафов и роспуска газет³⁸.

Подозрения крайне левых не были взяты с потолка. Ранней весной 1927 г. начальник шюцкоровского округа Выборга Сихвонен и его адъютант лейтенант Турунен, фамилия которого тоже была указана в поддельном документе, предъявили иск газете «Тьюёввянярестёен Тиэдонантая» по поводу опубликования «выборгского указа». Истцы требовали наказания ответственному редактору газеты Августу Ниемистё за «возмутительное публичное оскорбление». Дело рассматривалось в Хельсинкском городском суде³⁹. Между прочим, адвокатом Ниемистё стал известный левый социалист Ассер Сало, который летом 1930 г. на судебном процессе против погромщиков типографии газеты «Тюён Ээни» был похищен

активистами лапуаского движения. Однако, судебный процесс над Ниемистё не привел к закрытию «Тьюёвъярестёен Тиэдонантая».

События 1927 г. дают очередную возможность для спекуляций о роли и мощи Шюцкора в Финляндии. Необходимо сразу подчеркнуть особое положение шюцкоровских отрядов в Финляндии периода Первой республики (1919-1944 гг.). Он был особым политическим фактором, сила которого была, прежде всего, в ожиданиях, а не в конкретных действиях. Роль Шюцкора во внутренней политике Финляндии особенно в 1920-е гг. нельзя недооценивать. Часто именно «невидимая сила» Шюцкора определяла границы политической деятельности. К этому надо добавить ярко выраженный классовый характер Шюцкора в тот период. Шюцкор был защитником интересов именно «белой» Финляндии. Из этого следует, что в 1920-е гг. социал-демократы выступали не раз за роспуск шюцкоровских отрядов. Тут необходимо заметить, что так как правительство Таннера было правительством парламентского меньшинства, то оно не имело возможности выдвинуть данную цель. Поэтому остается спекуляцией также и то, смирился бы Шюцкор со своим роспуском или принял бы он в таком случае ответные меры. Ни президент Реландер, ни премьер-министр Таннер не были готовы обострять ситуацию.

Скандал вокруг «выборгского указа» забыли быстро и его редко упоминают в финской историографии. Наверное, вопрос о происхождении «выборгского указа» остается в какой-то мере открытым. Однако, справедливо отметить, что он существенного значения не имеет. Как бы то ни было, новость «Политикен» очень быстро стала действовать против коммунистов, а не наоборот, на что в крайне левых кругах, возможно, надеялись. Очевидно, что возможность переворота в 1927 г. была еще незначительной. Но кто бы мог подумать тогда, что угроза станет настоящей уже до конца десятилетия. Скорее, события 1927 г. стали очередным шагом к укреплению праворадикальных сил Финляндии.

¹Правительство Таннера стало историческим еще потому, что министром социальной защиты стала Миина Силланпяя (1866-1952 гг.) – первая женщина-министр в истории Финляндии.

²Folkets Dagblad Politiken 4.2.1927.

³Ibid. 5.2.1927.

⁴Kansallisarkisto (далее: КА) (Национальный архив Финляндии, г. Хельсинки). EK-Valpo I (Коллекция Центральной сысской полиции Финляндии). Ко 515.

⁵Suomen kommunistinen puolue. Puoluekokousten, konferenssien ja Keskuskomitean plenumien päätöksiä. I kokoelma. Leningrad, 1935. S. 168.

⁶Ibid. S. 169.

⁷Ibid. S. 172.

⁸КА. EK-Valpo I. Ко 514.

⁹Lackman M. Esko Riekkä (1891-1973). Jääkäriväriväri, Etsivän Keskuspoliisin päällikkö, SS-pataljoonan luoja. Hämeenlinna, 2007. S. 470.

¹⁰Relander L.K. Presidentin päiväkirja I. Lauri Kristian Relanderin muistiinpanot vuosilta 1925-1927. Julkaissut Eino Jutikkala. Helsinki, 1967. S. 390.

¹¹Ibid.

¹²Ibid. S. 398.

¹³Ibid. S. 390.

¹⁴Ibid. S. 390-391.

¹⁵Семья Маннеров является хорошим примером того, как гражданская война 1918 г. разделила не только финское общество на два лагеря, а как это часто происходило, также семьи, когда сыновья выбирали разные стороны. Арво Маннер (1887-1962 гг.) стал влиятельным правым политическим деятелем, губернатором и министром, а его старший брат Куллерво Маннер (1880-1939 гг.) был одним из основателей Коммунистической партии Финляндии и ее председателем в 1920-1934 гг., его жизнь закончилась в Ухтпечлаге.

¹⁶Helsingin Sanomat 9.2.1927.

¹⁷Relander L.K. Presidentin päiväkirja I. Lauri Kristian Relanderin muistiinpanot vuosilta 1925-1927. S. 399.

¹⁸Ibid. S. 392-393.

¹⁹Paavolainen J. Väinö Tanner – sillanrakentaja. Elämäkerta vuosilta 1924-1936. Helsinki, 1984. S. 94.

²⁰Pohjan Voima 16.2.1927.

²¹Työn Ääni 16.2.1927.

²²КА. EK-Valpo I. Ко 514. Извещение от 31.1. по 12.2.1927.

²³Ibid.

²⁴Relander L.K. Presidentin päiväkirja I. Lauri Kristian Relanderin muistiinpanot vuosilta 1925-1927. S. 400.

²⁵Ahti M. Каарпаус? Suojeluskuntaselkkaus 1921, fascismin aave 1927, Mäntsälän kapina 1932. Keuruu, 1990. S. 87.

²⁶Relander L.K. Presidentin päiväkirja I. Lauri Kristian Relanderin muistiinpanot vuosilta 1925-1927. S. 400.

²⁷КА. EK-Valpo I. Ко 514. Секретная оперативная сводка № 157 подразделения г. Оулу Центральной сысской полиции от 17 февраля 1927 г.

²⁸Ibid. Секретная оперативная сводка № 286 подразделения г. Турку Центральной сысской полиции от 24 февраля 1927 г.

²⁹Ibid. Секретная оперативная сводка № 332 подразделения г. Терийоки Центральной сысской полиции от 24 февраля 1927 г.

³⁰Ibid. Секретная оперативная сводка № 108 подразделения г. Йозенсу Центральной сыскной полиции от 28 февраля 1927 г.

³¹Ibid. Секретная оперативная сводка № 187 подразделения г. Рованиemi Центральной сыскной полиции от 1 марта 1927 г.

³²Ibid. Секретная оперативная сводка № 3 / 1 подразделения г. Выборга Центральной сыскной полиции от 15 февраля 1927 г.

³³Ibid.

³⁴Helsingin Sanomat 17.2.1927.

³⁵Uusi Suomi 20.2.1927.

³⁶Suomen Sosiaalidemokraatti 19.2.1927.

³⁷Sosialisti 23.2.1927.

³⁸KA. EK-Valpo I. Ko 515.

³⁹Työväenjärjestöjen Tiedonantaja 10.3.1927.

ЛЕЙБОРИСТСКАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ПРОБЛЕМЫ АФРИКАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА (1945-1951 ГГ.)

Победа на всеобщих парламентских выборах 5 июля 1945 г. позволила британским лейбористам впервые в своей истории сформировать правительство большинства, способное проводить независимую от расстановки партийных сил в парламенте внутреннюю и внешнюю политику. В центре внимания правительства К. Эттли находились проблемы социально-экономического реформирования, а также определение места Великобритании в условиях формирующейся биполярной системы международных отношений и начинающейся «Холодной войны». Британские колонии в Африке, как могло показаться в начале, находились на периферии внимания лейбористов. Во многом это объяснялось тем, что вызванный Второй мировой войной рост национального самосознания первоначально затронул Британскую Африку в меньшей степени, чем страны южной и юго-восточной Азии. Однако проблемы экономического восстановления и усиливающегося противостояния между СССР и США привели к росту интереса лейбористов к Африканскому континенту. К тому же, с окончанием войны, африканский национализм стал стремительно набирать силу, приводя к проблемам в межэтнических отношениях.

Вопросы, связанные с развитием британской колониальной системы, в той или иной мере привлекали внимание лейбористов с момента образования партии в 1900 г., что во многом определялось историческим контекстом. Конец XIX—начало XX в. – это эпоха «нового империализма», когда ведущие страны мира боролись за раздел, а затем и передел мира. Одна из первых работ на эту тему была написана Рамсеем Макдональдом в 1907 г.—«Лейбористы и Империя»¹. Есть упоминания о колониальной политике и в первом программном документе лейбористской партии «Лейбористы и новый социальный порядок», опубликованном в 1918 г. В этом памфлете, написанном Сиднеем Веббом и Артуром Гендерсо-

ном говорилось, что лейбористы выступают за сохранение империи и её прогрессивное развитие на основе местной автономии, самоуправления, полнейшего уважения прав всех народов, независимо от цвета их кожи². В межвоенные годы концепция колониальной политики получила дальнейшее развитие как в специальных партийных документах, например, «Империя в Африке. Политика лейбористов», «Колониальная империя», так и в новой программе партии «Лейбористы и нация», вышедшей в свет в 1928 г.³. Несмотря на высказывавшиеся периодически радикальные взгляды на судьбу империи, в основном представителями левого крыла партии, главное направление лейбористской мысли по колониальному вопросу вполне укладывалось в рамки либерально-гуманистической традиции. Её суть сводилась к моральным обязательствам метрополии перед колониями, к недопущению эксплуатации местного населения и привилегированного положения белых поселенцев, к развитию элементов местного самоуправления.

Последний, перед приходом лейбористов к власти в 1945 г., документ, посвящённый колониальной проблематике, был опубликован в 1943 г. и назывался «Колонии. Послевоенная политика лейбористской партии в отношении африканских и тихоокеанских колоний». В нём говорилось, что в Африке Великобритания и другие европейские страны ответственны за прямое управление огромной территорией и миллионами африканцев, чьи экономические и политические системы столь отсталые, что «они ещё не способны жить самостоятельно». «Ещё значительное время эти люди не будут готовы к самоуправлению... Общие принципы колониальной политики в Африке могут быть заявлены коротко и ясно: 1. Территории должны управляться колониальными властями как доверенное им коренным населением имущество, важнейшей целью управления является благополучие, образование и развитие местных жителей. 2. Первой задачей управления должна быть подготовка туземцев всеми возможными способами к скорейшему переходу к самоуправлению»⁴.

Победа лейбористов на парламентских выборах 1945 г. не привела к каким-либо революционным изменениям во внешней и колониальной политике Великобритании, в отличие от внутренней, где правительство К. Эттли пошло на проведение глубоких реформ и создание новой модели социально-экономического развития. Несмотря на появлявшиеся периодически разговоры о «социалистической» внешней политике и «социалистической» колониальной политике, в действительности внешнеполитическая деятельность лейбористов характеризовалась преемственностью.

Практически все ведущие деятели партии считали необходимым сохранение колониальных владений, прежде всего по экономическим и стратегическим мотивам. Единственным исключением являлась Индия, в отношении которой лейбористы, особенно премьер-министр, считали себя обязанными решить вопрос о независимости. Африканские колонии не будут готовы к самостоятельному управлению ещё десятилетия, если не столетия. Даже в такой британской колонии как Золотой Берег (Гана), «где африканцы наиболее развиты политически, внутреннее самоуправление вряд ли будет достигнуто ранее, чем через поколение»⁵. Некоторые конкретные действия правительства, например, активная поддержка белой иммиграции в Восточную Африку, также свидетельствовали о том, что лейбористы плохо представляли себе ситуацию в колониях.

Подобный традиционный подход начинает меняться к концу 1946 г. Это было связано с осознанием сложности внутривнутриполитической ситуации во многих колониях, а также с внешнеполитическим давлением, прежде всего со стороны США и СССР. Одним из главных сторонников нового подхода был глава африканского департамента министерства по делам колоний Эндрю Коэн, который, как и ряд других чиновников министерства, ожидал быстрого роста политического самосознания населения колоний. Как отмечалось в меморандуме 1947 г. другого ведущего чиновника министерства по делам колоний Рональда Робинсона, «ручьи национализма» ещё не превратились в полноводный поток, но этот момент близок. Задача заключается не в том, чтобы его остановить, а в том, чтобы повернуть его в нужном направлении⁶. Подобную точку зрения высказывала и Рита Хайнден, секретарь колониального бюро Фабианского общества⁷.

С точки зрения сотрудников министерства по делам колоний, национализм может быть позитивной силой, способствуя повышению сопротивляемости колоний проникновению идей коммунизма. Однако он может выйти из-под контроля: «Эксплуатация националистических идей или их неудовлетворённость приводит к такому состоянию умов, когда любая обида, любая несправедливость или любое унижение достоинства преувеличиваются без всякой меры»⁸. Поскольку национализм нельзя остановить, он должен быть направлен в «здоровое и легитимное» русло сотрудничества. Таким образом, цель виделась в создании «здорового» национализма, с которым британцы могут иметь дело. Этого можно достичь «разумными уступками...не поступаясь ничем действительно существенным»⁹. Чиновники министерства понимали, что требованиям

независимости едва ли можно противопоставить разумные контраргументы. Вместо этого они предлагали постепенное продвижение к самоуправлению, что поможет избежать открытого конфликта. С национализмом должны иметь дело дипломатия и сотрудничество, а не интервенция и сила.

Схожих взглядов придерживался и Артур Крич Джонс, министр по делам колоний с 1946 по 1950 гг. (один из трёх в правительствах К. Эттли). По его инициативе был создан специальный комитет, который должен был рассмотреть возможность более быстрого политического, экономического и социального развития африканских территорий. Результатом работы комитета стал Доклад Кейна-Коэна, представленный в мае 1947 г. В нём говорилось о намерении министерства по делам колоний ввести эффективную и демократическую систему местного управления в колониях. Образованным африканцам должна быть предоставлена возможность участвовать в ней, что «должно было стать школой национального управления»¹⁰. Развитие системы местного управления должно было сопровождаться африканизацией государственной службы. Образование и развитие позволит колониям «встать на ноги, управлять собственными делами без внешнего контроля и самостоятельно определять собственное будущее»¹¹. Крич Джонс полагал, что создав подобную политическую пирамиду, можно будет избежать взрыва национализма. Она позволит министерству колоний выиграть время и добиться расположения местных националистов, а когда подойдёт время, британское правление закончится без какого-либо ухудшения социально-экономического положения бывших колоний. Проблема, однако, заключалась в том, что ни Крич Джонс и Коэн, ни лейбористское правительство в целом, так никогда и не определили сроки, когда британское правление должно закончиться. В Африке должно пройти больше времени до предоставления самоуправления, чем в других частях империи. Африканцы не столь цивилизованы и политически развиты как азиаты. Характерно высказывание одного из лидеров лейбористской партии Герберта Моррисона, сделанное ещё во время войны: дать независимость этим колониям «всё равно, что дать ребёнку 10 лет отмычку, банковский счёт и дробовик»¹². В Западной Африке самоуправление не может быть реализовано пока не будет достигнуто территориальное единство. Восточной Африке его нельзя предоставить пока не будет найден компромисс между африканским большинством и европейской и азиатской общинами.

Следует заметить, что лейбористы не сомневались в том, что рано или поздно большинство колоний обретёт независимость. Правительство К. Эттли было против того, чтобы это произошло слишком быстро. Причина крылась не только и не столько в опасениях относительно неготовности африканцев к самоуправлению и, следовательно, возможности возникновения хаоса в случае поспешного британского ухода (в чём лейбористы оказались во многом правы). Здесь играли роль соображения стратегического и экономического характера. В условиях начавшейся «Холодной войны» лейбористы полагали, что распад колониальной империи приведёт к расширению советского влияния в Африке. С другой стороны, многие рассматривали экономическое развитие колоний не только как важнейшее условие повышения уровня благосостояния туземного населения и, следовательно, снижения популярности лозунгов националистов, но и как основу восстановления экономики метрополии и сохранения её статуса великой державы. В сентябре 1947 г. министр иностранных дел Эрнст Бевин говорил французскому премьер-министру Полю Рамадье: «С населением 47 млн. и 40 млн. и обширными колониальными владениями Британия и Франция могут, если будут действовать совместно, быть столь же могущественными как Советский Союз или Соединённые Штаты»¹³.

Финансовую основу колониальной экономической политики правительства К. Эттли призван был обеспечить «Акт о развитии и благосостоянии колоний» 1945 г. По сравнению с аналогичным законом 1940 г., он предусматривал увеличение расходов с 55 млн.ф.ст. на период 1941-1951 гг. до 120 млн.ф.ст. на период 1946-1956 гг. Причём, из общей суммы в 85 млн. 500 тыс. ф.ст., предназначенной непосредственно для колоний и других зависимых территорий, 52 млн. 100 тыс. ф.ст. выделялось для развития британских владений в Африке¹⁴. В 1948 г. был принят «Акт о развитии заграничных ресурсов», в соответствии с которым были созданы главные экономические механизмы для реализации программ по социально-экономическому развитию колоний: Заграничная пищевая корпорация и Корпорация по колониальному развитию. С деятельностью первой корпорации связан самый амбициозный проект лейбористов по подъёму экономики в британской Африке—создание плантаций по выращиванию арахиса в Танганьике. Как отмечал Джон Стрейчи, министр продовольствия в первом правительстве К. Эттли, план по выращиванию арахиса «стал важным символом в нашей колониальной империи. Это

смелый эксперимент по подъёму производительности экономики африканских территорий путём замены примитивной мотыги современными сельскохозяйственными машинами»¹⁵. Предполагалось, что в результате не только повысится благосостояние местного населения, но и пищевая промышленность метрополии получит необходимое сырьё. Итоги реализации данного проекта стали также своего рода символом плохой организации и непродуманности экономической политики лейбористов в колониях. Общие расходы на создание плантаций составили 33 млн. ф.ст.¹⁶, а на продажу практически ничего не было выращено. Не были учтены местные особенности ведения сельского хозяйства. По сути, лейбористы повторили ошибку многих белых переселенцев, которые, намереваясь заняться фермерством, полагали, что в тропиках достаточно воткнуть в землю палку и что-нибудь обязательно вырастет.

Таким образом, в краткосрочной перспективе лейбористы полагались на быстрый подъём экономики и развитие местного управления, что должно было помочь сдержать рост национализма и сохранить контроль над африканскими колониями. Наивность подобного предположения хорошо иллюстрируют события в Золотом Береге, небольшой, относительно преуспевающей колонии, дававшей значительную часть мирового производства какао-бобов. Здесь был наиболее многочисленный, по сравнению с остальными британскими колониями в Африке, средний класс. Британское правительство гордилось достигнутым прогрессом в развитии Золотого Берега и считало его образцовой колонией. В 1946 г. Золотой Берег, как и его сосед, Нигерия, получили новое, достаточно либеральное по африканским меркам, конституционное устройство. Однако в феврале 1948 г. в столице Золотого Берега Аккре вспыхнуло восстание, поднятое националистами. В результате, Крич Джонс был вынужден пойти на беспрецедентный шаг. Впервые в истории Британской империи для составления новой конституции был создан консультативный орган, целиком состоящий из африканцев. Комиссия рекомендовала быстрый переход к самоуправлению, создание национальной ассамблеи, введение всеобщего избирательного права. За метрополией сохранялся контроль над финансами, судебной системой и правопорядком, а также государственной службой. Для британской администрации это был шок. Введение всеобщего избирательного права на территории, где только 10% населения было грамотно, было для нее абсурдно. Тем не менее, правительство К. Эттли пошло на проведение выборов по новой системе, потому что единственной альтернативой было применение силы. Поскольку боль-

шинство избирателей было неграмотно, в Золотом Береге была впервые использована система, ставшая впоследствии обычной в Африке. Каждому кандидату присваивался символ животного, под которым он проводил избирательную кампанию и под которым он фигурировал в избирательном бюллетене. На выборах победили националисты из Народной партии конвента, созданной Кваме Нкрума, будущим первым премьер-министром независимой Ганы. Хотя прямых свидетельств связи Нкрума с коммунистическими организациями не было, британские власти опасались, что Народная партия конвента может послужить долгосрочным целям коммунистической пропаганды по дестабилизации ситуации в колонии¹⁷. К. Эттли некоторое время колебался, но не решился отменить результаты выборов, опасаясь международных последствий. Впервые в британской колонии в Африке к власти пришли министры-африканцы. Это было событие огромного значения, положившее начало процессу, приведшему в течение десятилетия к полному краху британской империи в Африке. Однако в самой метрополии развитие ситуации в Золотом Береге не привлекло широкого внимания общественности. Многие, в том числе и в правительстве, рассматривали итоги выборов как курьёз. Долгосрочной целью было постепенное политическое развитие в сторону самоуправляющихся государств, которые будут стабильными, жизнеспособными, дружественными, некоммунистическими, а также останутся в составе Содружества Наций. Этот градуализм был очень важен с точки зрения сохранения и защиты глобальных интересов Великобритании. Результат подобной политики, как ни парадоксально, предвидел сам К. Эттли: «попытка сохранить старый колониализм... неизбежно поможет коммунизму»¹⁸.

¹ *Macdonald J.R. Labour and the Empire. L., 1907.*

² *Labour and New Social Order. L., 1918. P. 19-20.*

³ *The Empire in Africa. Labour's Policy. L., 1918; The Colonial Empire. L., 1933; Labour and Nation. L., 1928.*

⁴ *The Colonies. The Labour Party's Post-War Policy for the African and Pacific Colonies. L., 1943. P. 2.*

⁵ *CO 847/36/1, no 9, "Report of the [CO Agenda] Committee on the conference of African Governors", 22 May 1947. British Documents on the End of Empire. Series A, Vol.II. The Labour Government and the End of Empire: Part I, High Policy and Administration / Ed. by Hyam R. L., 1992. P. 203-204.*

⁶Quoted in: *Hyam R.* Understanding the British Empire. Cambridge, 2010. P. 149.

⁷*Hinden R.* The Labour Party and the Colonies. L., 1946. P. 15.

⁸Quoted in: *Heinlein F.* British Government policy and decolonization 1945-1963. L., 2002. P. 24.

⁹*Ibid.*

¹⁰“Constitutional Development in Africa”, African Governor’s Conference, draft minute 5 (second session), November 1947. CO 847/73/7. British Documents on the End of Empire. Series A, Vol.II. The Labour Government and the End of Empire: Part I, High Policy and Administration / Ed. by Hyam R. L., 1992. P. 67.

¹¹CO 554/152/1, Burns to Colonial Service Staff, 14 March 1947. British Documents on the End of Empire. Series B, Vol.I. Ghana./ Ed. by Rathbone R. L., 1992. P. 17.

¹²Quoted in: *Louis W.R.* Imperialism at Bay. The United States and the Decolonization of the British Empire 1941-1945. Oxford, 1987. P. 14.

¹³Quoted in: *Callaghan J.* The Labour Party and Foreign Policy. A history. L., 2007. P. 171.

¹⁴CO 927/1/1, no 59, 12 Nov. 1945. [Colonial Development and Welfare Act, 1945]: circular dispatch from Mr. Hall to governors. Enclosures: 2 and 3. British Documents on the End of Empire. Series A, Vol.II. The Labour Government and the End of Empire: Part II, Economics and International relations / Ed. by Hyam R. L., 1992. P.15.

¹⁵CAB 129/37/2, CP(49)231, 11 Nov. 1949. “The East African groundnuts scheme”: Cabinet memorandum by Mr. Stacey on its future. British Documents on the End of Empire. Series A, Vol.II. The Labour Government and the End of Empire: Part II, Economics and International relations / Ed. by Hyam R. L., 1992. P. 287.

¹⁶CO Cmd.7987, “The British territories in East and Central Africa 1945-1950”. L., 1950. P. 51.

¹⁷FO 371/80125, no 1017, 1 May 1950. “Note on the aims, strategy and procedure of the communists in Africa”: brief no 13 for the London meeting of foreign ministers. British Documents on the End of Empire. Series A, Vol.II. The Labour Government and the End of Empire: Part II, Economics and International relations / Ed. by Hyam R. L., 1992. P. 355.

¹⁸Quoted in: *Hyam R.* Understanding the British Empire. Cambridge, 2010. P. 262.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР РОСТА ЭТНОРЕГИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Исследование проблем этничности, этнической и региональной идентичности, этнорегионального политического движения всегда актуально, так как связано с процессами государственного и национально-государственного строительства, развития государственности. Это динамические, но длительные процессы, которые формируются исторически. При этом именно культура разных этнических групп и нации в целом является самым весомым фактором в определении путей их развития.

Этнорегиональное политическое движение в современном контексте глобализации и регионализации обретает новую силу и значение в европейских государствах. Соединенное Королевство, в котором этнорегиональное политическое движение, озвучивая интересы населения регионов, получило мощную поддержку и оказывает влияние на партийную и политическую систему, предлагает свой пример институционализации этнополитического конфликта по линии «центр-периферия». Анализируя данную проблему, нельзя не заметить, что как в основе конфликта, так и в основе деятельности этнорегионального политического движения, лежит культурное и историческое наследие, сохраняемое кельтскими регионами. Опыт Соединенного Королевства в развитии этнорегионального представительства и в решении конфликта, несомненно, может быть востребован и другими государствами.

Здесь необходимо рассмотреть следующие вопросы:

Во-первых, что собой представляет этнорегиональное движение и как оно связано с понятием этнорегиональная идентичность.

Во-вторых, как культурно-историческое наследие интерпретировано этнорегиональными партиями.

В-третьих, необходимо определить значение культурно-исторического наследия в развитии конфликта центр-периферия, а также способы

его умиротворения с учетом существующего культурно-исторического наследия.

Этнорегиональное движение в настоящее время – это главный катализатор общественно-политического развития в европейских государствах. Оно, представленное так называемыми малыми партиями, оказывает воздействие на процессы демократизации, так как, во-первых, влияет на конституционное реформирование, во-вторых, обеспечивает восприятие «центром» требований и запросов населения этнических регионов при принятии решений, в-третьих, участвует в формировании политической культуры в государстве.

Этнорегиональное движение неоднородно. В нем можно выделить как автономистов (регионалистов), представленных валлийской Плайд Камри, которые настаивают на трансформации взаимоотношений центр-периферия, так и этнорадикалов-сепаратистов Шотландской национальной партии или ирредентистов Шинн Фейн, которые провозглашают идею выхода из состава существующего государства. Опорой этнорегионального движения, определяющей позиции партий и привлекающей к ним население этнических регионов, служит представление ими существующих проблем регионов в контексте их исторического развития в государстве, в контексте культурных дифференциаций регионов и «центра», в контексте борьбы этнических регионов за право принимать решения. Аргументация данных партий всегда связана с апелляцией к истории и собственной культуре при обсуждении вариантов разрешения сложившейся проблемы. Несовпадение позиций «центра» и регионов приводит к обострению их взаимоотношений. Поэтому историческое и культурное наследие, складывавшееся столетиями и определявшее взаимоотношения центра с регионами, и в современном мире остается стержневым фактором роста этнорегионального движения, так как во многом нынешние отношения центра с этническими регионами повторяют исторически сложившиеся параметры.

Культурно-историческое наследие этнического региона отражает ситуацию наличия этнокультурных границ внутри государства, которые взаимосвязаны с понятием этнической и региональной идентичности.

В настоящее время каждый человек имеет множество идентичностей, но именно его самоидентификация позволяет говорить о том или ином значении, которое может иметь этническая идентичность, так как в тео-

ретическом дискурсе сложились три школы, рассматривающие концепт этничности и нации.

С точки зрения примордиализма, этническая идентичность, будучи основным свойством определенной общности, может пребывать в латентном состоянии, но никогда не угасает полностью¹. Инструменталисты представляют этничность как политический инструмент достижения требований. С точки зрения конструктивизма этничность существует, но она скорее отражает культурные особенности и различия, выступая в качестве формы их организации, поддержки и сохранения². Здесь культурные символы и их воспроизводство важны для сохранения группы и групповой общности. Однако, нельзя не заметить, что и в этом случае даже потеря каких-то весомых общих символов и традиций не приводит к исчезновению этнической группы. Так, практически забвение ирландского языка не привело к исчезновению ирландской этнической идентичности.

Однако общим для всех школ является представление культуры как инструмента самоидентификации индивида и осознания им собственной этнической идентичности в сравнении с государственной идентичностью, т.е. с нацией.

Несомненно для индивида важна и региональная идентичность, поскольку связи по местности являются самыми сильными³. Совмещение этнической и региональной идентичности, в случае, когда этническая группа компактно населяет определенный регион, создает как наиболее тесные связи между членами группы, что позволяет им поддерживать друг друга, так и наилучшие возможности для воспроизводства культурных норм группы. Сложившиеся культурные дифференциации, в первую очередь, между «центром» и этническим регионом, задают конструкцию государственной власти и определяют структуру управления.

Поэтому конфликт центра с этническими регионами – это в большей степени конфликт культур. Позиция и статус разных групп обусловлены историей их взаимоотношений и культурными различиями, которые определяли доступ этнических групп к власти и экономическим и политическим ресурсам в государстве. Этничность обладает огромным потенциалом мобилизовать население именно по той причине, что существует определенное культурно-историческое наследие, свидетельствующее о характере таких взаимоотношений. Культурно-историческое наследие определяет линии конфликта и говорит о конфликтном потен-

циале в целом и возможности достижения лояльности разных этнических государств, т.е. нации.

Различие между этническими группами и нациями лежит в области их отношения к государству. Исторически этнические группы предшествуют нациям. В современных государствах одна этничность является доминирующей и ложится в основание нации. Поэтому сами нации можно представить как государство-ищущие и государство-контролирующие этнические группы⁴. Они реализуют свой потенциал в рамках нации и государства. При этом отдельные этнические группы в своем историческом развитии его либо не обрели, либо потеряли.

Современные государства являются мультиэтничными и даже несмотря на наличие общих национальных традиций, сохраняются культурные нормы этнических групп, населяющих государство.

Важно отметить, что культурные дифференциации создали форму организации власти, но они же одновременно с этим способствовали формированию определенного рода занятий для жителей периферии. Род занятий также определял статус. Он не только отражал существующее социальное разделение, но и консервировал его. Создавались иерархические социальные структуры, которые совпадали с уже существующими контурами этнической и региональной идентичности. Поэтому требования и конфликты «центр-регионы» облекались и облекаются не только в социально-экономические лозунги и носили характер достижения справедливости, но и в этническую форму и требование восстановления исторической справедливости. Поэтому сама по себе этничность не вызывает конфликт, также как его не вызывает сама по себе региональная идентичность. Этничность – это основа, в которой заключен потенциальный конфликт при условии существования проблем, связанных со статусом. Например, исторически в Северной Ирландии сложились глубокие этнические разделительные линии, ведь ирландцы вообще были исключены политически и социально из жизни собственного региона.

Возникает вопрос, является ли общественно-политическое разделение, совпадающее с этническим, только мифом, используемым националистами, либо реальностью, которая находит свое отражение в периодическом росте этнорегионального движения в стране?

Действительно, политические лозунги могут способствовать мобилизации, если они отражают конкретные проблемы и предлагают определенный путь их решения. Национальные движения кельтских регионов Соединенного Королевства свидетельствуют об этом.

Насколько возможна консолидация в условиях сложившегося разделения, когда совмещены линии этнического, культурного, территориального, социального, экономического и политического разделения? Насколько она выгодна с точки зрения населения и политической элиты, и насколько вариант консолидации предпочтительнее других вариантов, связанных с самоуправлением и независимостью.

Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» сказал, что прогресс состоит не в том, чтобы идти в одном направлении, но в том, чтобы идти во всех направлениях исторического поля⁵. Поэтому и национальная идея должна, так или иначе, найти свою реализацию. Ключевую роль в этом играют этнорегиональные политические силы.

Между тем, подход культурного плюрализма также вносит свой вклад в развитие этнорегионального представительства и решения проблемы центра с регионами. Культурный плюрализм – это диалог и компромисс, предполагающий равное партнерство центра с регионами, что невозможно пока реализовать в практических условиях в Соединенном Королевстве. Несовпадение политической практики и риторики влияет на рост конфликтного потенциала.

Консолидация общества и государства в условиях признанного культурного плюрализма и многоэтничности, поэтому, возможна только при признании существующих коренных этнорегиональных сообществ и выполнении требований этнорегиональных движений как выразителей интересов населения регионов. Иными словами, необходимо создание новых институтов, новых способов политического и социального включения населения регионов и способов самореализации существующей этнорегиональной идентичности. Деволуция, происходящая в Соединенном Королевстве, – это верный шаг в достижении задачи консолидации. Помимо этого, если государство справляется с задачей обеспечения безопасности населения, то оно успешно гасит возникающие конфликты, т.е. важно социальное и экономическое благополучие всех жителей государства, вне зависимости от региона проживания. При этом важно понимать, что деволуция носит ограниченный и жесткий характер, она не способна урегулировать все вопросы взаимоотношений центра с регионами. Поэтому процесс демократизации должен продолжаться постоянно, и в политической системе должны быть инструменты, эффективно переводящие конфликт в политическую плоскость и решающие их в рамках институтов. В этом смысле федерализация позволяет решать многие существующие проблемы.

Таким образом, культурно-историческое наследие – это фактор весомый в росте этнического национализма и этнорегионального движения. Вопрос состоит лишь в том, как люди его представляют и для чего используют.

¹*Harvey F.P.* Primordialism, Evolutionary Theory and Ethnic Violence in the Balkans: Opportunities and Constraints for Theory and Policy // *Canadian Journal of Political Science*. Vol. 33. N1. March 2000. P. 37-38.

²Nationalism // *A Dictionary of Sociology*. Oxford, 1998 // <http://www.encyclopedia.com/doc/1088-nationalism.html>.

³*Сорокин П.* Система социологии. М., 1993. Т. 2. С. 210.

⁴*Wolff St.* Ethnic Conflict. A Global Perspective. Oxford, 2006. P. 32-35.

⁵*Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 109.

III. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Я. Б. Януш

ВЕЛИКАЯ ПЕРЕЧЕКАНКА 1696–1698 ГГ. ВЗГЛЯД ИЗ НУМИЗМАТИКИ

В 1696–1698 гг. в Англии была проведена Великая перечеканка старой серебряной монеты. Её итоги оцениваются по-разному и всегда являлись предметом полемики. В начале XIX в. член парламентской комиссии по вопросу денежного обращения Ч. Бозанкет считал, что Великая перечеканка, стоившая Англии 3 миллиона фунтов стерлингов, вызвала у простых англичан только неудобства и разочарование. Наоборот, Роберт Дженкинсон (1770-1822), 2-й граф Ливерпуль, торийский премьер-министр Великобритании в 1812-1827 гг. и Первый Лорд Казначейства утверждал, что тяготы и потери, которые несли правительство и народ английского королевства до перечеканки, оправдывали все расходы, которые потребовались для её проведения. Его поддерживает известный английский историк вигского направления Томас Маколей (1800-1859): «Едва ли можно сравнить все те несчастья, которые в течение четверти века нанесены были народу дурными министрами, дурными парламентами и дурными судьями, с теми, которые производили дурные кроны и дурные шиллинги»¹. Под четвертью века подразумевается период с 1662 по 1687 гг. На мой взгляд, это слишком политизированный подход к описанию монетной ситуации накануне Славной революции.

Дурных крон и дурных шиллингов при дурных парламентах и дурных министров просто не могло быть в большом количестве. Отсутствие гуртовой защиты (надписи или насечки) на монетах старой молоточной чеканки приводило к их обрезанию (“clipping”) по краям. Т. Маколей пишет и об этом: «Ножницы обрезывателей оставшейся в обращении монеты действовали по-прежнему... Когда же великое орудие обращения пришло в полный беспорядок, в торговле и промышленности начался застой. Зло чувствовалось ежедневно и ежечасно повсюду и всеми классами населения».² Такую ситуацию невозможно представить в реаль-

ности, в первую очередь ввиду фактического отсутствия в обращении к 1696 г. значительного количества обрезанных монет. Если обратиться к английскому средневековому периоду, то можно увидеть, что монетные реформы проводились неоднократно, а законодательные акты о монетной чеканке периодически обновлялись. Например, 05.07.1504 г. была выпущена прокламация об обязательной сдаче обрезанных монет и их принудительном обмене³. 27.04.1505 г. – ещё одна прокламация, предусматривающая смертную казнь за обрезку монет и т.д.⁴. Во время правления Елизаветы I **была проведена монетная реформа по изъятию низкопробных монет**, выпущенных во время правлений Генриха VIII и Эдуарда VI (прокламация 27.09.1560 г.).⁵ Тогда была проведена девальвация низкопробной монеты: 1 пенни стал равняться полупенни и фардингу (3/4 пенни), 2 пенса = 1 ½ пенса, тестон (6 пенсов) = 4 ½ пенса, ещё более низкопробный тестон = 2 ¼ пенса. Обмен проводился до 31 января 1561 года.

Этой же реформой были установлены новые вес и проба серебряных монет: проба серебра – 925-я, а вес кроны – 30 г, соответственно шиллинга – 6 г. Вес английских серебряных монет не менялся с 1561 г. до 1818 г., а проба – до 1920 г. При этом вес кроны мог колебаться из-за толщины листа, из которого вырубались заготовки для монет, от 29,8 до 30,2 г, что было допустимо, так как монетный двор отчитывался за известное количество серебряных монет на фунт. В 1662 г. в Англии началась машинная чеканка, и новые кроны и полукроны уже имели гуртовую надпись (“DECVS ET TVTAMEN”), а шиллинги и шестипенсовики – гуртовую насечку, что делало их хорошо защищенными от подделок и обрезания. Одновременно с новыми монетами продолжали хождение и монеты, отчеканенные в предыдущие правления. Надо учесть и психологический фактор: население всегда в первую очередь будет избавляться от худшей или непривычной монеты. Таким образом, при дурных королях с 1662 по 1684 гг. фактически уже была осуществлена постепенная замена (через сбор налогов) старой монеты, которая перечеканивалась в монету с именем действующего монарха.

После смерти Марии II в 1694 г. принципиальных изменений в чеканке серебряных монет не произошло: крона, шиллинг, 6 пенсов чеканились в 1695 г., хотя и не в очень большом количестве. И. М. Кулишер отмечает, что падение веса серебряной монеты усилилось в 1690-е годы, а не при Карле II и Якове II. Скорее всего, политические и военные соображения перечеканки имели меньшее значение, чем извлечение прибыли акционерами Банка Англии, основанного в 1694 г. Иначе, чем можно объяснить

тот факт, что именно по совету лордов, близких к королю Вильгельму III, решение о перечекалке принималось не указом короля, а парламентским законопроектом. В своей речи 23 ноября 1695 г. король упомянул о “больном” состоянии монеты и необходимости ускорения решения этой проблемы. Палата Общин начала вырабатывать общую позицию по перечекалке в декабре 1695 г.

13 января 1696 г. был принят первый законопроект о перечекалке “Закон об устранении больного состояния монеты в Королевстве” (“Act for Remediying the Ill State of the Coin of the Kingdom”), который вступил в силу 17 января 1696 г. Было решено, что с 4 мая 1696 г. обрезанные монеты (clipped coins) перестают считаться законным платежным средством, а с 24 июня они не будут приниматься при уплате налогов. Заметим, что речь идёт только об обрезанных монетах, а не о фальшивых и низкопробных, которых в Англии 1696 г. уже не было в обращении. Фальшивомонетчество в Англии уже несколько веков наказывалось смертной казнью и рискующих были единицы. Как уже было выше отмечено, низкопробные монеты чеканились только во время правления Генриха VIII и Эдуарда VI и были изъяты из обращения во время монетной реформы, проведённой в 1560–1561 гг. В настоящее время низкопробные английские монеты XVI века являются нумизматической редкостью, что свидетельствует об их успешном изъятии из обращения и заменой высокопробной монетой⁶. В 1696 году правительство приняло решение об обмене старых серебряных монет по номиналу, а не по весу и компенсировало разницу за счёт государства. Но это привело к тому, что из обмена были исключены высокопробные средневековые пенни, весовой стандарт которых был 22,5 грана⁷ (или 1,458 г) и гроуты, весившие соответственно в 4 раза больше: 89 гран (или 5,76 г)⁸. Если они и были немного обрезаны, то их вес значительно превышал вес пенни и гроутов, установленных реформой 1560–1561 гг. По этой причине на сегодняшний день средневековые английские пенни массовой чеканки времени правлений Генриха III (1216–1272) и Эдуарда I (1272–1307) не являются редкими и доступны по цене для обычных коллекционеров. Но небольшая разница при обмене всё-таки возникала не в пользу государства. Например, шиллинг Елизаветы I за столетнее обращение мог потерять до 7–15% своего веса. Чтобы оплатить эту разницу и расходы по перечекалке монеты был введён в 1696 г. оконный сбор, взимаемый с жилых домов. За 3 года перечекалки он позволил собрать до 1 200 000 фунтов стерлингов⁹.

Оконный сбор был отменён только в 1851 г. Нетрудно представить какую итоговую прибыль получило государство, и нетрудно догадаться, кто в итоге оплатил все расходы по перечеканке. Для ускорения процесса перечеканки были открыты отделения монетного двора в Бристоле, Честере, Норвиче, Экстере и Йорке. Отделения монетного двора работали: в Экстере с августа 1696 г. по июль 1698 г., в Йорке с сентября 1696 г. по апрель 1698 г., в Бристоле с сентября 1696 г. по сентябрь 1698 г., в Норвиче с сентября 1696 г. по апрель 1698 г., в Честере с октября 1696 г. по июнь 1698 г.¹⁰ В зависимости от монетного двора на аверсе монеты под портретом Вильгельма III ставилась соответствующая буква: В, С, N, Е, У. Штемпеля для новых отделений с датами 1696 и 1697 гг. изготавливались в Лондоне, а затем передавались в отделения. Во второй половине XVII–XVIII вв. на монетном дворе работал только один главный гравер (**Chief Engraver**), который выполнял представительские и административные функции. Для производства монетных штемпелей приглашался известный в Европе гравер, с которым заключался контракт и у которого был свой особенный художественный стиль. В своём стиле приглашённый гравер изготавливал штампель аверса (портретная сторона монеты). Реверс монеты (сторона с изображением герба) в этот период был каноническим и практически не менялся с 1662 г. На монетном дворе с гравером заключался контракт, и он работал сдельно: ему оплачивали каждую пару штемпелей (аверс-реверс), и кроме него никто другой не мог изготовить монетные штемпеля. Теоретически монетный штампель выдерживал около 20 000 ударов, причём штампель реверса изнашивался быстрее. В процессе чеканки мелкие детали изображения на штампе постепенно пропадали, засорялись, тогда приходилось штампель подгравировывать и очищать (этим процессом занимались помощники гравера), а затем их продолжали использовать до полного изнашивания.

В английской нумизматике уже давно исследована степень редкости монет, исходя из количества экземпляров, сохранившихся до нашего времени: R – rare, S – scarce, N – normal, C – common. Например, высшие степени редкости: R7 (1 или 2 известных экземпляра монеты), R6 (3 или 4), R5 (5 до 10), R4 (от 11 до 20), R3 (до 50), R2 (до 100). Это монеты (пробные, донативные или для обращения), как правило, имеют не более одного штемпеля. Ко второй группе монет можно отнести монеты, которые сохранились от 150 до нескольких тысяч экземпляров (степени редкости: R и S). И наконец, третья группа монет не имеет степени редкости, так

как сохранилась в количестве от 3000 и больше (N, C, C2 и C3); для этой группы монет характерно изготовление большого количества одинаковых (похожих) штемпелей для чеканки. В период 1696–1698 гг. на лондонском и провинциальных дворах чеканились монеты (крона, ½ кроны, шиллинг и 6 пенсов) с четырьмя разными портретами Вильгельма III.

Лондонский монетный двор в Тауэре (без учёта монет со степенью редкости от R2 и выше, как незначительное количество): 1) кроны: первый портрет 1696 (C); третий портрет 1696 (C), 1697 (R3). 2) ½ кроны: первый портрет 1696 (N и C), 1697 (C), 1698 (C2); шиллинг: первый портрет 1696 (C), 1697 (C); третий портрет 1697 (N), 1698 (S); четвёртый портрет 1698 (R); 6 пенсов: первый портрет 1696 (C2), 1697 (C); третий портрет 1697 (C2), 1698 (N).

Если рассматривать чеканку на провинциальных монетных дворах, то уже значительное количество монет попадает под степень редкости от R2 и выше.

Монетный двор в Экстере (период работы с августа 1696 г. по июль 1698 г.): 1) ½ кроны: первый портрет 1696 (от R2 до R4); 1697 (от N до R4); с датой 1698 не чеканились. 2) шиллинг: первый портрет 1696 (S), 1697 (S и R), с датой 1698 не чеканились. 3). 6 пенсов: первый портрет 1696 (R и R3), 1697 (S, R, R4); третий портрет 1696 (R3 и R7); с датой 1698 не чеканились.

Монетный двор в Йорке (период работы с сентября 1696 г. по апрель 1698 г.): 1) ½ кроны: первый портрет 1696 (от R до R3); 1697 (от C, N, R до R6), с датой 1698 не чеканились; 2) шиллинг: первый портрет 1696 (от S, R и R4), 1697 (от S, R до R7); третий портрет 1697 (R); с датой 1698 не чеканились. 3). 6 пенсов: первый портрет 1696 (C, R и R2), 1697 (R и R5); третий портрет 1696 (R7), 1697 (R7); с датой 1698 не чеканились.

Монетный двор в Бристоле (период работы с сентября 1696 г. по сентябрь 1698 г.): 1) ½ кроны: первый портрет 1696 (от S, R до R6), 1697 (от N, R до R6); с датой 1698 не чеканились. 2) шиллинг: первый портрет 1696 (R), 1697 (S), третий портрет (R), с датой 1698 не чеканились. 3) 6 пенсов: первый портрет 1696 (N, S и R3), 1697 (N и R); третий портрет 1697 (R и R4); с датой 1698 не чеканились.

Монетный двор в Норвиче (период работы с сентября 1696 г. по апрель 1698 г.): 1) ½ кроны: первый портрет 1696 (от R до R4), 1697 (от S до R6); с датой 1698 не чеканились. 2) шиллинг: первый портрет 1696 (S), 1697 (S), третий портрет (R), с датой 1698 не чеканились. 3) 6 пенсов 1696 (S и R3), 1697 (N и R5); с датой 1698 не чеканились.

Монетный двор в Честере (период работы с октября 1696 г. по июнь 1698 г.): 1) ½ кроны: первый портрет 1696 (от R до R3), 1697 (S); с датой 1698 не чеканились. 2) шиллинг: первый портрет: 1696 (от S до R5), 1697 (S); **третий портрет 1697 (от S до R); с датой 1698 не чеканились.** 3) **6 пенсов:** первый портрет 1696 (S и R4), 1697 (N, R2 и R5); третий портрет 1697 (R3); с датой 1698 не чеканились.

Братья Норберт и Джеймс Роттье (Norbert and James Roettier) были граверами монетного двора ещё со времени правления Карла II. Норберт Роттье был обвинен в симпатиях к якобитам и в результате скандала был вынужден в середине 1695 г. уехать во Францию. Права на изготовление монетных штемпелей перешли к его брату Джейму Роттье. Одна из нумизматических особенностей Великой перечеканки в том, что при якобы огромных тиражах теоретически не должно быть редких монет, а практически – есть и много. Во время правления Вильяма III портрет короля на аверсе монет неоднократно менялся. Не подлежит сомнению, что гравером первого и второго вариантов портрета был Джеймс Роттье. Существуют монеты со вторым портретом: крона, ½ кроны, шиллинг и 6 пенсов. Только монеты номиналом в 6 пенсов 1697 со вторым вариантом портрета являются относительно редкими (R4), все остальные номиналы – чрезвычайно редкими, до такой степени, что их можно считать пробными, и они не могут являться удачным примером массовости перечеканки. Причина этого заключается в том, что вскоре после начала перечеканки Джеймс Роттье также впал в немилость. Он был признан виновным по результатам проведенного в 1697 году следствия и обвинён в незаконном вывозе монетных штемпелей времени правления Карла II и Якова II из Тауэра во Францию. По этой причине Джеймс Роттье был уволен со своей должности. Этот факт послужил Т. Маколею, чтобы рассказать в своей «Истории Англии» о хищениях штемпелей на монетном дворе в Тауэре, которых не могло быть в принципе. По утверждению Роттье, его штемпеля использовались до июля 1697 г. и известно, что он изготовил 500 пар монетных штемпелей для провинциальных монетных дворов, за которые в конце мая 1697 г. просил заплатить ему 60,5 фунтов стерлингов. Скорее всего, ему заплатили меньше: только 50 фунтов стерлингов, аргументируя это тем, что помощник гравера на любом из провинциальных монетных дворов получал от короля сумму, не превышающую 40 фунтов стерлингов в год.

Главным гравером тауэрского монетного двора в этот период был Харрис, но его роль сводилась к протокольным функциям. В 1697 г. после

увольнения Д. Ротье гравером был назначен Джон Крокер (John Croser). Джон Крокер был немцем и прибыл в Англию в 1691 г. После того как штемпеля, изготовленные Джеймсом Ротье пришли в негодность, Крокер выполнил в 1697 г. новые монетные штемпеля аверса (портрет короля) для крон, шиллингов и шестипенсовиков. Чтобы не нарушать единообразия чеканки был выбран похожий на работы Ротье стиль, но портрет короля всё-таки получился другим, и этот вариант портрета стал третьим. В 1698 г. он выполнил четвёртый вариант портрета (“flaming hair”) для шиллингов, а в 1699 г., уже после Великой перечеканки, также для шиллингов и пятый вариант. Количества штемпелей для аверса монет номиналом $\frac{1}{2}$ кроны, изготовленных Джеймсом Ротье (первый вариант портрета) хватило до конца правления Вильгельма III. Отсутствие монет с датой 1698, отчеканенных на провинциальных монетных дворах объясняется в первую очередь поздним изготовлением штемпелей реверса с датой 1697, а во вторую – старым стилем: новый год наступал 15 марта. Таким образом, изготовленных Ротье штемпелей аверса хватило до закрытия провинциальных дворов.

Если сравнить по степени редкости монеты (с 1662 г.) периода правлений Карла II и Якова II с монетами Вильгельма III, то можно сделать очень интересный вывод не в пользу Великой перечеканки. Кроны, отчеканенные в первый год начала машинной чеканки 1662 г. и имеющие степень редкости S2, встречаются значительно чаще, чем кроны Вильгельма III (С). Кроны более позднего времени выпуска (1663–1692 гг.) и монеты других номиналов ($\frac{1}{2}$ кроны, шиллинг, 6 пенсов) также соизмеримы по своей редкости с монетами Великой перечеканки. Именно, в первые годы после начала машинной чеканки в 1662 г. и была перечеканена значительная часть серебряных монет выпуска 1560–1660 гг., так как для новой массовой чеканки требовалось большое количество серебра. В 1698 г. в Англии был введён ремедиум на серебряные монеты и “необходимое изнашивание” (*reasonable wearing*), но механизм действия не был определён, и монеты периода правлений Карла II и Якова II продолжали обращаться. Необходимо отметить, что, чеканка крон в 1697 г. резко упала (степень редкости – R3), а в 1698–1699 гг. – не осуществлялась и возобновилась только в 1700 году.

Скорее всего, перед нами исторический миф, получивший название Великой перечеканки 1696–1698 гг., который успешно поддерживается английской историографией вигского и торийского направлений, в том числе и биографами И. Ньютона. В конце XVII века в разных странах

Европы было разное соотношение серебра и золота в зависимости от принятого в этих странах золотого или серебряного стандарта. Скрытую причину Великой перечековки очень хорошо изложил Д. Рикардо: «Г-н Локк считал наиболее пригодным для этой цели (утверждение одного металла из двух стандартной мерой стоимости) металлом серебро и предложил, чтобы золотой монете предоставили находить самой свою собственную стоимость и представлять в обращении большее или меньшее число шиллингов в зависимости от изменения рыночной цены золота по отношению к серебру»¹¹.

Но в 1696 г. поступили наоборот: стоимость гинеи была зафиксирована в 22 шиллинга, позднее – в 21 шиллинг 6 пенсов, тогда как её слитковая стоимость была ниже этой цены. Возникла ситуация, при которой золото было переоценено, и серебряная монета поступала в обращение по более низкой стоимости, чем её слитковая стоимость. Таким образом, золотая монета оставалась в обращении, а полновесная серебряная исчезала. Если бы стоимость гинеи понизилась до их действительной рыночной стоимости в серебре, то вывоз серебряной монеты немедленно прекратился бы. В результате этого полновесные (не менее 30 г) английские серебряные кроны продавались за золото в Нидерландские Штаты и Францию, где серебро стоило дороже. Стоимость английского монетного серебра была 5 шиллингов 2 пенса за унцию, а на экспорт уходило по цене не менее 5 шиллингов 3½ пенса¹².

Такая ситуация с точностью наоборот возникала и раньше. В 1584–1587 гг. из испанского золота в Англии начали чеканить розенобль (золотая монета 994-й пробы – более высокой, чем у золотых западноевропейских монет), которые экспортировались на продажу в Нидерланды. Прибыль составляла 5 %¹³. Один из английских каталогов, указывая веса полукроны и кроны Вильгельма III, даёт их с разбросом соответственно: 14,6–15,1 г и 29,4–30 г¹⁴. Как видно, крон весом хотя бы с небольшим превышением стандартного тридцатиграммового веса просто не осталось.

Нельзя забывать и тот факт, что в 1694 г. был создан акционерный Банк Англии, который сразу же приступил к выпуску первых английских банкнот, привязанных к серебряной кроне, номиналом в 5, 10, 20, 50 и 100 фунтов. В этот год цена гинеи достигала 30 шиллингов¹⁵. По моему мнению, это и спровоцировало начало мероприятия, которое позднее назвали Великой перечевкой. Банк Англии получил права на экспортно-импортные операции с серебром и золотом и стал извлекать на разнице цен прибыль для своих высокопоставленных акционеров,

принадлежавших и к вигам и к тори, которые смогли провести через Парламент законы о перечекалке. Но вскоре цена гинеи была понижена первоначально до 22 шиллингов, а в 1698 г. и до 21 шиллинга 6 пенсов. Нетрудно заметить, что при первом понижении стоимости гинеи резко упала чеканка серебряных крон, а после второго понижения – прекратилась на 2 года. Но вывоз серебряной монеты продолжался до 1717 г. Считается, что Великая перечекалка успешно завершилась в 1698 г., но старые монеты, законодательно продолжали находиться в обращении до 1732 г. Получается, что главной своей цели – быстрого изъятия якобы испорченной старой монеты, Великая перечекалка 1696–1698 гг. не достигла.

Биографы И. Ньютона склонны преувеличивать его роль в осуществлении Великой перечекалки. В 1696 г. он ещё занимал скромную должность на монетном дворе, его руководящая роль скажется позднее и достигнет кульминации в 1717 г. В начале XIX века Д. Рикардо без труда разобрался, что если бы стоимость золотой гинеи понизилась до её реальной рыночной стоимости в серебряных шиллингах, то и вывоз серебряной монеты из Англии немедленно прекратился бы. Такая мера и была принята в 1717 г., когда И. Ньютон, тогда уже заведующий Монетным двором, предложил уменьшить стоимость гинеи на 10 или даже на 12 пенсов, но не менее чем на 6 пенсов, что и было принято. Эта мера должна была послужить препятствием для переплавки серебряной монеты в слитки и вывоза её в континентальную Европу. То есть, понять, почему из Англии вывозится серебряная монета (только за период 1710–1717 гг. – на 18 миллионов фунтов стерлингов) великому учёному, но не экономисту, потребовался 21 год!

Совокупность реальных фактов, домыслов, предположений и фантазий вокруг Великой перечекалки создало миф о ней, как об уникальном событии, после которого начался подъём английской экономики, позволившей Англии стать мировой державой № 1. Основные расходы по перечекалке взяло на себя государство, затратив на это 2,7 миллиона фунтов стерлингов, что было уникальным явлением для того времени. Это одна сторона, а вот о второй – практически ни слова. По утверждению консервативного историка Л. Немира, политические деятели конца XVII века руководствовались больше личными корыстными интересами и амбициями, нежели определенными идеологическими установками. Это подтверждается извлечением прибыли через Банк Англии приближенными к королю лордами за счёт экспорта крупной полновесной сере-

бряной монеты в Нидерландские Штаты и Францию. Расходы по перечеканке переложили на население Англии, введя оконный сбор. Великая перечеканка 1696–1698 гг. не коснулась золотой монеты, находящейся в английском обращении. Старые английские золотые монеты были перечеканены только в 1774 г.

¹Цит по: Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Т. 2. 10-е изд. Челябинск, 2008. С. 357.

²Там же. С. 358

³Муха М. В. Монетные реформы Англии в эпоху Тюдоров. СПб, 2002. С. 24.

⁴Там же.

⁵Там же. С. 113.

⁶Там же. С. 59.

⁷Brooke G. C. English coins. 3^e ed. London, 1950. P. 107.

⁸Ibid. 122.

⁹Rayner P. A. English silver coinage from 1649. 5^e ed. London, 1992. P. XVIII.

¹⁰Ibid. XIX.

¹¹Рикардо Д. Высокая цена слитков – доказательство обесценивания банкнот. Москва, 2009. С. 729.

¹²Brooke. G. C. Op. cit. P. 223.

¹³Муха М. В. Указ. соч. С.123.

¹⁴Coincraft's. Standartd Catalogue of England & UK Coins 1066 to Date, by R. Lobel, M. Davidson, A. Hailstone, E. Calligas. London, 1995. P. 437.

¹⁵Brooke G. C. Op. cit. P. 223.

«НОВЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ» ЮНГЕРА КАК ЧАСТЬ НЕМЕЦКОЙ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В современном политическом пространстве России все чаще можно услышать о ее сравнении с Германией. Чаще сравнивается Россия 1990-х гг. с Германией конца 1910-х гг. и первой половины 1920-х гг.

В это время для Германии становится характерным смена утвердившихся духовных ценностей и ориентиров. Уходят четкие представления об устойчивости и перспективе расцвета империи. На смену этим представлениям приходит чувство безысходности и отчаяния, порожденные исходом Первой мировой войны. Массы ждали решительного и быстрого изменения сложившейся унижительной для Германии ситуации. Действия постоянно сменяющихся членов правительства вызывали у народа только презрение и недоверие. Ю. Н. Солонин отмечает по этому поводу: «Политические убийства, сепаратизм, путчи, митинги на фоне застылых доменных печей и остановленных заводов – разве это не наши будни 90-х годов? Да, но это и Германия конца 10-х – первой половины 20-х»¹. Таким образом, любой решительный шаг рассматривался как возможность получить что-то лучшее, чем то, что есть фактически. Проблема подразумевает поиски общего решения, а для этого необходима мобилизация народа для выполнения общей цели. Для Германии того времени лучшим основанием такой мобилизации стало национальное сознание, которое необходимо было правильно организовать.

В России вплоть до сегодняшнего дня можно услышать отголоски 1990-х гг. Все чаще говорят об отсутствии сплоченности общества, отсутствии доверия последнего к государству, что сразу же отражается на его управлении и развитии. Для разрешения ряда вопросов государственного развития некоторые политические деятели сегодня обращаются к «консервативной революции», которая стала детищем Германии

периода Веймарской республики, как предполагаемый ответ на ту самую возможную «организацию» общества.

О. Ю. Пленков охарактеризовал «консервативную революцию» обращаясь к высказываниям Гуго фон Гофманшталя, как консервативную по содержанию и революционную по форме. Под «консервативной революцией» подразумевалось антизападное, антиреспубликанское, большей частью реакционное, романтическое, отчасти антисемитское движение, порожденное Ноябрьской революцией и самой радикальной в Европе Веймарской демократией². Она включает в себя огромный спектр идеологических направлений – от младоконсерваторов до национал-большевиков и “левых” нацистов. В этом многообразии публицистических, философских и художественных талантов особенно выделяется Эрнст Юнгер.

Эрнст Юнгер являлся одним из ведущих теоретиков национализма и сделал наибольший вклад в развитие «консервативной революции». Он проповедовал так называемый «новый национализм». В публицистике писателя интересуют следующие понятия: государство, универсальность и сущность власти, и сам народ. Эти понятия должны стать тремя основными компонентами структуры «нового национализма». В чем же его сущность? Для этого понятия нет конкретного и однозначного пояснения. В 1926 г. Юнгер пишет: «Национализм – есть воля жить среди нации как сверхординарной сущности, существование которой является более важным, чем существование одного человека»³. Эрнст Юнгер, исходя из его изречения, говорит совсем не о биологической, социал-дарвинистской сущности национализма, а о глубоком чувстве общности людей, которых не интересуют расовые различия между ними. Это общество далеко от теории расизма, так как они объединены не за счет внешних и внутренних биологических критериев, а за счет чувства необъяснимого, практически мистического притяжения друг к другу. Расистские теории объединяли людей за счет построения «модели образца» под которую либо подходил человек, либо нет. Такие модели не были устойчивы, так как внутренняя взаимосвязь между людьми была не крепка. Человек, подошедший под «образец», мог не испытывать внутреннего единства с обществом, в которое он входил. Многие индивиды такого общества могли быть просто безынициативными конформистами. И тогда общество становится просто механической массой. Согласно Эрнсту Юнгеру, такое общество должно создаваться стихийно, в отличие от уже рассмотренного варианта. Оно рождается не за счет внешних факторов,

а за счет внутреннего притяжения. Ю. Н. Солонин объяснил это явление так: «Нация есть некая сверхчувственная сила, дающая определенность всякому чувствующему свое отношение к ней, или ее наличие в себе. В этом смысле она приобретает значение ядра некоторой секуляризованной религии. Отношение к нации является своего рода тайной, мистерией и не может быть выражено рациональным образом»⁴. Эрнст Юнгер продолжает объяснение понятия «национализма» не как движения в целом, а как движущую волю. Она должна быть в каждом индивиде, составляющем националистическое общество, и в тоже время не принадлежать никому отдельно. Только когда общество будет связано внутренними духовными ниточками, оно сможет стать стабильной устойчивой структурой. Таким образом, национализм должен стать чистой, необусловленной волей быть сопричастным к нации, воспринимаемой и чувствуемой всеми силами и средствами.

Стоит заметить, что Юнгер не рассматривает «новый национализм» в узких рамках лишь возрождения Германии, а придает ему более глобальный масштаб. Рождается это понятие из всепоглощающего пожара войны, которым были охвачены многие страны. Оно не имеет определенного отечества, оно возникло, чтобы стать общеевропейским делом. Итог – создание националистического государства, которое не разделяло бы народы, в частности Европы, а наоборот, смогло бы их объединить. Но, опять же, объединение это должно было произойти на основе возрождения Германии.

Война для Эрнста Юнгера была не пустым звуком. Он прочувствовал все ее тяготы на себе. На фронт Первой мировой войны он отправился в возрасте 19 лет. Был несколько раз ранен. Отличался храбростью и расчетливым разумом, проявлял хладнокровие в самых критических ситуациях. Все это помогло ему завоевать славу легендарного фронтовика. Условия Версальского мира заставили его находиться в оппозиции правительству Веймарской республики в послевоенные годы. В это же время он и раскрывает свой писательский талант. Первые его произведения были как раз о войне. Повесть «В стальных грозах», увидевшая свет в 1920-х гг., вызвала огромный интерес к Юнгеру. В отличие от «сломленного» войной Ремарка, Юнгер не просто выстоял в ней, но смог закалиться и выражал ей безмерную благодарность. Он считал, что война породила новое поколение, которое только и сможет создать национальное государство. Движущей силой этого зарождающегося общества должен стать «рабочий». О нем писатель рассказывает в своей следую-

щей одноименной работе – «Рабочий: господство и гештальт». Первая мировая война помогла вступить в фазу насильственных конфликтов, результатом же стала постоянная борьба, в которой очутился человек. Победителем в этой битве может стать только самоотверженно работающий. Причем безразлично, где он будет это делать – у станка, на производстве, или в окопах на фронте. «Рабочий» по Эрнсту Юнгеру – это не просто пролетарий, а некий «сверхчеловек», за которым будущее. В центре его концепции находится культ техники, работы, плана. Сама тяга рабочего к труду – неудержима, естественна. Промышленная же модернизация играла главную роль в организации его работы. Такие идеи не могли пройти незамеченными в среде последователей коммунистических теорий. Например, Карл Радек в «рабочем» Юнгера увидел образ Ленина. Коммунисты хотели видеть в этой знаменитой книге свой собственный литературный манифест. Но, несмотря на то, что Эрнст Юнгер тоже интересовался опытом советского общества и многое рассматривал в качестве возможного применения в своей работе, он был далек от коммунистических идей СССР. О. Ю. Пленков по этому поводу замечает: «Из “Рабочего”, а также других произведений Юнгера следовало, что главную задачу “консервативной революции” он понимал как ликвидацию парламентской формы правления. Капитализму, с одной стороны, и реальному социализму в СССР — с другой, Юнгер, как и Шпенглер, противопоставлял национальный социализм, трактуемый как общность интересов всей нации»⁵. Ликвидация парламентской формы правления была необходима. Только так можно было избавиться от недоверия народа, о котором говорилось ранее. Решительный шаг мог сделать только рабочий.

В начале 1920-х гг., Гитлер обращался к теоретикам консервативной революции (в частности, к Меллеру ванн ден Бруку) с предложением о возможном союзе: «Вы, – писал Гитлер, – разработаете духовное оружие в борьбе за обновление Германии. Я же не претендую на большее, чем быть национальным барабанщиком и собирателем сил. Давайте сотрудничать»⁶. Ответом Адольфу Гитлеру был отказ. Мёллер как-то сказал о Гитлере, как о человеке, который никогда ничего не поймет. Эрнст Юнгер же сначала увлекся идеями Гитлера, но очень быстро в них разочаровался. В итоге он говорил, что ни один серьезный предприниматель не дал бы ни одному из них торговой доверенности и не стал бы иметь дело с собранием подобных странных фигур.

После прихода нацистов к власти Юнгер не скрывает своего отношения к ним и находится, в результате этого, все время под пристальным

наблюдением. Но Гитлер относится к идеологу консервативной революции с уважением, возможно, помня его боевые заслуги. Спасение от сложившегося душающего режима Юнгер находит в окопах уже Второй мировой войны.

В конце войны Эрнст Юнгер полон ненависти к фюреру. В своих дневниковых записях от 12 мая 1945 г. он пишет, как встречал в своем доме путников – немецких солдат. Они считали, что Германия потерпела поражение вследствие предательства. Солдаты рассказывали, что Гитлер погиб в бою, защищая столицу, они даже видели его гроб на артиллерийском лафете. Эрнст Юнгер приходит в отчаяние после этого разговора – сколько веры и самоотверженности было потрачено нацистами зря, брошено на оборону безнадёжных позиций, загублено в смертельных котлах!⁷ Опять решительный шаг, которого ожидали, был сделан неверно.

Писатель как-то заметил: «Более священным, чем жизнь, должно быть достоинство человека»⁸. Нацистский же режим всячески попирает это самое достоинство. Несмотря на все происходящее, Эрнст Юнгер ни на минуту не отказывался от идеи «нового национализма». Он оставался верен этим идеям и образу своего «рабочего» до конца жизни, которая была весьма продолжительной. Писателя ни на минуту не оставляла бодрость духа и четкость мышления. Скончался он в возрасте 102-х лет 17 февраля 1998 г.

¹Солонин Ю. Н. Эрнст Юнгер: Образ жизни и духа. СПб, 2000. С. 33.

²Пленков О. Ю. «Мифы нации против мифов демократии»: немецкая политическая традиция и нацизм.

СПб, 1997. С. 240.

³Солонин Ю. Н. Указ соч. С. 45.

⁴Там же. С. 46.

⁵Пленков О. Ю. Эрнст Юнгер и его вклад в современное консервативное мышление // URL: <http://mesogaia-sarmatia.narod.ru/unger.htm>.

⁶Цит. по: Пленков О. Ю. Указ. соч. С. 371.

⁷Юнгер Э. Годы оккупации (апрель 1945 - декабрь 1948). СПб, 2007. С. 31.

⁸Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945). СПб, 2002. С. 63.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ГЕОГРАФИЯ В ГЕРМАНИИ: Ф. НАУМАНН И К. ХАУСХОФЕР

Идея национального «естественного пространства» как одного из моделирующих архетипов европейского политического мышления возникла на рубеже эпох Средневековья и Нового времени, то есть в период распада *Rex Christiana* и становления национальных государств. Этот процесс ещё более усилился, когда начиная с 1870-х гг. в качестве основы научной методологии утвердился позитивизм. Последовавшее развитие антропологии привело к выстраиванию национальной самоидентификации, проходившей уже на квази-биологическом уровне. (Примером может служить появление многочисленных трудов физико- и культурно-антропологического характера, в той или иной мере выдержанных в расистских и социал-дарвинистских тонах). Наиболее типичным примером подобного синтеза науки и политики представляли собой два направления немецкой науки: этнология в лице диффузионистской школы и география в форме так называемой «геополитики». Наибольший интерес представляют работы двух немецких деятелей: Фридриха Науманна и Карла Хаусхофера.

Труд Ф. Науманна, лидера Национально-социального союза и основателя Немецкой демократической партии – «Срединная Европа», написанный им в годы Первой мировой войны, был посвящён вопросу перспектив союза Германии и Австро-Венгрии. Начав книгу со строк о долгожданном и наконец наступившем единстве германского народа и возвращении к временам Священной Римской Империи¹, автор детально рассматривает эту проблему с исторической, экономической и национальной точек зрения. Науманн проводит параллель между текущим разделением Германии и Австро-Венгрии и ещё недавним отсутствием единства между северными германскими государствами², уповая на появление в будущем нового мощного политического образования, в равной степени объ-

единённого наследием Фридриха Великого и Марии-Терезии, Штейна и Меттерниха, Вильгельма I и Франца-Иосифа I³. Принципиально новую историческую роль Науманн отводит Бисмарку, которого видит не только создателем второй Германской Империи, но и провозвестником грядущего союза, основы которого были заложены им после битвы при Кёнигсграце⁴; в нынешнее же время оживает дух самого Фридриха Барбароссы, чтобы вновь вступить в бой с врагами⁵. В качестве исторических предпосылок образования единого политического пространства в Центральной Европе Науманн выделяет события эпохи Нового времени, связанные с изменением как политической ситуации в этом регионе, так и положения германского народа: Наполеоновские войны, Австро-прусская и Франко-прусская войны. Свидетельством важности произошедших изменений Науманн считает тот факт, что если в 1813-1815 гг. Франция была побеждена лишь с помощью России, то в 1870-1871 гг. – уже без неё⁶. Сложившуюся затем на международной арене ситуацию Науманн описывает как фактическое оформление германо-австрийского блока, причём попытка союза одной из его сторон (или сразу обеих) с любой из других великих европейских держав привела бы к нарушению этого баланса⁷. Таким образом, термин «Срединная Европа» обретает значение уже в двух плоскостях, национальной, и политической. Таким образом, в сферу «Срединной Европы» попадают и те, кто не находится под влиянием других блоков – прежде всего, это народы Австро-Венгрии. Значительное место Науманн уделяет вопросам будущего формирования политической нации Центральной Европы: по его мнению, её основой всё же послужат немцы, и эта новая общность займёт промежуточное положение между уже сложившимися нациями – французами, итальянцами, турками, русскими, скандинавами и англичанами⁸. К этому должна привести победа в мировой войне, которая, как и предыдущие конфликты, радикально изменит бытие немцев⁹.

Новую веху внесли работы К. Хаусхофера, созданные под непосредственным впечатлением от поражения Германии в Первой мировой войне. (Следует заметить, что подобный же импульс также вызвал к жизни знаменитые труды О. Шпенглер, Ф. Мейнеке и А. Мёллера ван ден Брука). Произошедшее по итогам войны отторжение от Германии значительных территорий не могло не вызвать попытку научного (или кажущегося таковым) исследования этой проблемы. Вышедший в 1927 г. труд «Границы в их политическом и географическом значении» в большей своей части представляет типично немецкое умозрительное исследование о видах

и типах границ, об их влиянии на жизнь народов и государств, об их устойчивости и долговечности¹⁰. Позицию автора в целом можно свести к следующим утверждениям: 1) только та политическая граница подлинно крепка, когда она совпадает с каким-либо географическим рубежом (здесь Хаусхофер приводит пример Великобритании, США и Японии, ограниченных морем; России и Китая, ограниченных степями; Индии, ограниченной горами¹¹); 2) только та политическая граница подлинно крепка, когда её важность как бы «осознаётся» народом, населяющим соответствующую территорию¹². Интерес представляют заключительные главы исследования, в которых указанные теоретические положения применяются для анализа текущего политического положения германского народа. Самое главное, отмечает Хаусхофер, это то, что в силу ряда причин Германия теперь лишена преимуществ, которыми с географической точки зрения обладают другие государства: её границы на Западе и на Востоке не являются, по его мнению, ни прочными, ни справедливыми. Прочная граница на Западе была утрачена в ходе многовековых столкновений с Францией, на Востоке же вообще никогда не было прочной границы, а то что и существовало, было утрачено в результате поражения в Первой Мировой войне¹³. Так как традиционно считается, что среди главных признаков суверенитета является обладание военной мощью и возможность её применения, то Хаусхофер делает вывод о том, что фактически сегодня Германия, ограниченная в этих правах в приграничных зонах, потеряла в территориальном смысле ещё больше¹⁴. В качестве причин сложившейся ситуации Хаусхофер выделяет внутреннюю раздробленность самой Германии различными географическими рубежами (здесь можно было бы провести параллель с многовековым политическим разделением Германии, но Хаусхофер упускает это из виду) и наличием у немцев «склонности к шизофреническим катастрофам»¹⁵. Взгляд же на будущее Германии у Хаусхофера носит позитивный характер: он проводит параллель между немцами и рядом полу-колонизированных народов – в первую очередь, китайцами, которые уже пробудились и готовятся к новой схватке за свои свободы¹⁶.

Резюмируя, можно отметить, что и Науманн, и Хаусхофер представляли идеи, вполне типичные для своего времени. Подобного рода «геополитические» концепции появлялись и в Великобритании (Х. Макиндер), и в России (Н. Данилевский, А. Вандам), и в США (А. Мэхэн), и в Швеции (Р. Челлен). С историографической точки зрения их можно рассматривать как попытку «вывести на новый уровень», с соответствующим методо-

логическим основанием, логику «свой-чужой», характерную для традиционных сообществ. В то же время, весьма недолгое время отделяло эти концепции от утверждения Устава ООН, в котором будут фактически прописаны принципы всеобщего равенства людей, вне зависимости от какой-либо их принадлежности – половой, расовой и т.д. Последовавшее после Второй мировой войны создание большого числа наднациональных и надгосударственных структур с зачастую весьма большой степенью суверенитета подводит к мысли о выстраивании новых принципов коллективной идентичности, лишь в малой степени связанных с традиционными политическими и религиозными реалиями.

¹*Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1916. S. 3-4.

²*Ibid.* S. 33-34.

³*Ibid.* S. 35-36.

⁴*Ibid.* S. 36, 55.

⁵*Ibid.* S. 40.

⁶*Ibid.* S. 52.

⁷*Ibid.* S. 54-58.

⁸*Ibid.* S. 62-63.

⁹*Ibid.* S. 61.

¹⁰*Хаусхофер К.* Границы в их политическом и географическом значении. / *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 7-250.

¹¹Там же. С. 229-230.

¹²Там же. С. 236-237.

¹³Там же. С. 233-237.

¹⁴Там же. С. 227-228.

¹⁵Там же. С. 237.

¹⁶Там же. С. 10, 228, 244, 247-248.

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

В. Н. Барышников

СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О СКРЫТОМ ФИНСКО-ГЕРМАНСКОМ ВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В 1940 Г.

После окончания «зимней войны» в отношениях между Финляндией и СССР не проявлялось особого «доверия». Объективно, поражение в войне могло провоцировать в Финляндии настроения, побуждавшие к реваншистским действиям, к стремлению вернуть утраченную территорию, потерянную по условиям Московского мирного договора. При этом, очевидно, что руководство страны явно разделяла подобные чувства, рассматривая подписанный 12 марта 1940 г. договор не иначе как «соглашение о перемирии»¹. В результате в Финляндии откровенно начала складываться внешнеполитическая линия, при которой с одной стороны проявлялось стремление обезопасить себя от повторного нападения СССР, а с другой стороны — использовать возможное «благоприятное» развитие Второй мировой войны с целью возвращения утраченных территорий и даже, при определенных условиях, постараться отторгнуть часть советской территории². Иными словами, идея реванша за поражение в «зимней войне» явно начала прослеживаться в финской внешней политике 1940-1941 гг.

Развитию этой идеи во многом также способствовали уверенные победы Германии на фронтах Второй мировой войны. Об огромном воздействии событий, произошедших в Западной Европе, на финское руководство сообщал тогда из Хельсинки в Берлин немецкий посланник В. Блюхер³. В своих воспоминаниях он отмечал, что в это время «среди финских политиков обнаружилось много таких, которые довольно рано заметили, что усиление Германии может быть весьма выгодным для

Финляндии»⁴. В итоге уже к лету 1940 г. политика Финляндии стала приобретать ярко выраженную прогерманскую направленность.

Это было очевидным явлением. И, оправдывая данную позицию Финляндии, отдельные исследователи затем утверждали, что финский «союз с Германией являлся скорее вынужденным, подобно, заключенному для обеспечения будущего, браку по расчету», где позиция СССР заставила Хельсинки сделать свой окончательный выбор, оказавшись таким образом «беременной от изнасилования»⁵. Но отход от исторических оценок и использование «уголовно-семейных» формулировок не могли прикрыть главное. На самом деле, страх перед возможностью повторения нападения Советского Союза на Финляндию лишь становился хорошим прикрытием для руководства страны, которое явно готовило «войну-реванш». Рейх же сам, со своей стороны, активным образом использовал эту некую «советскую военную угрозу», которая «исходила» для Финляндии с востока для оказания соответствующего воздействия на финское руководство. В итоге нацистам легко удалось добиться от Хельсинки положительного отношения к немецкому предложению – открыть финские границы для германских войск⁶. Подразделения вермахта появились в Финляндии уже в сентябре 1940 г. Это, несомненно, делало возможным в будущем осуществлять ими совместно с финской армией боевые операции направленные непосредственно против Советского Союза. Как заметили финские дипломаты: «Жребий был брошен осенью 1940 г. После того, как немецкие войскам было дано разрешение пройти через Финляндию с юга на север, возврата больше не было. С этого момента Финляндия, если на востоке вспыхнет война, оказалась бы на стороне Германии»⁷.

Таким образом, период с момента окончания «зимней войны» по сентябрь 1940 г. стал весьма четким в определении Финляндией перспектив ее участия в предстоящей на стороне Германии войне против СССР. Естественно, в данном случае, важным становилось понять, когда подобную линию в финско-германском сотрудничестве заметили в Москве и как здесь реагировали на наметившиеся тенденции в развитии этого сотрудничества?

Очевидно, что на этот вопрос могут дать ответ сведения, находящиеся в определенных коллекциях документов, хранящихся в нашей стране. Наиболее ценными, как представляется, в данном случае являются документы, находящиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации, а также в Российском государственном военном архиве, Центральном

архиве Министерства Обороны Российской Федерации и Российском государственном архиве Военно-Морского Флота. Здесь сохранились конкретные донесения советских дипломатов и разведчиков, в которых явно зафиксированы происходившие в Финляндии процессы. Особенно интересными, несомненно, являются обобщающие информационные документы, которые направлялись советскому руководству наркомом НКВД Л. П. Берия. В них наиболее обстоятельно видно, чего могли больше всего бояться в Москве и какие возможные выводы из складывающейся обстановки должны были затем последовать.

В целом, из представленной подборки соответствующих документов ясно, что на начало лета 1940 г. в Москву уже четко сообщали, что финское руководство явно «ищет сближения с Германией» и при этом обращалось особое внимание на существующую в правительственных кругах Финляндии скрытую надежду «получить от Германии помощь против СССР». Такая информация поступала в Советский Союз неоднократно и передавалась из различных разведывательных структур (см. док.: 1, 4, 7, 8). Кроме того, в приводившемся анализе военно-политической обстановки, складывающейся в самой Финляндии, советские разведчики обращали особое внимание на сохраняющуюся после окончания «зимней войны» тенденцию к наращиванию военных приготовлений, направленных против СССР. В Москву сообщали совершенно верные сведения о том, что «в Финляндии продолжают действовать законы военного времени, армия не распущена» и «обстановка может быть охарактеризована, как военная» (см. док.: 2, 3, 5, 7).

Но особое место в потоке информации, поступающей в СССР, были, конечно, сведения, которые получала советская разведка о наблюдающихся тогда фактах финско-германского военного сближения. Причем советский посланник в Хельсинки И. С. Зотов уже в августе 1940 г. утверждал, что «мы не можем допускать, чтобы идея реванша, вынашиваемая правящей кликой [финским руководством – В. Б.] и работа по созданию связей с Германией увенчалась успехом и была бы закреплена» (док. 12). Причем, в Москву четко сообщали, что при условии втягивания Советского Союза во Вторую мировую войну, будущее «вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами - с целью реванша – Финляндию...» (см. док. 15).

В целом, процесс наметившегося финско-немецкого военного сотрудничества советскими разведывательными органами достаточно подробно фиксировался. Более того, из поступавших тогда донесений явно

просматривалась тенденция к усилению этого сотрудничества. Таким образом Москва получала необходимую информацию и получала ее весьма своевременно. Особенно поток сведений, поступающий в СССР о военных контактах между Германией и Финляндией, начал нарастать, когда с сентября 1940 г. на финскую территорию стали направляться немецкие войска (см. док.: 21-26, 31, 32-34). В данном случае советская разведка четко отмечала, что немецкая армия, не просто размещается на севере Финляндии, а сосредотачивается там исключительно с целью «подготовки плацдарма против СССР» (док. 24).

Поступающие советскому руководству донесения, однако, не позволяют утверждать, что в Москве уже обладали какими-то подробными сведениями о реальных планах своих потенциальных противников. Более того, в сентябре 1940 г. советское командование вынуждено было даже само признать, что «документальными данными о плане оперативного развертывания финской армии Генеральный штаб Красной Армии не располагает» (док. 17). Тем не менее, сам факт усиления военной напряженности на северо-западных границах СССР требовал от Москвы адекватной реакции. Поэтому, очевидно, что уже в середине сентября появилось записка высшего советского командования, адресованная И. В. Сталину и В. М. Молотову, где содержались «соображения» в отношении необходимости проведения соответствующих действий «на случай войны с Финляндией» (там же). Озабоченность складывающейся тогда ситуацией также выразилась и в организации с советской стороны переговоров в Берлине, которые прошли между В. М. Молотовым и А. Гитлером в ноябре 1940 г. На этих переговорах были затронуты конкретные вопросы, связанные с присутствием немецких войск на финской территории⁸.

Нарастающая военная активность Третьего рейха на северо-западных рубежах СССР в конечном итоге приводит к тому, что 25 ноября 1940 г. советское военное руководство уже отдает конкретные указания командованию Ленинградским военным округом «приступить к разработке плана оперативного развертывания войск» для организации боевых действий против Финляндии. Причем в директиве особо подчеркивалось, что «не исключена возможность усиления вооруженных сил Финляндии войсками ее возможных союзников (Швеция, Норвегия, Германия)»⁹. Таким образом, вооруженные силы Германии четко определялись в качестве войск потенциального противника СССР на границах с Финляндией, а упоминание оккупированной рейхом Норвегии, как еще одного «возможного» финского союзника, явно свидетельствовало, что в Москве

все больше начали опасаться перспективы масштабных боевых действий именно на Крайнем Севере, где уже происходила концентрация немецких войск.

В целом, к концу 1940 г. у советского военного руководства уже не оставалось никаких особых сомнений в отношении будущей позиции Финляндии в случае возникновения войны с Германией. Таким образом, можно говорить о том, что советские разведывательные донесения после окончания «зимней войны» вполне адекватно отражали процессы финского военного сближения с рейхом. Сами же военные планы Советского Союза, направленные против Финляндии, появились позже, нежели чем начали развиваться тенденции в финско-германском военном сотрудничестве. Они очевидно являлись лишь явной ответной реакцией руководства СССР на военное усиление Германии на советских границах в северном направлении.

ПОДБОРКА СОВЕТСКИХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ФИНСКО-ГЕРМАНСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ (МАЙ–ДЕКАБРЬ 1940 Г.)

1.

*Из сообщения Л. П. Берия И. В. Сталину, В. М. Молотову и
С. К. Тимошенко*

30 мая 1940 г.

По агентурным данным,.. Финляндия сейчас усиленно ищет сближения с Германией. Кивимяки (бывший премьер-министр Финляндии) специально назначен послом в Германию, как имеющий связь с генералитетом. Скоро выезжают в Германию торговые представители. После назначения Кивимяки министр иностранных дел Виттинг сказал румынскому послу в Финляндии, что они пытаются получить от Германии помощь против СССР.

(Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 172-173).

2.

*Из разведсводки Главного штаба ВМС [Советского
Союза]*

май 1940 г.

...До настоящего времени в Финляндии продолжают действовать законы военного времени, армия не распущена, обстановка может быть охарактеризована, как военная. В стране ощущается большой недостаток в продуктах питания, хлеб выдается по карточкам – 300 граммов в день на человека; также ощущается значительный недостаток в других продуктах, всевозможных материалах и машинах...

Интенсивная деятельность финской авиации свидетельствует о том, что она используется для систематической разведки обстановки на Финском заливе...

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 766. Л. 54-55).

3.

Из сообщения Л. П. Берия И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, С. К. Тимошенко

1 июня 1940 г.

По агентурным данным... в Финляндии подготовка к войне с СССР усиливается с каждым днем.

(Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 174).

4.

Из краткого политического обзора по Финляндии

17 июня 1940 г.

...Необходимо указать на некоторую переориентировку во внешней политике Финляндии. К Англии, в связи с произошедшими и происходящими событиями, чувствуется проявление прохладного и более трезвого взгляда, зато симпатии и интерес стали больше проявляться к Германии, особенно в последнее время в силу ряда побед германской армии с союзниками. Финские правящие круги питают скрытую надежду получить от Германии помощь...

Полпред в Финляндии И. Зотов

(Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 23. П. 147. Д. 1. Л. 2).

5.

Из сообщения Л. П. Берия И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, С. К. Тимошенко

21 июня 1940 г.

По данным резидента НКВД СССР,.. в связи с событиями в Прибалтике по всей Финляндии нервозное состояние. Распространяются слухи, что на днях такое же требование будет предъявлено и Финляндии... К Ханко стянуты большие силы. Отпуска в армии прекращены, призваны в армию не имеющие подданства. Сегодня специальным законом объявлены запретные зоны Ханко, Аланды, Петсамо и восточные районы. Финляндия опять превратилась в военный лагерь.

(Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 184).

6.

Из сообщения Л. П. Берия И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, С. К. Тимошенко

21 июня 1940 г.

Резидент НКВД в Стокгольме сообщил, что в беседе с одним из близких друзей министра внутренних дел Швеции Мюллер сообщил, что в разговоре с одним видным немцем, находящимся в Швеции, узнал, что “продвижение немцев на север Норвегии имело главную цель – блокировать Мурманск”.

(Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1306. Л. 221).

7.

Из сообщения Л. П. Берия И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, С. К. Тимошенко

29 июня 1940 г.

...Последнее время, в связи с поражением Франции, все надежды правительства возлагаются на Германию. Премьер Рюти – старый англофил – и тот сейчас переориентируется на Германию. Посланному в Германию в качестве посланника бывшему премьеру Кивимяки (старый германофил) намечен в качестве помощника бывший чиновник МИД’а Рантакари – старый германский агент, авантюрист, закулисный деятель при всех правительствах, особенно при Свинхувуде, Кивимяки и Хакцеле.

Миндел Виттинг – германofil, всячески содействует расширению экономических позиций Германии в Финляндии, рассчитывая на столкновение советско-германских интересов в Финляндии и на помощь Германии в предстоящей войне Финляндии против СССР. Финны намерены передать немцам английскую никелевую концессию в Петсамо...

Финляндский посланник в Москве Паасикиви все время рекомендует финляндскому правительству пойти по линии действительного улучшения отношений с СССР, но к его голосу никто из правительства не прислушивается...

Настроение офицеров и унтер-офицеров армии, а также офицеров и рядовых шюцкора сейчас более антисоветское чем когда-либо...

Военные заводы работают днем и ночью. Даже фабрики, изготовляющие железные кровати, занимаются сейчас производством оружия и снаряжения.

(Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 185-190).

8.

Из разведсводки Главного штаба ВМФ [Советского Союза]

июнь 1940 г.

По сведениям, исходящим из дипломатических кругов в Хельсинки, руководители высшего командования финской армии ждут решительной победы Германии на западном фронте, после которой Германия, по их мнению, немедленно выступит против Советского Союза, причем в этом случае Финляндия не останется безучастной.

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 764. Л. 428).

9.

*Из письма полпреда СССР в Финляндии И. С. Зотова
В. М. Молотову*

1 июля 1940 г.

Постановлением министерства внутренних дел Финляндии от 14 июня 1940 г. в разных пограничных районах страны введены запретные зоны, въезд в которые без разрешения соответствующих полицейских властей запрещен...

Запретные зоны на востоке и юго-востоке идут вдоль всей нашей границы на расстоянии от 45-60 км, т.е. на расстоянии недосыгаемости современного дальнобойного орудия.

После событий в Прибалтике финны предприняли ряд срочных военных мероприятий. В городе спешно осуществляется строительство газоубежищ, а аэродром был приведен в мобилизационную готовность.

...Из всего вышеизложенного вытекает, что финны усиленно проводят подготовительные военные мероприятия своим острием направленные против Советского Союза...

(Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 204-207).

10.

Из сообщения Л. П. Берия И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, С. К. Тимошенко

5 июля 1940 г.

Ориентация финских правящих кругов на Германию усиливается и германская пропаганда в Финляндии с каждым днем активизируется.

Недавно фингенштаб разослал высшим офицерам и чиновникам секретный циркуляр, в котором говорится, что ликвидация французского сопротивления в такой короткий срок является обстоятельством весьма благоприятным для положения Финляндии. Германия будет иметь свободные руки на Востоке быстрее, чем можно было предполагать. Автором этого циркуляра является полковник Ханула.

В связи с приглашением в Германию раненых финских офицеров и солдат, газета "Хельсингин саномат" 23 июня писала: "...Восстанавливаются старые традиции братьев по оружию". "Перекидывается мост между прошлым и настоящим".

Недавно германский посланник в Гельсингфорсе фон Блюхер дал завтрак полпреду СССР тов. Зотову и румынскому посланнику Лекка. После ухода тов. Зотова, Блюхер сказал Лекка, что в Германии растут

симпатии к финнам и что скоро Финляндии не нужно будет бояться СССР, так как она будет под защитой Германии.

В июне месяце с.г. в Финляндии начала выходить нацистская газета “Вапаа Суоми” (“Свободная Финляндия”), восхваляющая Гитлера и Муссолини и их режим.

(Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 194-195).

11.

*Из информационного письма полпреда СССР в Финляндии
Зотова В. М. Молотову*

12 июля 1940 г.

В стране недостаток продуктов питания (хлеба, сахара, кофе, табака, текстиля, одежды, трикотажа и др.). Введена карточная система на основные продукты питания и ограничен отпуск товаров широкого потребления. Многие товары исчезли с рынка совершенно. Цены возросли по сравнению с прошлым годом в среднем на 35-45 %. Сильно выросла безработица...

Финляндия идет сейчас курсом на Германию... Примыкая к Германии и по существу привязываясь к ней, финляндские круги надеются на обострение отношений Германии и СССР с тем, чтобы опять таки с помощью Германии дать реванш Советскому Союзу.

Следовательно изменение внешней политики Финляндии, восстановление старой дружбы с Германией совершается вместе с идеей реванша.

(Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 32. П. 147. Д. 1. Л. 12-18).

12.

Из доклада посланника СССР в Финляндии И. С. Зотова В. М. Молотову

1 августа 1940 г.

Можем ли мы уступать немцам Финляндию?

Нет, не можем. Нам не безразлично кто и как будет помогать Финляндии. Наконец мы не можем допускать, чтобы идея реванша, вынашиваемая правящей кликой и работа по созданию связей с Германией увенчалась успехом и была бы закреплена.

Необходимо отрезать все пути новой ориентации Финляндии (выделено в тексте – В. Б.).

Наши предложения:

1) Потребовать отвода войск и прекращения строительства укреплений в районе Таммисаари и на прилегающих к Ханко островах, как действие, противоречащее основам Мирного Договора.

2) Исходя из статьи 4-ой Мирного Договора расширить возможности обороны входа в Финский залив предоставлением Советскому Союзу аэродромов на материке и островах, прилегающих к Ханко.

3) Для разработки мер обеспечения взаимной безопасности и в целях, изложенных в ст. 4-ой Мирного Договора, приступить к взаимной консультации между штабами Советской и Финляндской армий...

Необходимо сделать еще один активный шаг в нашей внешней политике по отношению к Финляндии.

(Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 23. П. 147. Д. 1. Л. 26. Документ озаглавлен: "О мерах укрепления обороны входа в Финский залив, опасностях для базы Ханко и недопущения влияния Германии на Финляндию").

13.

Из донесения Наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова В. М. Молотову

7 августа 1940 г.

По содержанию письма полпреда СССР в Финляндии тов. Зотова докладываю:

...Несомненным является то обстоятельство, что проводимые Финляндией мероприятия по укреплению границ с арендованной нами территорией п/о Ханко, а также всего побережья Финского залива от нашей границы до Аландского архипелага, сосредоточение войск на таммисаарском направлении, ни в коей мере не отвечает смыслу Мирного договора

между СССР и Финляндией и главным образом того пункта, которым аренда п/о Ханко обуславливается обоюдным мирным желанием обеспечить безопасность вод Финского залива...

В прямой зависимости от этого положения находится вопрос финской ориентации на Германию. Если финские укрепления побережья всего залива вообще и территории примыкающей к п/о Ханко, в частности, как таковые, серьезного опасения вызывать не могут, то наоборот при использовании их вооруженными силами мощной в военном отношении страны, они должны рассматриваться как реальная и притом опасная угроза передовой системе обороны.

Докладывая изложенное, считаю совершенно необходимым:

1. Поставить вопрос о точном учете и реальном ограничении финских вооруженных сил.

2. Потребовать от Финляндии немедленного и фактического прекращения, направленного против нас строительства укреплений на морской границе...

3. Потребовать прекращения и впредь не допускать каких-либо консультаций военного характера с третьими державами.

Одновременно считаю возможным предложить финскому правительству приступить к совместному между штабами СССР и Финляндии обсуждению вопроса на предмет заключения соглашения по системе обороны, возводимой обеими странами.

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-1877. Оп. 1. Д. 97. Л. 168-169).

14.

Из информационного письма полпреда СССР в Финляндии

И. С. Зотова В. М. Молотову

12 августа 1940 г.

Всекие препятствия к более тесным взаимоотношениям Финляндии к СССР нужно всеми способами разрушать, а наша поддержка [финско-советского – В. Б.] Общества мира и дружбы по существу будет способствовать расширению его деятельности.

Гонения и репрессии на членов Общества мира и дружбы в особенности после доклада тов. Молотова [речь идет о выступлении В. М. Моло-

това на заседании VII сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. (см.: 1941 год. Кн. 1. М., 1998. С. 150-151) – В. Б.] надо рассматривать как нежелание финляндского правительства поддерживать мир и дружбу между сторонами и отсутствие стремления создать прочные взаимные мирные отношения.

(Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 23. П. 147. Д. 1. Л. 37).

15.

Из записки Наркома Оборона СССР и Начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и В. М. Молотову об основах стратегического развертывания вооруженных сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы

[не позже 19 августа 1940 г.]

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения об основах стратегического развертывании Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы.

I. Наиболее вероятные противники

Сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах.

Это вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ.

На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу.

Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами - с целью реванша - Финляндию и Румынию, а возможно, и Венгрию.

При вероятном вооруженном нейтралитете со стороны Ирана и Афганистана возможно открытое выступление против СССР Турции, инспирированное немцами.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта на Западе против Германии, поддержанной Италией, Финляндией и Румынией, а возможно и Турцией, и на Востоке - про-

тив Японии как открытого противника, или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение.

[...]

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Начальник Генерального штаба К[расной] А[рмии]

Маршал Советского Союза Б. Шапошников

(Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации (далее: ЦА МО РФ). Ф. 16. Оп.2951. Д.239. Л. 1-37. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Имеется помета: «Написано в одном экземпляре. Исполнитель зам. нач. Опер. упр. генерал-майор Василевский». Подлинник, автограф Б. М. Шапошникова; 1941 год. Кн. 1. М., 1998. С. 181-193).

16.

Из информационного письма полпреда СССР в Финляндии

И. Зотова В.М. Молотову

26 августа 1940 г.

Учитывая большие трудности, вставшие перед Обществом после ареста его руководителей, полпредство не могло не откликнуться на них и, несмотря на усиление репрессий и преследований на членов Общества, продолжает сохранять существующую связь в рамках, которые не давали бы основания финпра обвинить полпредство во вмешательстве во внутренние дела страны.

(Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 23. П. 147. Д. 1. Л. 44).

17.

*Из записки Наркома Обороны СССР и Начальника Генштаба
Красной Армии в ЦК ВКП(б)*

*И. В. Сталину и В. М. Молотову о соображениях по развертыванию
вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией*

18 сентября 1940 г.

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения по развертыванию вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией.

1. Вооруженные силы Финляндии и их вероятное развертывание

Во второй половине июня 40 г. Финляндия прекратила начавшуюся после войны с СССР демобилизацию армии и вновь призвала под видом общих учебных сборов резервистов 1900 - 1910 г.г. рождения.

В настоящее время в составе финской армии установлены:

6 корпусных управлений;

14 пехотных дивизий;

1 кавалерийская бригада;

10 отд. пехотных батальонов;

2 авиационных полка.

Указанные силы финской армии дислоцированы:

1. на направлении Петсамо - до 4 пех. батальонов;

2. на направлении Рованиеми - до 2 пех. дивизий;

3. на направлении Кааяани - до 1 пехот. дивизии;

4. на направлении Куопио - до 4 пехот. дивизий;

5. на направлении Коуволла, Гельсингфорс - до 4 пехот. дивизий;

6. в районе Гельсингфорс-Або - до 2 пехотных дивизий.

По окончании войны с Советским Союзом финны немедленно приступили к строительству укреплений вдоль вновь установленных границ.

Создаваемая в настоящее время основная линия укреплений финнов начинается у Финского залива в районе Виролати и проходит через Лапперанта, Пункахарью, Иломанси и продолжается на Пислисярви, Улеаборг, заканчиваясь у Ботнического залива севернее Улеаборга, опоясывая центральную часть Финляндии.

На севере Финляндии ведутся работы по развитию укреплений, созданных во время войны, а именно:

- в районе Наутси;

- на участке хр. Сорвортантунтури, хр. Ниватунтури, хр. Пюкятунтур;

- на дороге Кемиярви, Мяттяярви;

- в районе Суомуссями.

В южной части Финляндии, кроме основной линии укреплений и укреплений, идущих непосредственно вдоль границы, создаются еще

два укрепленных рубежа, по линиям - Кайпиайнен, Камина и Коуволла, Котка.

Отмечаются большие работы в районе полуострова Ханко.

В случае войны в ближайшие годы Финляндия сможет увеличить свою армию и довести ее до 16 - 18 пех. дивизий.

Документальными данными о плане оперативного развертывания финской армии Генеральный штаб Красной Армии не располагает.

Учитывая дислокацию финской армии в настоящее время и подготовку театра к войне, наиболее вероятным предположением развертывания финских войск может быть:

1. на направлении Гельсингфорс, Лахти, Сан-Михель до 6 пех. дивизий;
2. на направлениях Савонлинна, Куопио и Нурмес до 5 пех. дивизий;
3. на Улеаборгском направлении до 2 пехот. дивизий;
4. на направлении Кемиярви, Рованиеми, Кеми до 2 пех. дивизий;
5. в районе Петсамо до одной пех. дивизии;
6. в районе полуострова Ханко одна - две пех. дивизии.

Окончательного развертывания указанных сил можно ожидать на 15-20 сутки от начала мобилизации.

Наличие уже в мирное время на участке - побережье Финского залива, Иломанси до 10 пех. дивизий против наших 6 стр. дивизий не исключает здесь со стороны финнов в первые дни войны активных действий с целью - захватом Выборга, а также выходом к Ладожскому озеру у Кексгольма и Сортаваллы:

1. разобщить силы Красной Армии на два изолированных между собой фронта;

2. сократить фронт обороны и тем самым надежнее прикрыть Гельсингфорское направление;

попытаться создать угрозу Ленинграду;

лишив КБФ Выборгского залива, затруднить его боевые действия в Финском заливе.

[...]

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза

С. Тимошенко

Начальник Генерального штаба Красной Армии

генерал армии

К. Мерецков

(ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 138-156. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Исполнитель: зам[еститель] нач[альника] Опер[ативного] упр[авления] генерал-майор Василевский. Подлинник. Автограф; 1941 год. Кн. 1. С. 253-260).

18.

Из разведсводки Главного штаба ВМФ

18-25 сентября 1940 г.

Правительственные финляндские круги и военщина ориентируются на Германию. Резко улучшилось отношение к немцам... В Хельсинки циркулируют слухи о существовании военного блока Германии с Швецией и Финляндией против СССР.

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 764. Л. 131).

19.

*Из справки представленной А. Я. Вышинскому
о прогерманской ориентации Финляндии*

30 сентября 1940 г.

...Политика финляндского правительства по отношению к Германии выглядит крайне заискивающей и лакейской.

Зав. отделом прибалтийских стран НКВД

Маевский

(Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 23. П. 149. Д. 1. Л. 23).

20.

Из разведсводки Генерального штаба Красной Армии

сентябрь 1940 г.

...Послевоенная демобилизация финской армии, проведенная в период май-июнь 1940 г., во второй половине июня прекращена и 8 августа по приказу генштаба армия была приведена в боевую готовность...

Аэродромная сеть юго-западной части страны рассчитана на сосредоточение всех имеющихся в Финляндии авиаполков в районе восточнее Гельсингфорса для действий против СССР...

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 765. Л. 67-69).

21.

Из сообщения Л. П. Берия И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, С. К. Тимошенко

1 октября 1940 г.

В Вааса уже неделю стоят пять немецких больших пароходов. Разгружают боеприпасы, малые и большие бомбы, легковые и грузовые транспортные автомашины и бензин.

В школах города размещено примерно 500 немецких солдат с черными и желтыми петлицами.

(Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 219).

22.

Из разведсводки Главного штаба ВМФ

25 сентября-2 октября 1940 г.

Переброска германских войск в Норвегию. Суда следуют морем до финского порта Вааза, затем по железной дороге до Оулу и далее по шоссейным дорогам на север Норвегии.

В сутки перебрасывается один эшелон войск. 23.09.40 в порту Вааза высадилось 1500 германских солдат и некоторое количество в Оулу и Пори.

Часть германских войск оседает в Финляндии с целью подготовки театра военных действий и подготовки финской армии.

В Хельсинки продолжает поступать военное снаряжение [из Германии] (зенитные орудия и танки). Часть из поступающих грузов упакована в ящики с наклейками «лимоны» и «апельсины».

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 764. Л. 268-269).

23.

Из сообщения Л. П. Берия И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, С. К. Тимошенко

5 октября 1940 г.

По агентурным данным... на 3 октября с.г. в порту г. Вааса под разгрузкой находится 4 немецких парохода с боеприпасами, грузовыми автомобилями и войсками... По сведениям местных жителей немцы ежедневно, начиная с 22 сентября отправляют на север по три состава, имеющих 30-35 вагонов каждый. В самом городе находится большое количество войск с желтыми и черными петлицами.

(Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 220).

24.

Из разведсводки Главного штаба ВМФ

2 октября – 9 октября 1940 г.

По сведениям, исходящим от иностранных военных атташе в Германии, договор о переброске немцев через Финляндию на север Норвегии, имеет целью посылку германских войск в северную Финляндию для подготовки плацдарма против СССР.

Финский атташе подтвердил, что немцы уже забросили в Финляндию три дивизии, направляющиеся в северную Норвегию, но некоторые застряли в Финляндии в силу того, что финны, якобы, сейчас не в состоянии перевезти их на север.

На основании заключенного соглашения между Германией и Финляндией, опубликованного в Хельсинки 24.09.40 г., Германия получила право на перевозку войск в северную Норвегию через Финляндию.

В соответствии с этим, в финских портах Вааза и Оулу 23.09.40 г. еще до опубликования соглашения, выгрузились до 3.500 человек немецких войск с артиллерией, автотранспортом и боеприпасами.

В период с 24.09.40 по 1.10.40 г. отмечено продвижение немецких войск по железной дороге до ст. Рованиеми и в дальнейшем на машинах по шоссе на Петсамо.

Наблюдением установлено:

27.09 на ст. Рованиеми и в городе – до 120 солдат, 6 офицеров, в том числе 2 полковника и 2 майора; - на ст. Кеми – пять немецких солдат, сопровождавших военные грузы в направлении ст. Рованиеми; - в Вааза размещено в школе 300 солдат, в городе наблюдались группы немецких солдат по 5-6 человек....

[Далее следуют такие же подробности в отношении Оулу (29.09), Рованиеми (30.09) и Петсамо (30.9) – *В. Б.*].

Со стороны финской военщины наблюдается предупредительное отношение к немецким войскам. Имеются случаи совместных поездок германских офицеров в сопровождении финских.

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 764. Л. 312-314).

25.

Из сообщения Л. П. Берия И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, С. К. Тимошенко

10 октября 1940 г.

До 7 октября через Вааса прошло 1700 немцев и через Оулу – 5000. Немецкие войска в настоящее время находятся в следующих пунктах Финляндии: Кеми, Коккела, Кемиярви, Рованиеми, Киммики, Пудасярви и Куусамо. В Кемиярви для немецких войск спешно строятся бараки.

(Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 225).

26.

Из разведсводки штаба Ленинградского военного округа

10 октября 1940 г.

- Данными нашего источника подтверждается сосредоточение немецких войск на норвежско-финской границе.

- По данным НКВД Мурманской области в Рованиemi сосредоточено до 40 000 немецких войск. В Салми-ярви значительное количество немецких войск

- Подтверждаются данные о большом движении транспортных судов с военными грузами в порт Лиинахамари (Петсамо) и о перевозке грузов по шоссе в направлении Рованиemi.

- Станция Рованиemi забита эшелонами. На западной окраине города построен склад из больших палаток. В движении для разгрузки до 100 автомашин.

- В Ивало в гостинице находились немецкие и финские офицеры. По данным другого источника в Ивало до 1000 чел. немецких солдат.

- Численность немецких войск в Вааза – около 1500 чел. В порту Вааза происходит разгрузка военных грузов, которые по железной дороге перевозятся в Рованиemi.

- В портах Кеми, Оулу, Пиетарсаари небольшие группы немецких войск.

Вывод: немецкие войска в Финляндии продолжают оставаться. Данные о строительстве барачков в районе Вааза и создании баз в районе Рованиemi позволяют полагать, что немцы в Финляндии оседают и будут оседать.

Комбриг Евстегнеев

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 765. Л. 9-10).

27.

Из донесения полпреда И. С. Зотова А. Я. Вышинскому

18 октября 1940 г.

...За период после окончания советско-финляндской войны в Финляндии было выпущено свыше 80-ти книг, посвященных этой войне...

(Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 23. П. 149. Д. 23. Л. 17).

28.

*Из примечания разведотдела штаба Краснознаменного
Балтийского флота*

18 октября 1940 г.

За последнее время между Финляндией и Германией, наряду с очевидным военным сотрудничеством, отмечается оживление деятельности различных прогерманских общественных организаций... [Уже имелись сообщения – В. Б.] о германо-финских спортивных состязаниях, о посылке финской делегации врачей в Германию, об организации германской промышленной выставки в Хельсинки и пр... Все указанное лишней раз свидетельствует о наличии германо-финского сотрудничества во всех областях общественной жизни Финляндии.

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 796. Л. 245-246).

29.

Из разведсводки штаба Ленинградского военного округа

6 ноября 1940 г.

...Один из офицеров финской погранохраны заявил, что с 10.10.40 все население из пунктов, прилегающих к границе восточнее Кухмониemi будет выселено внутрь страны...

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 765. Л. 29).

30.

Из разведсводки 2-го отделения штаба ВМС (Ханко)

15 ноября 1940 г.

...Снабжение населения [Финляндии] предметами первой необходимости все более ухудшается. Если до сих пор продукты питания отпускались по карточкам, то сейчас дополнительно в стране введена карточная система на промтовары. На год выдвигается по 150 талонов на взрослого человека.

Хуже всего обстоит дело с хлебом. Если бы не импорт хлеба из Америки и СССР, то в стране свирепствовал бы голод. По имеющимся данным потребности хлебопродуктов в Финляндии до августа 1941 г. учитывая все население и армию, будет составлять 558 млн. кг. Урожай с.г. дает 367 млн. кг., остаток урожая прошлого года и от импорта составляют 57 млн. кг. Таким образом имеется 424 млн. кг. И дефицит равняется 134 млн. кг. ...

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 765. Л. 178-179).

31.

Из разведсводки штаба Ленинградского военного округа

25 ноября 1940 г.

...В г. Пори около двух батальонов немецких войск. Офицеры и солдаты одеты в финскую форму. Наличие немецких войск в Пори подтверждается данными разведки.

Установлено наличие немецких войск в Кеми, Коккала, Пиетарсаари, Оулу, Уусикалебю, Раахе и ряде других городов и пунктов. Данные подтверждаются радиоразведкой.

Численность немецких войск в Рованиеми составляет около 5 000 человек, что подтверждается данными других источников.

Установлено наличие немецких самолетов на следующих аэродромах: Пори, Каухава, Сантахамина. ...

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 765. Л. 149-150).

32.

Из разведсводки Генерального штаба Красной Армии

ноябрь 1940 г.

Ежедневно из порта Вааза отправляются по 3 немецких состава с оружием, боеприпасами и горючим. В числе боеприпасов отмечены авиабомбы весом в 500 кг... По данным, заслуживающим доверия, установленное количество оставшихся в Финляндии германских войск на 1 ноября 1940 г. достигало 6 000 человек...

В составе прибывших на территорию Финляндии германских частей отмечаются, главным образом, авиационные (летные и аэродромные), зенитные и саперные части...

Достоверно установлено, что германское и финское командование скрывают наличие германских войск на территории Финляндии. Так, размещенные в Пори германские солдаты переодеты в финскую форму; отмеченные в Коккала 18 германских офицеров, прибывших в конце сентября 1940 г., также были переодеты в финскую форму... Очень любезные встречи офицеров [финских и немецких], взаимно приветствующих друг друга по-фашистски.

... Усиливается антисоветская кампания. В текущем году в Финляндии издано 40 книг (около 600 000 экземпляров) о советско-финляндской войне.

Практикуются воздушные тревоги без предварительного оповещения об этом населения. В городах при объявлении тревоги наблюдается паника...

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 765. Л. 228-239).

33.

Из записки полпреда СССР в Германии Деканозова Наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову с препровождением анонимного письма о военных приготовлениях Германии

7 декабря 1940 г.

При этом направляю анонимное письмо на немецком языке, полученное мною по почте 5.XII.40 г., и перевод с него, сделанный нами.

[...]

Многоуважаемый г-н Полпред!

Гитлер намеревается будущей весной напасть на СССР. Многочисленными мощными окружениями Красная Армия должна быть уничтожена.

[...]

3. Тайное соглашение с Финляндией. Финляндия наступает на СССР с севера. В Финляндии уже находятся небольшие отряды немецких войск.

4. Право на транспорт немецких войск через Швецию вынуждено у последней силой и предусматривает быстрейшую переброску войск в Финляндию в момент наступления.

(Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.06. Оп.3 (доп). П.36. Д.467. Л. 1-4. Машинопись, заверенная копия. Имеется помета В. Молотова: «Тов. Сталину - для сведения. 24 декабря 1940 г.»; 1941 год. Кн. 1. С. 440-441).

34.

Из разведсводки Главного штаба ВМФ

декабрь 1940 г.

19-23.12.40 в залив Петсамо вошло шесть торговых судов... Торговые суда обеспечивают снабжение Финляндии различными материалами и вооружением, не могущими быть доставленным через балтийские пор-

ты, и, предположительно, занимаются перевозкой никелевой руды для Германии из Петсамо в северные порты Норвегии.

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 765. Л. 402).

Подборка документов подготовлена В. Н. Барышниковым

¹См.: Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 109, B 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 28.02.1940; Salaiset keskustelut. Eduskunnan suljettujen istuntojen pöytäkirjat 1939-1944. Lahti, 1967. S. 33; *Ylikangas H.* Tulkintani Talvisodasta. Juva, 2001. S. 228; *Metzger H.* Poliittiset aseveljet. Hels., 1986. S. 22.

²UM. 12 L. Sähkö Suomen ulkomaan edustajastoille 11.11.1941: Ankara, Berlin, Berne, Bucarest, Budapest, Madrid, Vichy, Rome, Stockholm, Washington, Tokio. 12 L. Sähkö Suomen ulkomaan edustajastoille 11.11.1941: Ankara, Berlin, Berne, Bucarest, Budapest, Madrid, Vichy, Rome, Stockholm, Washington, Tokio.

³*Krosby H. P.* Nikkelidiplomatiaa Petsamossa 1940-1941. Hels., 1966. S.37.

⁴*Blücher W.* Suomen kohtalonaikojia. Muistelmia vuosilta 1935-44. Porvoo-Hels., 1951. S. 200.

⁵См.: Historiallinen Aikakauskirja. 1987. № 3. S. 228.

⁶См.: Sotasyylisyysoikeudenkäynnin asiakirjoja. Os. 1. Hels., 1945. S. 19-21.

⁷*Brotherus H.* Kuusesta katajaan. Päiväkirjavälähdyksiä 1941-46. Porvoo-Hes.,-Juva, 1978. S. 9.

⁸Документы внешней политики 1940 - 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. вторая (часть 1). С. 36-47, 63-71; Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 69—78, 80—88; 1941 год. Кн. 1. М., 1998. С. 375-383.

⁹ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп.2951. Д.237. Л. 118-130. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Подписи отсутствуют, документ заверен начальником Оперативного управления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенантом Ватуным. Цит. по: 1941 год. Кн. 1. С. 418-423.

V. РЕЦЕНЗИИ

С. Н. Искюль

Рецензия на книгу: Damamme Jean-Claude. Les Aigles en hiver. Russie 1812. Paris: Plon, 2009. – 818 p.

Давно уже во Франции не выходили книги столь объемные, насыщенные разнообразнейшим материалом, почерпнутым из документов архивных публикаций, многочисленных мемуарных свидетельств современников, различных по своему положению и взглядам, а также из многих историко-литературных исследований, посвященных событиям 1812 г. в России, как книга Жана-Клода Даммама «Орлы зимой. Россия 1812 г.». Последнее время так называемый «русский поход» Великой Армии получал во французской историографии скорее лишь «оценочное» освещение в общих трудах французских историков, нежели раскрывался при подробном рассмотрении в частных исследованиях.

Ж.-К. Дамамм далеко не впервые выступает на историческом поприще. Его перу принадлежат такие книги, как «Солдаты Великой Армии» (Les soldats de Grande Armée. Paris: Edition Perrin, 1998), через десять лет потребовавшей второго издания. Перед этим он написал книгу о сражении, завершившем историю Первой Империи во Франции (La Bataille de Waterloo. Paris: Edition Perrin, 1999), а перед книгой о войне в России историк выпустил биографию одного из лучших маршалов Наполеона, того из немногих, кто говорил императору «ты» – «Ланн, маршал Империи» (Lannes, maréchal de l'Empire. Paris: Edition de Payot, 1987), также потребовавшую второе издание (2001). Вероятно, последняя книга историка также будет издана вторично.

Старейшее и почтенное издательство, опубликовавшее книгу историка, продолжает развивать традицию, заложенную в прошлом веке изданием исторических трудов, раскрывающих историю Первой Империи во Франции и Европе.

Историк обращает внимание на причины, породившие решающее столкновение двух держав, и видит их в отказе от противоборства с

Англией одного из союзников в то время, как для Франции сокрушение ее давнего континентального врага было, воистину, важнейшей целью всех ее усилий в Европе. Дамам прав, когда указывает, что сама продолжительность участия России в блокаде Англии не могла сказаться на ее экономической ситуации, и здесь необходимо искать другие причины отказа Александра I от своих союзных обязательств. Действительно, участие в Континентальной блокаде лишь усугубило последствия слишком активной внешней политики России во второй половине XVIII – начала XIX в. и прочих непроизводительных расходов, ложившихся тяжким бременем на российские финансы, а сама блокада оказывала скорее даже положительное влияние на хозяйственное положение России. Здесь следует, вероятно, искать иные причины возникшего противостояния, а затем и противоборства двух держав; эти причины вполне могут лежать, в частности, в плоскости личных отношений. Тем более, что катастрофическое поражение при Аустерлицем едва ли было забыто императором России.

Многие страницы книги посвящены «погоне за русским миражом», т.е. начальному периоду войны, когда французская армия стремилась не допустить соединения двух русских армий и разбить их поодиночке, а русская армия отступала от западных границ России, так и не начав наступательную войну против французов, что планировалось и ожидалось вплоть до последних дней перед открытием военных действий. Дамам описывает французскую армию так сказать изнутри, ее каждодневную жизнь с ее маршами, форсированием водных преград, «сшибками» с внезапно оказавшимися перед нею войсками противника и биваками под открытым небом. Книга по характеру напоминает своего рода хронику событий войны, и при этом автор старается не отступать от хронологии основных событий и движений войск Великой Армии на центральном (московском) и северном направлениях. Естественно, что он уделяет внимание большинству крупных сражений, включая и Бородинское, а также тому, что происходило в Москве до и после вступления туда французов. Лучшие страницы книги, на наш взгляд, посвящены отступлению французской армии, когда лишения и тяготы обнаруживали подлинный героизм, отчаянные усилия преодолеть лежавшие перед ними пространства придавали им силы к противостоянию в столкновениях с противником от Москвы до берегов Березины. Это касается всех без исключения сражений, выдержанных французской армией, когда последняя заставляла русских генералов отступать или перегруппировывать силы. Это каса-

ется и маршала М. Нея, который почти в безвыходном положении своего корпуса заявил в ответ на предложение М. А. Милорадовича о сдаче: «Маршалы Франции не сдаются!» (разумеется, историк описывает и памятный переход Нея через Днепр близ деревни Сырокоренья и его действия на левом берегу Днепра прежде, чем его встретили французские отряды, посланные по приказанию Наполеона).

В том, что касается оценок действий сторон и достигнутых результатов, взгляд Дамамма и в целом, и частных деталях вполне традиционен для французского историка, что подчеркивается избранной им описательной манерой повествования и обильным цитированием источников.

К основному содержанию книги историка приложены биографические данные целого ряда центральных фигур повествования и отдельные уточнения, касающиеся русской географии и прочих реалий, которыми автор не хотел перегружать и без того сложную канву событий. В приложении читатель найдет также текст знаменитого 29-го бюллетеня Великой армии и расписание французской армии на начало мая 1812 г.

К сожалению, Ж.-К. Дамам использовал в своей книге только те книги русских историков и мемуаристов, которые в свое время увидели свет по-французски, и тогда же или впоследствии были переведены на русский язык. Им использована двухтомная книга Дмитрия Петровича Бутурлина (1790-1849) «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году», которая была опубликована еще в 1824 г. в Париже и в Петербурге по-французски, а затем была опубликована в переводе на русский язык. Книгу Бутурлина, посвященную императору Александру I, после 1917 г. всегда причисляли к дворянской историографии, а отдельные критические авторские замечания по адресу главнокомандующего русской армии в 1812 г. и вовсе не давали возможности оценить ее по достоинству. Французские же историки, в том числе и в полемике друг с другом (!), всегда ссылались на книгу Бутурлина как на пример взвешенного, объективного взгляда, не говоря уже о том, что материалы о численном составе русской армии они нередко заимствовали.

Сюда же следует отнести и неоднократно издававшиеся воспоминания князя Николая Борисовича Голицына, сотрудника штаба П. И. Багратиона, известного военного писателя и переводчика. Опубликованные по-русски в «Библиотеке для чтения» еще в 1836 г., они вышли отдельным изданием в Москве, в 1838 г. Фрагментарно издавались «Записки» Голицына и впоследствии, но первое издание на языке оригинала состо-

ялось в Петербурге, уже в 1849 г. Этим изданием и пользовался Ж.-К. Дамам.

В библиографии, приложенной к книге, имеется указание и на известную книгу академика Е. В. Тарле, выпущенную еще в 1938 г. и переведенную известным Марком Слонимом для издательства «Галлимар» в 1950 г. (это знакомое всем нам «Нашествие Наполеона на Россию»), что по-французски переведено как «La Campagne de Russie 1812»). Ж.-К. Дамам около десятка раз сослался на Тарле, большей частью соглашаясь с ним или приводя его высказывания в подтверждение своим суждений.

Вот и весь перечень имен русских авторов, если не считать мемуаров московских французов, которые отечественным историкам хорошо известны по переводам, выполненным еще в XIX в. Впрочем, в самой книге ссылок на литературу и источники не найти; есть только библиография и указатель имен - таков авторский стиль, поэтому остается только надеяться на то, что историк в каждом отдельном случае, когда цитирует своих предшественников, точен и добросовестен.

Таким образом, язык все еще остается препятствием для французских историков в освоении весьма обширного пласта русской мемуаристики 1812 г., хотя отдельные усилия к этому освоению во французской историографии в разное время предпринимались. Одним из весьма немногих и, может быть, поэтому ярких примеров может служить публикация, предпринятая весьма известным в прошлом Альфредом Рамбо по книге «Рассказы очевидцев о Двенадцатом годе» (М., 1873)¹. Кстати сказать, эта публикация так и осталась неиспользованной в книге Ж.-К. Дамама. Отсутствие русских источников - это в целом едва ли не единственный упрек, который можно было бы обратить к автору книги «Орлы зимой. Россия 1812 г.».

Книга французского историка написана увлекательно, что немало важно, и с заинтересованным вниманием к читателю, в котором чувствуется желание донести до него все то, что составляет не только многообразную картину содержания, но самый аромат эпохи.

Название книги можно было бы перевести «Орлы под снегом», и, представляется, что в самом названии автор имел в виду не только собственно известное наверх знамен Великой Армии, которое на языке военных было равнозначно самому знамени и часто в схватках на полях сражений являло собой тот вожделенный предмет, каковой одни пытались захватить, а другие - ни в коем случае не уступить врагу. Пред-

ставляется, что историк, в предисловии посвятивший свою книгу солдатам Великой Армии, имел здесь в виду и другое значение этого слова, а именно тех испытанных в боях солдат, что составляли многочисленный «космополитический» контингент, попавший, в силу различных причин, в трудную ситуацию исхода из России с ее бездорожьем, бескрайними, часто безлюдными просторами и «леденящим дыханием зимы».

¹*Rimbaud A.* La Grande Armée à Moscou d'après les témoignages moscovites // *Revue des deux mondes.* 1873. Vol. CXL. P. 194–228.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ПРИБАЛТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1920-1930-Х ГОДОВ

Рецензия на книгу: *Baltijos valstybių vienybės ir praktika 1918-1940 metais / dokumentų rinkinys/ Lietuvos istorijos institutas, Vilniaus universitetas; parengė Z. Butkus. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – 898 p.*

В 2008 г. издательство Института истории Литвы опубликовало сборник документов «Идея и практика единства стран Балтии: 1918 – 1940». Редакционная коллегия, возглавляемая Ч. Лауринавичюсом, при непосредственном участии декана исторического факультета Вильнюсского университета профессора З. Буткуса, представила уникальное издание, посвящённое сотрудничеству Литвы, Латвии и Эстонии в период между мировыми войнами. Актуальность данной проблемы не должна вызывать сомнений. Несмотря на то, что все три прибалтийские республики уже значительное время участвуют в различных интеграционных процессах, будь то вступление в ЕС или присоединение к НАТО, тем не менее, многие проблемы связанные с взаимоотношениями внутри самого балтийского региона остаются нерешёнными. По словам З. Буткуса «... связи Литвы с Латвией и Эстонией по-прежнему сравнительно слабые. [...] Мы (Литва – Н. У.) не получаем ни латвийских, ни эстонских газет, не видим телевизионных программ этих стран. Литовские историки гораздо лучше знакомы с польской, немецкой, российской историографией, чем с историографией Латвии и Эстонии»¹.

Эта ситуация выглядит достаточно удивительной и требует своего научного объяснения, поскольку представляется весьма важным все же больше внимания уделять вопросам налаживания культурных, эконо-

мических и социальных связей с соседними прибалтийскими республиками. Опыт предыдущих поколений в данном случае, безусловно, может пригодиться. Учитывая прежние просчеты и делая выводы из уроков, которые преподносила этим странам история, можно гораздо эффективнее проводить политику сближения государств, не наступая в очередной раз «на одни и те же грабли». В связи с этим, данный сборник представляет собой ценное пособие не только для историков-исследователей и ученых, но он, несомненно, должен быть полезным и интересным дипломатам, а также политикам, которые отвечают за современное развитие международных отношений в балтийском регионе.

Уникальность представленных в сборнике материалов к тому же заключается в том, что они сейчас, фактически, представляют собой единственную наиболее обширную подборку документов, которые целиком посвящены раскрытию проблемы возможного единства стран Балтии в период между двумя мировыми войнами. К тому же большинство документов здесь были опубликованы впервые, а их основная часть была собрана из мало до этого известных исследователям архивных фондов Литвы, Латвии и Эстонии. Также были опубликованы материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политической истории и Политическом архиве Министерства иностранных дел Германии. Таким образом создатели данного сборника постарались в комплексе и всесторонне подойти к подборке соответствующих документов, отдавая приоритет, прежде всего, неопубликованным или опубликованным в редких изданиях материалам. Заслуживает также внимание, в частности, то, что в сборнике была еще предпринята попытка, использовать мало известные исследования эстонских учёных, посвящённых отношениям Эстонии с Литвой и Польшей². Это позволило привлечь в сборник еще документы, находящиеся в архивах Финляндии, Швеции и Дании. Большое внимание также составители сборника уделили материалам работы конференций министров иностранных дел Литвы, Латвии и Эстонии. Кроме того широко представлены их переписка, протоколы совещаний, дипломатическая корреспонденция, «pro memora», записки о переговорах с различными политиками и т.д. Издатели не обошли стороной и прессу того времени. Всего здесь представлено 34 периодических печатных издания, в которых содержатся опубликованные официальные заявления, а также соответствующие коммюнике и статьи, посвящённые проблеме объединения. Весьма любопытным является и то, что в сборнике вновь изданы

речи представителей республик на церемониях открытия и окончания конференций Балтийской Антанты, которые позволяют, возможно, глубже понять ту эпоху и те проблемы, которые стояли в отношениях между прибалтийскими государствами.

В целом, сборник разделён на пять частей, каждая из которых обозначает определённый этап в развитии идеи консолидации прибалтийских стран межвоенного периода. В начале рассматриваются самые первые, стартовые шаги, направленные на создание определенного их регионального единства. На богатом фактическом материале составители сборника постарались раскрыть причины как подталкивающие прибалтийские государства к единению, так и первые трудности к их общей консолидации. Причем здесь представлены, как вполне традиционные для дипломатии заявления министров иностранных дел о необходимости создания военного блока в рамках региона, так и достаточно радикальные решения уже достигнутые в это время. Привлекает внимание в данном случае, например, весьма решительная идея, выдвинутая доктором Й. Шлюпасом, о необходимости создания единого литовско-латвийского государства. Также в этой части книги широко представлены документы о работе, прежде всего, литовской делегации на Парижской мирной конференции³. Особенно подробно освещена еще работа первых четырёх конференций прибалтийских стран, состоявшихся в период с сентября по ноябрь 1919 г.⁴. Так же пристальное внимание составители сборника уделили материалам конференции в Булдури⁵. Практически все эти документы были опубликованы впервые, что, несомненно, вызывает особый интерес.

Вторая часть сборника посвящена уже той работе, которая осуществлялась по созданию Балтийского союза в последующий период, 1922-1925 гг. Из представленных документов видно, как тогда правительства прибалтийских государств направляли свои усилия на создание более благоприятной обстановки для сближения друг с другом. Самая продуктивная в этом плане, и поэтому наиболее полно представленная в сборнике, стала конференция в Каунасе, проходившая с 19 по 22 мая 1924 г. На основе материалов данной конференции можно чётко проследить позицию каждой из стран по многим проблемным вопросам того времени. Очень рельефно это заметно, когда, например, прибалтийские государства обсуждали проблему присоединения Клайпедского края к Литве⁶. Эта же часть работы включает в себя некоторые весьма интересные

документы, проливающие свет на негативную роль Советского Союза в процессе создания Балтийской Антанты⁷.

Рубеж же 1925 г., завершающий вторую главу сборника, был определен его составителями не случайно. После смерти министра иностранных дел Латвии З. А. Мейеровица осенью 1925 г. и отставки его эстонского коллеги К. Р. Пуста в конце того же года, работа над созданием союза прибалтийских стран заметно замедлилась. Возродиться идеям суждено было лишь в начале 1927 г. Этому посвящена уже третья часть работы, которая названа – «Передышка в объединении и возрождение создания Балтийской Антанты 1926 – сентябрь 1934». Здесь, как кажется, вполне справедливо наибольшее внимание уделяется проблемам литовско-польских отношений, связанных с давним спором вокруг Вильнюса. Фактически, именно «вильнюсская проблема» оказалась одной из главных в разрешении общего вопроса создания альянса трёх стран. Очень важно, что составители сборника в этой части работы представили большой обзор статей и заметок из периодической печати того времени. Он, несомненно, очень наглядно отражал взгляды общества на проблему объединения прибалтийских государств⁸.

Но особенно активно, как видно из материалов сборника, вопрос совместной безопасности прибалтийских государств стал обсуждаться на страницах газет после прихода в Германии к власти А. Гитлера. К «красной угрозе» на востоке прибавилась «коричневая» на Западе. Большой пласт документов представляет собой различные решения и заявления правящих верхушек прибалтийских стран, которые хоть иногда разрозненно и не всегда последовательно, но верно двигали процесс объединения к логическому завершению⁹. К более систематизированным документам относятся материалы двух подготовительных конференций Балтийской Антанты – в них подробно освещается работа делегаций и основные принятые решения. Несомненно, главным итогом этой работы стало подписание 12 сентября 1934 г. договора «О согласии и сотрудничестве» между Литвой, Латвией и Эстонией¹⁰.

Четвертая глава сборника - «Деятельность Балтийской Антанты 1934 – 1937», тем не менее, собрала в себе уже материалы семи последующих конференций организованных новообразовавшимся союзом. Важную роль среди этих документов, как представляется, играют материалы, посвящённые попыткам малых стран влиться в международную политику¹¹. Среди них, кроме всего прочего, немалую часть занимают документы, посвящённые взаимоотношениям прибалтийских республик с вели-

кими державами, в особенности Советским Союзом. Эти материалы, в частности, помогают понять отношение прибалтийских стран к идее коллективной безопасности, которую активно продвигал СССР¹². Также в материалах отражена как совместная, так и самостоятельная работа делегаций прибалтийских стран в Лиге Наций¹³. Одним из значительных достижений сотрудничества в рамках Балтийской Антанты, о чем указывают материалы сборника, стали регулярные совещания представителей Литвы, Латвии и Эстонии аккредитованных в различных государствах¹⁴. В целом документы, связанные с этой дипломатической работой, достаточно полно и в большом количестве представлены в данной части сборника. Здесь же отображены и документы, освещающие усилия правительств укрепить между странами экономические связи, облегчить транспортное сообщение и даже попытаться отменить визы.

Центральное место среди материалов сборника, как представляется, однако занимают документы, касающиеся уже кануна и начала Второй мировой войны. Это была тогда, как известно, наиболее драматическая часть истории прибалтийской консолидации. Неслучайно, что и название данного раздела также носит весьма выразительный характер – «Никнувшее перед лицом угрозы единство. Распад Балтийской Антанты». Примечательно, что начинается эта часть сборника с документов, отражающих реакцию Латвии и Эстонии на ультиматум Польши, обращённый к Литве. Из представленных документов видно¹⁵, что уже тогда немалое количество современников констатировало неоднозначную реакцию северных соседей Литвы на это требование, никак уже не отражающее те принципы взаимовыручки и единства, которые так часто превозносились дипломатами всех трёх прибалтийских республик. В итоге, вся пятая часть, объективно, послужила фактической иллюстрацией постепенного угасания сотрудничества, вплоть до распада Балтийской Антанты в июле 1940 г.

В этом плане любопытными представляются документы, которые уже относятся к периоду начала Второй мировой войны и касающиеся раскрытия проблем нейтралитета трёх малых стран в новых условиях¹⁶. Действительно, с началом войны данный вопрос стал крайне актуальным для всех стран и активно обсуждался не только в рамках союза прибалтийских государств, но и на международном уровне. Содержащиеся в сборнике материалы позволяют подробно рассмотреть общие позиции и противоречия между прибалтийскими странами касательно политики нейтралитета. Естественно, что как и в предыдущей части работы, здесь

обширно представлены документы, освещающие отношения Литвы, Латвии и Эстонии с Советским Союзом. Среди них особое место занимают материалы о предоставлении СССР военных баз в Прибалтике, а также о постановлениях, изданных уже после насаждения Советским Союзом своих марионеточных правительств в прибалтийских республиках¹⁷.

В итоге, сборник представляет собой колоссальный, как по объёму, так и по содержанию, труд, охватывающий очень важный для всех прибалтийских республик период. Это время рождения новых государств, время первых попыток делать самостоятельные шаги, чтобы стать достойной ячейкой мирового сообщества. Очевидно, что данное издание будет крайне интересно для специалистов в области истории и, несомненно, прольёт свет на многие хитросплетения международной политики и дипломатии.

¹Baltijos valstybių vienybės ir praktika 1918-1940 metais / dokumentų rinkinys/ Lietuvos istorijos institutas, Vilniaus universitetas; parengė Z. Butkus. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. P. 41.

²Eesti ja Soome suhted 1920-1925. Dokumentide kogumik. Ad Fontes. Koostanud Heino Arumae, Tallinn, 1997; Eesti ja Lati suhted 1920-1925. Dokumentide kogumik. Koostanud Heino Arumae, Tiit Arumae, Tallinn, 1999; Eesti suhted Leedu ja Poolaga. Balti konverentsid 1920-1925. Dokumentide kogumik. Ad Fontes. Koostanud Heino Arumae, Tallinn, 2001.

³См. документы № 5, 7, 8-11, 14, 15.

⁴См. документы № 16, 18-23, 25-27.

⁵См. документы № 33-36, 38-43, 48.

⁶См. документы № 95-103.

⁷См. документы № 110, 112-118, 120,121.

⁸См. документы № 156,158,160-166,169, 173.

⁹См. документы № 157,159,167,168, 181.

¹⁰См. документы № 182-187.

¹¹См. документы № 191, 198, 200, 202, 222, 232 241, 242, 247 и др.

¹²См. документы № 193, 197, 198, 230, 231 и др.

¹³См. документы № 198,222,232, 241, 238, 247 и др.

¹⁴См. документы № 203, 204, 207-219, 225-228, 234, 236, 237, 239, 245.

¹⁵См. документы № 250, 251, 252.

¹⁶См. документы № 257-262, 266, 267, 283, 287, 293.

¹⁷См. документы № 285, 286, 290, 292, 293 296, 297.

**ВЗГЛЯД НА МНОГОГРАННУЮ ИСТОРИЮ ФИНСКОГО
ПРАВОВОГО РАДИКАЛИЗМА
1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГГ.**

Рецензия на книгу: AKS:n tie. Akateeminen Karjala-Seura isänmaan ja heimoaатteen asialla. Toimittanut Mikko Uola. Miner-va Kustannus Oy; Akateemisen Karjala-Seuran Perinneyhdistys ry. Helsinki, 2011. – 416 s.

В истории финских общественных движений Академическое карельское общество (АКС) занимает видное место. В годы своего существования (1922-1944 гг.) оно представляло собой не только главную студенческую организацию страны, но и неутомимо боролось, например, за соплеменное дело, улучшение обороноспособности Финляндии и патриотическое воспитание молодежи. Все же, чаще всего АКС, наверное, связывают с распространением антирусских настроений в Первой республике Финляндии. История Академического карельского общества представляется интересной не только потому, что она недостаточно хорошо исследована в финской историографии, а, прежде всего потому, что АКС всегда вызывало противоречивые чувства в финском обществе, и с его историей было связано, может быть, даже больше мифов, чем фактов.

В связи с подъемом в течение последних некоторых лет в определенных кругах финского общества идей национализма и ксенофобии актуальность сборника вполне очевидна. Можно сказать, что история финского праворадикального движения 1920-х – первой половины 1940-х гг. в целом снова начинает вызывать интерес не только финских исследователей, но и широкой общественности. Об этом свидетельствует также появление в конце 2011 г. сборника научных статей «Путь АКС. Академи-

ческое карельское общество за дело отечества и соплеменных народов», посвященного одной из главнейших финских крайне правых организаций межвоенного периода – Академическому карельскому обществу.

Сборник «Путь АКС» представляет читателю 8 независимых друг от друга тематических статей, авторы которых являются финскими специалистами в разных областях науки. Издание работы осуществлено при финансовой поддержке Общества традиции Академического карельского общества. В издании использованы фотографии из фондов, например, Музейного ведомства и Вооруженных сил Финляндии, а также из частных коллекций. Главный редактор и автор введения – доктор общественно-политических наук, доцент Университета Турку Микко Уола, который является крупным специалистом по истории Финляндии первой половины XX в.

Во введении сборника Уола затрагивает вопрос о проблематичности исследования Академического карельского общества, а также вкратце характеризует историографию, касательно истории общества. Действительно, исследователь истории АКС стоит перед сложным заданием, так как перед роспуском общества осенью 1944 г., его архив был почти полностью сожжен. В настоящее время наиболее ценные материалы по истории Академического карельского общества находятся в Хельсинки в фондах Национального архива Финляндии и в Рукописном фонде библиотеки Хельсинкского университета. Данные архивные документы находятся в свободном доступе для исследователей, поэтому остается не очень понятным решение большинства авторов сборника обращаться не к первоисточникам, а ссылаться на работы других историков. Имеются в виду, прежде всего, ссылки на книгу профессора социологии Университета Хельсинки Ристо Алапуру «Академическое Карельское общество. Студенческое движение и общество в 1920-1930-е гг.»¹ и на монографию «Великая Финляндия – наша цель. История Академического карельского общества. Часть I. Предпосылки возникновения, структура, идеология и общественное положение в 1922-1939 гг.» исследователя Хейкки Эскелинена², обе, имеющие ряд недостатков.

Первые две статьи сборника являются также самыми слабыми. Первая статья носит заглавие «Идеология АКС: стремления к осуществлению соплеменного дела, чистой финскости и объединения народа»³. Автор статьи – доктор общественно-политических наук Каарле Суламаа.

В начале статьи автор освещает исторические предпосылки деятельности АКС, возникновение общества в феврале 1922 г., коротко рассматривает деятельность близких к Академическому карельскому обществу соплеменных организаций, и, далее, дает обобщение идеологии и практической деятельности АКС. Вторая статья доктора философии, доцента Университета Ювяскюлы Хейкки Ройко-Йокелы «"Великая Финляндия является отечеством": деятельность Академического карельского общества по феннизации Финляндии»⁴ тематически близка к первой статье. Однако, Ройко-Йокела более подробно останавливается на проблемах организации соплеменной деятельности и «феннизации» общества. Главная проблема обеих работ – слабая источниковая база. В основном Суламаа и Ройко-Йокела опираются на вышеупомянутую монографию Хейкки Эскелинена и всего лишь пересказывают его сугубо субъективную точку зрения. Таким образом, статьи имеют реферативный характер и не предоставляют читателю новой информации. Более того, среди сносок Суламаа есть даже ссылка на статью в Википедии, что, в свою очередь, ставит под вопрос серьезность работы.

Статья редактора издания Микко Уолы «Против восточной угрозы. Академическое карельское общество как организация по улучшению обороны страны»⁵ охватывает почти четвертую часть настоящего сборника (106 стр.), и, как первоначально представлялось, могла бы быть издана как отдельная работа. В статье Уолы дается оценка эволюции идеологии и практической деятельности АКС, касательно улучшения обороны Финляндии. Автор четко характеризует развитие деятельности общества по данному вопросу. Что было вообще характерно для Академического карельского общества: переход от абстрактных идей 1920-х к целеустремленной практической деятельности 1930-х гг., в частности, последних довоенных лет и далее, периода «зимней» и «войны-продолжения», Уола удачно показывает на примере работы по улучшению обороны. Тем не менее, основательный анализ статьи историка Уолы раскрывает некоторые ее недочеты. В первую очередь, это довольно ярко выраженная субъективность автора. Местами статья напоминает некую защитную речь. Хотя, разумеется, в основе статьи лежит анализ широкого спектра неопубликованных и других источников, отсутствие объективного анализа снижает уровень статьи.

Интересным добавлением к теме предыдущей статьи можно назвать маленькую статью военного историка Стига Роудасмаа «Фортификация

Карельского перешейка летом 1939 г.»⁶, в которой обобщается вопрос об участии добровольцев, в том числе членов АКС в фортификационных работах. Это одна из тех тем, которые пока не получили достаточного внимания исследователей истории Академического карельского общества. В связи с этим, хотелось бы видеть более широкий анализ вопроса. Безусловной заслугой Рюдасмаа является использование материалов Национального архива, в том числе бывшего Военного архива, который находится теперь в составе Национального архива. Автор способен нарисовать достаточно интересную картину ситуации конца 1930-х гг., когда Финляндия не была готова к войне.

Вторая половина рецензируемого издания посвящена главным образом деятельности Академического карельского общества в годы «зимней» (1939-1940) и «войны-продолжения» (1941-1944). Исследователь Марти Хёлса рассказывает в своей статье о просветительской работе АКС в Советской Карелии в 1941-1944 гг.⁷. Особый акцент он делает на проблеме организации обучения карельских детей в начальной школе и роли АКС в данном проекте. В истории АКС «война-продолжение» стала ответом на стремление общества к экспансии на Восток. Некоторое время после начала войны представители АКС действительно верили в то, что они продвинулись на один шаг ближе к созданию своей утопической «великой Финляндии». Практическая деятельность общества была направлена на построение новой «освобожденной» Карелии. Хёлса критически оценивает роль АКС в новой администрации Восточной Карелии. Со своей стороны, подполковник Илмари Хакала обобщает в следующей статье сборника историю тех «солдат-соплеменников», которых вербовали в годы «войны-продолжения» среди карелов и ингерманланцев, и, далее, рассказывает о попытках Академического карельского общества препятствовать их выдаче Советскому Союзу после войны⁸.

Безусловно, жемчужиной сборника является статья доктора общественно-политических наук Яркко Весикансы «Душевная война-продолжение АКС. Влияние общества на антикоммунистическую деятельность в Финляндии периода холодной войны»⁹. Ознакомление с настоящей статьей заставляет читателя понять наследие Академического карельского общества во второй половине XX в., когда многие его бывшие члены стали высшими государственными чиновниками, руководителями армии и лютеранской церкви Финляндии. В качестве примера можно добавить, что и президент Финляндии в 1956-1981 гг. Урхо Калева Кекконен был когда-то членом АКС. Весиканта впервые в финской историографии

затрагивает вопрос о роли АКС в Финляндии в период «холодной войны» в широком масштабе.

Последняя часть сборника – маленький обзор коротких биографий главных представителей Академического карельского общества, которые служили армии и лютеранской церкви Финляндии¹⁰. Как таковой, обзор биографий не представляет собой особого интереса, хотя важно отметить, что, например, проблема взаимосвязи между крайне правыми и лютеранской церковью Финляндии является весьма интересной, так же как и вопрос о роли офицеров в деятельности финского праворадикального движения в Первой республике.

В целом, рецензируемый сборник статьей оставил неоднозначное впечатление. С одной стороны, немаловажно отметить, что это первый труд, который пытается охватить все аспекты деятельности Академического карельского общества. К сожалению, результат с точки зрения историка, не самый удачный. С другой стороны, часть авторов затрагивает важнейшие вопросы, касательно периодов Второй мировой и «холодной» войн, и своей работой раскрывают малоизвестные факты истории АКС. Разумеется, сборник адресован именно любителям истории для создания общего представления об истории АКС, и только некоторые статьи можно рекомендовать исследователям, интересующимся данной проблематикой.

¹*Alapuro R.* Akateeminen Karjala-Seura. Ylioppilasliike ja kansa 1920- ja 1930-luvulla. Helsinki, 1973.

²*Eskelinen H.* ”Me tahdoimme suureksi Suomenmaan. Akateemisen Karjala-Seuran historia I. Tausta, organisaatio, aatteet ja asema yhteiskunnassa 1922-1939.” Juva, 2004.

³*Sulamaa K.* AKS:n ideologia. Heimoaatetta, aitosuomalaisuutta ja kansakokonaisuuden tavoittelua. S. 15-57.

⁴*Roiko-Jokela H.* ”Suur-Suomi on yhtä kuin isänmaa”. Akateemisen Karjala-Seuran suomalaisuustyö. S. 59-94.

⁵*Uola M.* Idän uhkaa vastaan. Akateeminen Karjala-Seura maanpuolustusjärjestönä. S. 95-201.

⁶*Roudasmaa S.* Karjalan kannaksen linnoittaminen kesällä 1939. S. 203-212.

⁷*Hölsä M.* Akateeminen Karjala-Seura ja Karjalan sivistystyö. AKS karjalaislapsia ja –nuoria kasvattamassa jatkosodan Itä-Karjalassa 1941-1944. S. 213-269.

⁸*Hakala I.* Heimosoturit, Suomi ja AKS. S. 271-287.

⁹*Vesikansa J.* AKS:n henkinen jatkosota. Seuran vaikutus kommunisminvastaiseen toimintaan kylmän sodan Suomessa. S. 289-344.

¹⁰*Lukkari M. ym.* Sanan ja säilän miehet. Pappismiehiä ja upseereja AKS:n kasvatteina. S. 345-407.

Рецензия на книгу: Верт А. Пять дней в блокадном Ленинграде. Впечатления о городе и его жителях английского журналиста и писателя. СПб, 2011. - 224 с.

Книга А. Верта «Пять дней в блокадном Ленинграде» уникальна как в силу биографии и обстоятельств жизни самого автора, так и в силу тематики произведения, его научного и художественного уровня, равно как и уникальности предлагаемого материала. Особое значение этой монографии связано и с тем, что она посвящена самому трагическому и, наверное, самому значительному событию в истории нашего города, блокаде Ленинграда в 1941-44 гг., сыгравшей огромную роль в общей истории Великой Отечественной войны.

Весьма необычная судьба самого А. Верта. Сын русской и англичанина, он родился в 1901 г. в Санкт-Петербурге и прожил здесь до революции 1917 г., когда его семья уехала в Великобританию. В дальнейшем он стал журналистом и писателем, завоевав симпатии читателей работами о современной ему Франции, а в 1941 г. и практически до конца войны пробыл в СССР в качестве репортера «Санди Таймс» и представителя информационной службы Би-би-си. Аккредитованный в Москве, он неоднократно бывал на самых разных фронтах, черпая информацию из первоисточника. Репортажи А. Верта о России во многом восполняли тот дефицит информации, который существовал в Великобритании в годы войны, и играли огромную роль в формировании западного общественного мнения о Советском Союзе.

Уже в Москве А. Верт начал писать свои военные книги. Среди них были «Москва 1941-го. Военный дневник», «Год Сталинграда», «Россия в войне 1941-45 гг.» и др. Россия (СССР), как и Франция, продолжали оставаться главными темами его творчества и в последующие годы. Можно со всей ответственностью сказать, что это один из самых значитель-

ных британских (а, возможно, и зарубежных) авторов, писавших тогда о Великой Отечественной войне, а его несомненным преимуществом перед другими был огромный опыт личных наблюдений и совершенное знание русского языка, который был для него родным. К великому сожалению, в России этот автор почти неизвестен, и русский читатель может «довольствоваться» только сокращенным вариантом «Россия в войне 1941-45 гг». Теперь к этому добавилась и книга «Пять дней в блокадном Ленинграде».

Авторское название самой книги, изданной в начале 1944 г. в Великобритании, – «Ленинград», и она имеет в основе уникальный опыт. Историки до сих пор спорят, был ли А. Верт первым представителем союзнической прессы, которого допустили в Ленинград осенью 1943 г., когда кольцо блокады было уже прорвано, но сама блокада еще не была снята или нет, но бесспорным остается то, что это была самая основательная книга западного автора, написанная о Ленинграде во время войны. Книга примечательна не только своей объективностью и независимостью суждений, свойственной именно британской прессе, но и самой широкой панорамой событий и действующих лиц. Картина, представленная автором, действительно всесторонняя: это и организация обороны Ленинграда и жизнь защищавших город советских воинов (гл. VII, XI, XII), и работа городской промышленности (гл. VIII, XII), и деятельность властей по организации нормальной (насколько это возможно) жизнедеятельности городского организма (гл. XV-XVII), и повседневная жизнь простых горожан (гл. IX, X). Полно представлены люди, и, будучи журналистом, А. Верт приводит свои интервью с самыми разными участниками событий, от председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова, директоров заводов, военных и деятелей культуры, до простых горожан, солдат и рабочих, сыгравших решающую роль в обороне города. Глава X посвящена детям блокадного Ленинграда. Вызывает сочувствие и общая идея – мы видим не только осажденный город, жители которого испытали совершенно беспрецедентные страдания, невиданные даже в истории войн, но и «город-воин», который сражался, выстоял и победил, внося немалый вклад в общую Победу.

Книга о Ленинграде не может не содержать разделы и рассуждения о культурной жизни нашего города. Можно сказать, что А. Верт уделяет этой теме особое внимание. Будучи коренным петербуржцем, автор описывает не только современный ему сражающийся Ленинград. У него много реминисценций старого Петербурга (гл. V, VI, VIII, XIX), включая данные об архитектуре. Некоторые главы – это увлекательные экскур-

сии по городу, на жизнь которого накладываются трагические блокадные реалии (гл. V, XI, XIV). **Прекрасно знакомые любому петербуржцу** Невский проспект, Моховая улица, Исаакиевская, Сенная площади, Каменный остров и другие места предстают перед нами в необычном ракурсе военной поры. Значительная часть книги посвящена другим областям культуры города (гл. XIV) и **деятельности ленинградских поэтов и писателей**, со многими из которых А. Верт был хорошо знаком или же познакомился во время этой поездки (гл. XIII-XIV); заметим, что во время последней А. Верта сопровождали не только представители военного командования, но и писатель С. А. Дангулов. Что касается части, посвященной Публичной Библиотеке и интервью с тогдашним директором, Е. Ф. Егоренковой (гл. XIV), то она уже вызвала живой научный интерес нынешних сотрудников Российской Национальной библиотеки.

Интересная и прекрасно написанная книга А. Верта касается разных сторон нашей истории и культуры, и остается только удивляться, что она становится известна нашему читателю спустя более 65 лет после ее публикации. Отметим качественный и понятный перевод, сделанный его авторами А. Б. Егоровым и Г. А. Лапис, и большую работу ответственного редактора В. Н. Барышникова, снабдившего издание очень точными и интересными комментариями, и написавшего вступительную статью. В книге приводится большой и интересный и подчас уникальный иллюстративный материал. Было бы замечательно в дальнейшем познакомить русского читателя и с другими книгами этого автора о России.

VI. ХРОНИКА

Т. Н. Гончарова

РУССКАЯ ТЕМА В ПАРИЖЕ, КОМПЬЕНИ И МАЛЬМЕЗОНЕ

Год России во Франции, 2010-й, давно уже позади, а русская тема во французской столице все столь же популярна и востребована. Кроме естественного для парижан интереса к нашей великой родине, связано это, несомненно, с близящейся 200-летней годовщиной Отечественной войны 1812 г., которую французы именуют Русским походом Наполеона. Три экспозиции, две из которых в Париже, и одна из двух частей в Компьени и Мальмезоне в октябре 2011 – марте 2012 г, очень разные и содержательно и организационно, полностью или отчасти были посвящены французским историческим связям с Россией.

«Русский архив»

Выставка «Русский архив» прошла в помещениях музея префектуры полиции Парижа на улице Montagne Sainte-Geneviève, 4. Музей этот небольшой, но очень своеобразный, размещается на 3-м этаже действующего комиссариата полиции V-го квартала (более известного под названием «Латинский квартал»), и даже среди парижан далеко не все знают о его существовании. Тем не менее, созданный в 1909 г. по инициативе префекта Луи Лепина, музей относится к разряду старинных. Успех выставки «Русский архив» побудил многих впервые посетить его. И даже осознание серьезности учреждения при виде вооруженных полицейских на входе не стало тому помехой. Некоторые, совесть которых, надо полагать, нечиста, испытали, по собственным их признаниям, страх наручников, однако музей префектуры стоит того, чтобы усилием воли заглушить в себе подобные проявления слабости. Вход бесплатный, обычное дело для муниципальных музеев Франции.

Открытая 23 мая, выставка должна была продлиться до 26 ноября, но успех ее за шесть месяцев был столь велик, что по достижении крайнего срока ее продлили до конца марта 2012 г. Чем же примечательна была экспозиция? Что было в ней удивительного и притягательного для видавших виды французов? Секрет ее успеха в том, что представленные на ней экспонаты одинаково «говорили» и профессиональному исследователю, и любознательному дилетанту. Благодаря представленным на стендах полицейским донесениям и досье, афишам, фотографиям, видам на жительство, паспортам, газетным вырезкам и разным предметам, посетитель получил возможность проникнуть в тайны русского архива во Франции. Источниковой основой выставки послужили документы, имеющие местом своей постоянной «прописки» то же самое здание комиссариата V квартала, только этажом выше, где расположен архив префектуры полиции Парижа. Предоставленные частными коллекционерами экспонаты дополнили архивные документы. Выставочная ретроспектива была посвящена русским знаменитостям, побывавшим или подолгу проживавшим в Париже, и франко-русским отношениям. Имея хронологический принцип в своей основе, экспозиция охватила полтора столетия, от вступления в Париж императора Александра I во главе союзных войск 31 марта 1814 г. до визита генерального секретаря КПСС Л. И. Брежнева в октябре 1971 г.

Конец XIX века был эпохой невероятной сердечности в отношениях Франции Третьей республики и царистской России. Красочные афиши, воспевающие альянс, тому свидетельством. На одной из них белый медведь держит под руку и нежно прижимает к себе элегантную девушку в головном уборе, напоминающем знаменитую шляпу Наполеона. Надпись гласит: «Бракосочетание Республики и Белого Медведя». Концерты «Воспоем Францию и Россию», приуроченные к посещению Парижа Николаем II в октябре 1896 г., пользовались большим успехом. Императора встречали фейерверками, балами, парадами и уличными оркестрами. В честь него сочинялись гимны, марши, славословия. Официальный визит Николая II в Париж, в ходе которого, кстати, император заложил первый камень в основание моста, посвященного памяти его отца Александра III, стал апогеем франко-русского союза.

Россия и Франция были солидарны в Первой мировой войне. Лев Давыдович Троцкий, отъявленный противник царизма, находился тогда в Париже. За ним было установлено пристальное полицейское наблюдение. В сентябре 1916 г. он был изгнан с французской территории. Фран-

цузские власти более не намерены были терпеть присутствие человека, бичевавшего военные усилия держав в газете «Наше слово». Но в 1917 г. в России разразилось событие, кардинально изменившее ситуацию, – Октябрьская революция, чаще теперь именуемая переворотом. «Вставай проклятым заклеянный весь мир голодных и рабов!». Отсюда недоумение. Изгнанием столь влиятельного профессионального революционера, каковым был Л. Д. Троцкий, не поспособствовала ли невольной Франция дестабилизации царского союзника? В 1933 г. Л. Д. Троцкий вновь очутился на французской территории, на этот раз в качестве политического противника Сталина, но был изгнан в 1935 г. после подписания франко-советского договора о дружбе.

После 1917 г. Франция стала политическим убежищем для русских, противников тоталитарного режима или просто жаждавших свободы творчества и пространства для самовыражения. Художники Василий Кандинский и Марк Шагал, музыкант Игорь Стравинский, танцовщики Серж Лифарь и Рудольф Нуреев в разное время стали русскими иммигрантами в Париже. Это были великие таланты, и французы, несомненно, были заинтересованы в том, чтобы оставить их у себя.

Впечатляет рассказанная в документальных свидетельствах история того, как 16 июня 1961 г., находясь в аэропорту Бурже, 23-летний солист балета театра имени С. М. Кирова Рудольф Нуреев кинулся к французским полицейским с возгласом «**I want to stay here!**». **Гастроли Кировского театра во Франции в мае – июне 1961 г. проходили с триумфом.** Р. Нуреев блистал на сцене парижской Оперы. Столь гениальный танцовщик был открытием для французского зрителя. В заголовке одного из выпусков газеты «L'Аurore» значилось: «У Ленинградского балета есть свой космонавт». Намек на Гагарина был прозрачным, а эмоции взаимны. Париж ослепил молодого артиста, покорило его. Увлечшись, Нуреев скомпрометировал себя несоблюдением запретов КГБ. Действительно, танцовщикам Кировского театра было предписано воздерживаться от непринужденного общения с французскими коллегами, от прогулок и всего, что могло обратить на них внимание. Узнав в Бурже, куда труппа прибыла для вылета в Лондон, что он не летит со всеми, а должен вернуться в Москву, Нуреев отчаялся. Возвращение в Москву было для него равносильно смертному приговору. Его ждало наказание за слишком вольное поведение в стране капитализма. Эта-то мысль и подтолкнула его кинуться к французским полицейским как к единственному своему спасению. Хотя романтические журналисты были склонны объяснять этот

жест иначе. Некоторые газеты вышли с заголовками «Быть может, тайная любовь подтолкнула советского танцовщика избрать свободу в Париже». Тогда в комиссариате аэропорта Бурже, куда его привели, буквально отвоёвав у двух офицеров КГБ, приставленных для конвоя, Нуреев написал следующее: «Прошу разрешить мне остаться во Франции без возвращения в Россию». Ему было предоставлено политическое убежище. В СССР Нуреева приговорили заочно к семи годам тюремного заключения за государственную измену. Жизнь в Париже и Лондоне стала для Нуреева началом нового витка его карьеры.

Кроме материалов об артистах и творческих натурах, избравших остаться во Франции, на выставке были представлены оригиналы документов, повествующие об официальных визитах в Париж первых лиц советского государства Н. С. Хрущева в 1960 г. и Л. И. Брежнева в 1971 г.

Одна из витрин содержала книги и плакаты, представленные на советской выставке 1961 г. в Париже. Грандиозная по своим масштабам, выставка эта, посвященная мирному сосуществованию с капиталистическими странами, славил СССР как эльдорадо и научно-технический гигант. Книжки на французском языке «Советский Союз уничтожил налоги», «Советский гражданин в космосе» служили делу коммунистической пропаганды, а дефиле мод, демонстрация советских фильмов, сольный концерт Святослава Рихтера, выступление балерины Майи Плисецкой и русский ресторан должны были завлекать посетителей. Годом ранее, во время 3-хдневного визита Н. С. Хрущева в Париж все было подчинено намерению создать образ симпатичного советского лидера, простого и веселого. Из полицейских донесений явствует, что члены Французской коммунистической партии были мобилизованы своим руководством, которое прислушивалось к требованиям КПСС, для триумфального приема Н. С. Хрущева в марте 1960 г. «Море транспарантов, плакатов и полотнищ с надписями, прославляющими франко-советскую дружбу» встретило Н. С. Хрущева во время его визита в парижскую мэрию. «*Khrouchtchev, messenger de la paix*» (**Хрущев – посланник мира**), скандировали в толпе, выражая симпатию к Советскому Союзу криками и аккламациями. Одним словом, наигранные жесты и речи, как и театральные позы, в духе коммунистической пропаганды.

Одиннадцать лет спустя во время визита в Париж Л. И. Брежнева обстановка была намного более сдержанной. Среди архивных документов, посвященных этому событию, один оказался настоящим откровением. Проживавшие в Париже диссиденты, русские, югославы и др., разуме-

ется, были настроены воспользоваться визитом Брежнева для того, чтобы выступить с акциями протеста. Парижская полиция, заинтересованная обеспечить максимум безопасности для советского лидера и уберечь его от покушения, организовала эвакуацию подозрительных на Корсику. Все траты на их вынужденное 8-дневное пребывание на «острове красоты» французские власти взяли на себя. Чем не каникулы?! Уловки властей были денонсированы прессой. Тем не менее, неприятные инциденты все же имели место. В квартале Оперы около 30-ти молодых людей, потрясая сине-белыми плакатами, требовали для советских евреев права массовой эмиграции в Израиль. Дружинники, совершая 27 октября 1971 г. утренний обход V квартала в районе площади Альфонса Лаверана, обнаружили группу молодых людей, которые несли афиши. Завидев блюстителей порядка, парни пустились бежать, бросив свою ношу – 47 афиш, на желтоватом фоне которых чернели крупные заголовки «Скажите мне г-н Брежнев». Одна из них красовалась на выставочном стенде. «Почему, – вопрошала афиша, – в государстве, именуемом себя социалистическим, существуют иерархия и увольнения, как у нас, неравенство в доходах, привилегированное положение большинства интеллектуалов по сравнению с работниками ручного труда и нет народного контроля над властью?». И призывала: «Свергнем новых буржуев СССР». Вторая часть афиши заключала «СССР практикует сегодня империалистическую политику». Текст заканчивался лозунгом «Никсон – Помпиду – Брежнев заговорщики. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Внизу на месте подписи значилось P.S.U.

Безусловно, экспонатов, представленных на выставке, было так много, что нет возможности описать каждый из них. Погрузившись в архивные документы и старые фотографии, всматриваясь в типографские шрифты и выцветшие чернила, посетитель испытывал чувство реального соприкосновения с историей. К сожалению, отсутствует каталог экспозиции, но желающие приоткрыть для себя завесу тайны русского архива в Париже, всегда могут это сделать по адресу комиссариата полиции V округа.

«Державные судьбы: Наполеон I, царь и шведский король» - «Державные судьбы: Жозефина, Швеция и Россия»

Выставка «Властители и искусство. Наполеон – Карл-Юхан – Александр», состоявшаяся в Стокгольме с 29 сентября 2010 г. по 23 января 2011 г. и приуроченная к 200-летию правления династии Бернадотов¹, имела необыкновенный успех. Тем отраднее, что ее организатором, наря-

ду со Стокгольмским национальным музеем, выступил Государственный Эрмитаж. Осенью 2011 г. выставочные экспонаты были перемещены во Францию и поделены на две части: те, что касались взаимоотношений Наполеона, Александра I и Карла-Юхана, бывшего наполеоновского маршала Ж.-Б. Бернадота, удостоившегося чести быть избранным кронпринцем Швеции в 1810 г., составили экспозицию «Державные судьбы: Наполеон I, царь и король Швеции» и были представлены в Компьенском дворце, те, что касались родственных связей наследников императрицы Жозефины с правящими династиями России и Швеции составили экспозицию «Державные судьбы: Жозефина, Швеция и Россия» и были продемонстрированы в замке Мальмезон. Обе экспозиции или, лучше сказать, две части единого выставочного проекта прошли в период с 23 сентября 2011 г. по 9 января 2012 г.

Основная идея экспозиции в Компьени – изобразительное и декоративно-прикладное искусство, предметы интерьера, на службе политических амбиций власть предержащих. Наполеон, Александр I и Карл-Юхан, все трое, столь несхожие между собой и по-разному пришедшие к власти, видели в искусстве колоссальный потенциал для упрочения своих лидерских позиций. Портретные миниатюры государей и атрибуты имперской власти на чайной чашке или чехле для зубочисток неизбежно придавали этим незамысловатым предметам политический смысл, делали их передатчиками некоего значимого сообщения. Более 150 экспонатов явились к тому же безусловным свидетельством популярности художественного стиля ампир в столицах Северной Европы, Санкт-Петербурге и Стокгольме, бравших пример с Парижа.

Так случилось, что державные судьбы Наполеона, Александра I и Карла-Юхана тесно переплелись как в сотрудничестве, так и в соперничестве и в противостоянии. В период между 1812 и 1814 гг. российский император Александр I и кронпринц Швеции Карл-Юхан стали главными военными противниками императора французов. Российско-шведский союзный договор, подписанный в Санкт-Петербурге 24 марта 1812 г., стал неожиданным ударом для Наполеона. И хотя его отношения с Бернадотом всегда были достаточно сложными в силу того, что наполеоновский маршал сам метил в «наполеоны», до некоторого времени император французов надеялся приобрести в новоиспеченном кронпринце верного союзника. Однако его расчеты на то, что Бернадот укрепит связи Швеции с Францией и, в случае начала военных действий с Россией, будет угрожать Санкт-Петербургу с севера, разлетелись в пух и

прах. После поражения Великой армии в России, российский и шведский союзники приняли активное участие в шестой анти-наполеоновской коалиции, военные успехи которой вынудили, в конечном счете, Наполеона подписать отречение в апреле 1814 г. Разумеется, российским войскам приходилось сражаться против Великой армии и до 1812 г., в ходе третьей и четвертой анти-наполеоновских коалиций. Связанный союзом с Австрией и Пруссией, Александр I потерпел тяжелое поражение при Аустерлице 2 декабря 1805 г. А после ожесточенной битвы при Прейсиш-Эйлау 7, 8 февраля 1807 г., вновь был разбит при Фридланде 14 июня 1807 г. Но Тильзитский мирный договор 8 июля 1807 г. положил начало франко-русскому союзу. И хотя уже на следующий год в Эрфурте хрупкость союза проявилась в полной мере, формально он продолжал существовать до апреля 1812 г., когда посол А. Б. Куракин покинул Париж. Французский союз позволил России завоевание Финляндии у Шведского королевства и части Галиции (Тарнополь) у Австрии в качестве компенсации за содействие, хотя и позднее, Наполеону в Австро-французской войне 1809 г.

В начале осмотра экспозиции красовались мраморные бюсты Наполеона I и Александра I работы всемирно известного датского скульптора Б. Торвальдсена, Наполеона I работы А. Кановы, Карла XIV Юхана работы Дж. Н. Бистрема. Изваянные под влиянием античных образцов, бюсты в обязательном порядке несли на себе отпечаток величия и благородства моделей. Бюст Наполеона в венке из пальмовых листьев и в обрамлении державной символики, орла и глобуса, являл собой апофеоз императора французов. На портретах кисти Франсуа Жерара Наполеон, Александр I и Карл XIV Юхан **изображены в знаменательные периоды своей жизни**. Любивший помпезный стиль парадных портретов, Наполеон держал на хорошем счету Ф. Жерара. На картине «Наполеон в коронационном платье», написанной в 1805 г., зрителю представлен идеализированный образ новоиспеченного императора в горностаевой мантии и с полным комплектом коронационных регалий. Такая манера исполнения полностью соответствовала предпочтениям Наполеона, как можно заметить из следующих сказанных им слов: «Никого не интересует, есть ли портретное сходство в изображениях великих людей; достаточно, чтобы в них жил их гений»². Император Александр I, как известно, поначалу с недоверием относился к портретной живописи Ф. Жерара. Тем не менее, он позволил художнику написать с себя портрет весной 1814 г. после торжественного вступления в Париж союзнических войск. Выйдя триумфа-

тором из конфронтации с «узурпатором», он желал оставить потомству зримое свидетельство своего величия. Однако не был уверен в художественных качествах картины, на которой художник изобразил его в мундире конногвардейского полка, пока французский посол в Петербурге граф де Ноайль не убедил его в абсолютной портретной схожести. Получив известие о своем избрании кронпринцем Швеции, Бернадот поспешил заказать Ф. Жерару свой портрет в полный рост в мундире шведского генерала с соответствующими знаками отличия в дополнение к ордену Почетного легиона. И даже высокие гонорары, к которым привык художник, не остановили его. Получив портрет и в ожидании более счастливых времен, когда фортуна позволит ему вознаградить художника по достоинству, он отослал Ф. Жерару письмо с выражением признательности и риторическими фигурами в объяснение скромной платы за свой портрет³.

Многие предметы, представленные на выставке, в частности фарфоровые изделия, были использованы в роли сувениров. Знаменательные события во франко-российских отношениях, как Тильзитский мир 1807 г. и Эрфуртский конгресс 1808 г., были отмечены ценными подарками сторон друг другу. Пара ваз со сценами из эпических поэм Вергилия «Буколики» и «Георгики» была подарена Наполеоном Александру I в память о двух неделях тесного общения в Тильзите. Украшенные монохромными изображениями, воспевавшими прелести сельской жизни, вазы являли собой верх изящества и роскоши французского фарфора, произведенного Севрской императорской мануфактурой. В феврале 1809 г. российский канцлер граф Н. П. Румянцев, поставивший свою подпись под Эрфуртским договором, получил в подарок десертный сервиз, расписанный в технике камеи на античный сюжет. Весной 1809 г., недовольный промедлением Александра I выступить против австрийцев, похожий десертный сервиз волею Наполеона стал пешкой в его политической игре. По его распоряжению, чайная посуда, изготовленная для графа П. А. Строганова, конфидента Александра I, **минуя заказчика, была отправлена** подобострастному наполеоновскому союзнику королю Саксонскому Фридриху Августу I. Такой афронт не мог остаться незамеченным в Санкт-Петербурге.

Военные униформы государей, одна из уцелевших шляп Наполеона, шпаги, сабли, карты местности, несессеры и т.д. – иллюстрации к военным кампаниям Наполеона, Александра I и Карла-Юхана. Мебель, настольные часы, письменные приборы, канделябры из Лувра (Тюильрийский дворец и дворец Сен-Клу, в которых жил Наполеон, сгорели в

1871 г.), Зимнего дворца и Королевского дворца в Стокгольме, – свидетельства популярности неоклассицизма, излюбленного стиля Наполеона. Наполеоновская Франция считалась законодателем моды на ампир, а парижские мастера – лучшими в своем роде. Однако, обставляя имперские резиденции, Наполеон пекася, в первую очередь, об интересах национальной экономики. Ликвидировав посредством континентальной блокады соперничество дешевых промышленных изделий из Великобритании, он поощрял, как мог, развитие французской индустрии роскоши. Частично воссозданная спальная комната Бернадота в Стокгольмском дворце и рабочий кабинет Александра I в Зимнем дворце еще раз убеждают в значительном влиянии Франции на художественное развитие России и Швеции. Однако пик этого влияния пришелся все же на период после 1815 г.

Императрица Жозефина, в отличие от своего венценосного супруга, не была любительницей ампира, находя неоклассический стиль тяжеловатым, и часто шла против общей тенденции. Резиденция Жозефины в Мальмезоне, куда российский император Александр I нанес визиты в апреле и мае 1814 г., была обставлена в соответствии с ее предпочтениями. Заметим, что во время одного из визитов российского императора, Жозефина одарила его античной камеей. Известная как «камя Гонзага» из фондов Эрмитажа, она была выставлена в одной из витрин Мальмезона. После смерти Жозефины, последовавшей через несколько дней после гала-банкаета в честь царя, этот последний приобрел 38 картин и 4 скульптуры А. Кановы из ее коллекционного собрания. Некоторые из них были показаны в экспозиции, развернувшейся в замке Мальмезон. Представленные там экспонаты в количестве более 150-ти развивали тему альянсов потомков императрицы Жозефины с правящими семействами России и Швеции.

Пасынок Наполеона, вице-король Италии Евгений Богарне, рассматривался императором Александром I в качестве возможного кандидата на французский трон в 1814 г., но так и не стал им. Лишившись своих итальянских владений после крушения империи, он приобрел в 1817 г. ландграфство Лейхтенберг и княжество Эйхштедт, которые составили герцогство Лейхтенбергское. Женившись в 1806 г. на принцессе баварской Августе Амалии, Евгений Богарне имел в этом браке семеро детей, двое из которых, старшая дочь Жозефина и младший сын Максимилиан, заключили альянсы с представителями династий Бернадотов и Романовых. Так, посмертно, Наполеон, Карл-Юхан и Александр I оказались связаны родственными узами.

Вырастая из деревянной колыбели с бронзовым декором, подаренной городом Миланом на ее крещение в 1807 г., Жозефина в 1823 г. сочеталась браком с сыном короля Швеции Карла XIV Юхана, кронпринцем Оскаром. Карл XIV Юхан, по собственному его выражению, искал для сына выгодную партию, которая соединяла бы «новые и старые интересы» и, казалось, нашел таковую во внучке императрицы Жозефины. В аллегорической картине Фридриха Вестина, написанной в 1823 г. по случаю сватовства кронпринца Оскара, отражены радостные ожидания стокгольмского двора, а сама суженая изображена как Аврора в нежных розовых покровах, спускающаяся на облаке, подталкиваемом тремя серафимами. В 1844 г. Оскар стал королем Швеции и Норвегии. Среди детей, рожденных от его союза с внучкой Жозефины, двое унаследовали шведскую и норвежскую короны, Карл XV и Оскар II.

Максимилиан Лейхтенбергский, младший сын Евгения Богарне и Августы Амалии Баварской, посетив в 1837 г. Россию, чтобы принять участие в кавалерийских маневрах, и представленный старшей дочери императора Николая I великой княжне Марии, остался там навсегда. В 1839 г. состоялась свадьба. Генерал-майор русской службы и шеф гусарского полка, герцог Лейхтенбергский многое сделал для развития гальванопластики, минералогии и живописи в России, возглавлял Академию художеств и управлял Корпусом горных инженеров. Крупная коллекция произведений искусства, привезенная им в Россию, содержала семейные реликвии, в том числе роскошное одеяние из зеленого атласа вышитое золотом, в котором Евгений Богарне короновался в Миланском соборе 26 мая 1805 г., и которое запечатлено на его портрете работы Ф. Жерара («Евгений де Богарне вице-король Италии», 1811). Исполненное в мастерской придворного вышивальщика Пико, это одеяние, известное как Малый коронационный костюм, красовалось в одной из витрин. Знаменитый сервиз работы фарфоровой мануфактуры Диля и Герара, изготовленный для императрицы Жозефины и ее сына, составная часть наследства, привезенного герцогом Лейхтенбергским в Россию, приковывал взор позолотой и художественной росписью.

В браке Максимилиана Лейхтенбергского с великой княгиней Марией Николаевной родилось семеро детей, которым был пожалован титул Императорских высочеств. Об их судьбах можно было узнать на выставке «Русские потомки французской императрицы. Герцоги Лейхтенбергские в Петербурге», которая проходила с 6 октября 2011 г. по 1 февраля 2012 г., в особняке Румянцева, вмещающем в себя Государственный музей

истории Санкт-Петербурга. На ней были представлены великолепные произведения искусства, полотна и предметы декоративно-прикладного искусства из богатейшей коллекции Лейхтенбергских в Петербурге. Коллекция эта, составленная частично из собрания Евгения Богарне, частично – великой княгини Марии Николаевны, хранится в Государственном Эрмитаже⁴. Экспонированным там портретом Жозефины кисти Ф. Массо 1812 г. можно было полюбоваться и в Мальмезоне. Как известно, будучи довольна своим изображением на пейзажном фоне, Жозефина распорядилась снять с него несколько уменьшенных копий. Отметим, что художники, писавшие Жозефину, все как один акцентировали внимание на изяществе ее дорогих ювелирных украшений, диадем, ожерелий, серег, из драгоценных камней, бриллиантов и жемчуга. Некоторые из них были представлены в витринах как свидетельство изысканного вкуса императрицы. Подводя итог, отметим, что многие из вещей, некогда принадлежавших Жозефине, а ныне хранящихся в Швеции и России, обрели на время экспозиции в Мальмезоне свой прежний дом, представленные на своих обыденных местах, где располагались при жизни их хозяйки.

Интерес выставок в Компьени и Мальмезоне, безусловно, в том, что собранные на них самые разнородные вещи, шедевры изобразительного искусства, предметы обихода, одежда, сувениры, безделушки и т.д., будучи отражением атмосферы и духа эпохи, сумели «оживить» на время их державных обладателей, а также выявить весь спектр отношений между ними. Экспонаты выставок свидетельствовали о художественных вкусах их обладателей и редком техническом мастерстве их изготовителей. С их описанием можно ознакомиться в богато иллюстрированных каталогах выставок «Державные судьбы», выпущенных издательством Rmn-Grand Palais⁵.

«Берлина Наполеона. Тайна трофеев Ватерлоо»

Небольшая выставка «Берлина Наполеона. Тайна трофеев Ватерлоо», торжественно открытая в парижском музее Почетного легиона 7 марта 2012 г., закончит свою работу 8 июля. Как и следует из названия, гвоздем экспозиции является дорожная карета Наполеона. Примечательна история этого транспортного средства. Берлина (landau en berline) была изготовлена для Наполеона по случаю Русской кампании 1812 г. и была снабжена откидывающимся верхом, чтобы император мог следить за военными операциями или разговаривать с теми, кто сопровождал его верхом. В ней император и совершил большей частью свои перемещения

от Вильно до Москвы через Тарутино обратно на Смоленск и Вильно, то преследуя русскую армию, то спасаясь от нее. Вечером 18 июня 1815 г., после поражения при Ватерлоо, Наполеон покинул поле битвы верхом на коне. Из четырнадцати карет его свиты только девять вернулись в Париж. Пять застряли в гигантском нагромождении колясок и фургонов на мосту при въезде в Женеп, были захвачены пруссаками и ограблены. Среди них – две личные кареты Наполеона, «спальная» («*dormeuse*»), предназначенная для длительных переездов, и легкая берлина, приспособленная к быстрым перемещениям по театру военных действий. Именно последняя и выставлена посреди зала Почетного легиона на эстраде, обтянутой велюром темно-зеленого имперского цвета.

Захваченная пруссаками, она была доставлена фельдмаршалу Блюхеру и оставалась в его семье, в замке Крибловиц рядом с Бреслау, до того, как один из его потомков подарил ее в 1973 г. Национальному музею Мальмезон. «Спальной» карете «повезло» меньше, ибо, доставленная в Англию и выставленная в музее Тюссо в Лондоне, она сгорела при пожаре 1925 г. Таким образом, берлина – единственный личный экипаж Наполеона, сохранившийся до наших дней. Отреставрированная по случаю экспозиции, карета сохранила свою темно-красную основу, двери, украшенные имперскими гербами и коронами.

Вокруг императорской берлины в витринах расположены предметы, которые сопровождали Наполеона в военной кампании и были расхищены вечером после сражения. Французские и иностранные ордена, принадлежавшие Наполеону и найденные в его багаже, были одолжены на время экспозиции Государственным Историческим музеем Москвы. Это их первая демонстрация во Франции в полном составе, 19 знаков отличия как символическое отражение невероятной судьбы и европейских амбиций их обладателя.

Все же удивительно, как получилось, что ящик с орденами Наполеона оказался в Москве? Брошенные в ходе беспорядочного бегства, ордена «побывали» во множестве перипетий. Фельдмаршал Блюхер, которому они были вручены в ящичке на следующий день после битвы, 19 июня, как сознательный верноподданный, передал столь символический трофей королю Пруссии Фридриху-Вильгельму III. Привезенные в Берлин, ордена были помещены в 1816 г. в специальную витрину *Königliche Kestkammer* как символы блестящей победы, а в конце XIX века были перемещены в музей *Zeughaus*. После поражения Германии в Первой мировой войне и заключения Версальского мира 1919 г., императорские знаки

отличия на некоторое время исчезли из поля видимости и появились вновь только в 1934 г. в экспозиции музея Zeughaus, где и оставались до Второй мировой войны. В период ожесточенных бомбардировок германской столицы ордена находились в противоздушном бункере берлинского зоопарка, а в 1946 г. были направлены советскими оккупационными властями в Москву, где долгое время оставались в секрете резервов. Извлеченные в 2000 г. на свет по случаю экспозиции, посвященной Наполеону и Александру I, императорские ордена станут одним из гвоздей программы празднования 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в Государственном Историческом музее Москвы.

Среди знаков отличия, принадлежавших императору французов, на первом месте, разумеется, французские награды. Они были созданы Наполеоном взамен наград Старого порядка, упраздненных Революцией во имя равенства. Первым из них стал орден Почетного легиона. Его созданию предшествовала дискуссия в Государственном совете между сторонниками и противниками системы отличий, пренебрежительно называвших ордена побрякушками тщеславия. Наполеон сказал тогда следующее: «Именно побрякушки позволяют вести за собой людей»⁶. После обсуждения в Трибунате и голосования в Законодательном собрании законом 19 мая 1802 г. был учрежден орден Почетного легиона, и по сей день самый престижный из французских орденов. Наполеон стал его гроссмейстером. Два других знака отличия, созданных им вслед, – орден Железной короны, учрежденный 5 июня 1805 г. после коронации в Милане и орден Реюньон (Объединения), учрежденный 18 октября 1811 г., исчезли вместе с падением Первой империи. На полотнах великих мастеров живописи, как Жерар, Гро, Готро, Венути, Наполеон чаще всего изображен с нагрудным знаком и звездой большого орла Почетного легиона, нагрудным знаком Железной короны и красной лентой Почетного легиона. Выложенные в витринах, эти вещи приводят в трепет при мысли о том, что красовались на груди великого завоевателя.

Из всех европейских монархов, Наполеон был, без сомнения, наиболее орденоносным. Обмен орденами с иностранными государями, хотя и практиковался при Старом порядке, был достаточно редким явлением. Именно Наполеон, став императором, ввел в обычай обмен Почетного легиона на престижные награды других европейских государств, дружественных или вассальных. Неудивительно поэтому, что в витринах выставки можно полюбоваться на старинный баварский орден Святого Губерта, прусский Черного орла, испанский Золотого руна, датский Сло-

на, знаки отличия германских государств, вошедших в Рейнскую конфедерацию, Бадена, Вюртемберга, Гессена, Вюрцбурга и т.д. Среди почетных наград Наполеона – ансамбль из трех орденов Российской империи. Франко-русский обмен наградами, который совершился в Тильзите во время двухнедельных переговоров и празднеств с 25 июня по 9 июля 1807 г., был беспрецедентным по своим масштабам. В знак дружбы и союза император Александр I одарил Наполеона орденами Святого Андрея Первозванного, наиболее древним и престижным, Святого Александра Невского и Святой Анны. Принимая парад двух императорских гвардий 9 июля 1807 г., на следующий день после подписания мирного договора, содержавшего секретные статьи о союзе, императоры красовались в орденских лентах дружественной державы. Такими они изображены на картине Ж.-Б. Дебре из Версальского собрания, император Александр I с красной лентой-перевязью Почетного легиона, Наполеон – с голубой лентой-перевязью Святого Андрея. Так же и их свита: Мюрат, Талейран и Бертье, с одной стороны, дипломаты Лобанов и Куракин, с другой.

Кроме орденов, большой интерес вызывают представленные на выставке личные вещи Наполеона, которые были на императоре или сопровождали его в день битвы, и были расхищены после поражения французов. Шляпа и серый редингот, рубаха, серебряная посуда, несесеры переходили из рук в руки, пока не осели, отчасти в музеях Англии, Германии, России, Франции, отчасти в частных коллекциях. Уцелевшие во множестве перипетий, эти вещи позволяют соприкоснуться с личным миром императора французов. Тексты и карты сопровождают посетителя во время осмотра, позволяя воссоздать в воображении последнюю битву Наполеона и маршрут путешествия принадлежавших ему вещей.

Император, бегущий с непокрытой головой, таков был миф, разнесенный по всей Европе после поражения французской армии при Ватерлоо. Организаторам выставки удалось собрать в стенах музея Почетного легиона военный трофей, необыкновенное приключение которого уже около двух столетий подпитывает наполеоновскую легенду. Великолепный каталог выставки, составленный под руководством профессора Жана Тюльера, наполеоноведа с международной репутацией, и текстами крупнейших знатоков наполеоновской эпохи Мишеля Керотре, Жака-Оливье Будона, Тьерри Ленца и др., был опубликован издательством Albin Michel⁷. Интересующиеся смогут, ознакомившись с ним, узнать в подробностях историю каждого экспоната.

Безусловно, выставки это явление преходящее. Как представляется, в этом их слабость, но также и сила, ибо, выставляя на всеобщее обозрение вещи и документы, хранящиеся в запасниках музеев или в фондах архивохранилищ, они дают им вторую жизнь. Посетители же имеют возможность открыть для себя много нового и свежим взглядом охватить события давно минувших дней. Каждая из вышеописанных выставок, в парижской префектуре полиции, в Компьеньском дворце и замке Мальмезон, в музее Почетного легиона, стала событием. Каждая из них позволила посетителям воочию соприкоснуться с богатой историей франко-российских связей. И как нет конца Парижу, так, перефразируя Э. Хемингуэя, представляется как данность, что и русская тема в Париже неисчерпаема.

¹См. каталог Стокгольмской выставки: *Staging power. Napoléon, Charles John, Alexander*. Nationalmuseum. The State Hermitage museum. Stockholm, 2010.

²*Ibid.* P. 48.

³*Ibid.* P. 179.

⁴См. каталог выставки: *Русские потомки французской императрицы. Герцоги Лейхтенбергские в Петербурге*. Из собрания Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург, 2011.

⁵См.: *Destins souverains – Napoléon Ier, le tsar et le roi de Suède*. Catalogue d'exposition. Paris, 2011; *Destins souverains – Joséphine, la Suède et la Russie*. Catalogue d'exposition. Paris, 2011.

⁶*Tulard J.* Napoléon ou l'art de décorer // *La berline de Napoléon. Le mystère du butin de Waterloo*. Paris, 2012. P. 110.

⁷*La berline de Napoléon. Le mystère du butin de Waterloo*. Sous la direction de Jean Tulard de l'Institut. Catalogue d'exposition. Paris, 2012.

**КОНФЕРЕНЦИИ, ПРОВЕДЕННЫЕ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
(ОКТАБРЬ 2011-МАРТ 2012 ГГ.)**

Кафедра истории Нового и новейшего времени за октябрь 2011- март 2012 гг. провела четыре научные конференции.

**Российско-итальянская конференция
«Италия объединенная. Сто пятьдесят лет опыта»**

19 октября 2011 г. кафедра истории Нового и новейшего времени Исторического факультета и кафедра Культурологии Философского факультета провели международную научную конференцию «Италия объединенная. Сто пятьдесят лет опыта».

На конференции были освещены исторические, социальные и философские проблемы, связанные с объединением Италии. Конференция была организована в год культуры Италии в России и России в Италии. Со-организатор этого научного мероприятия – университет Турина (Факультет политических наук). В работе конференции принимали участие преподаватели кафедры: проф. О. Ю. Пленков, Л. В. Сидоренко, Т. Н. Гончарова, А. В. Бодров. А также выпускники кафедры: О. Демидова и Марко Клементи, в настоящее время исследователь Восточной Европы департамента социальных и политических наук Университета Калабрии /Италия/.

Секционные заседания вели к.и.н., доцент В. Н. Борисенко и к.и.н., доцент Н. П. Евдокимова.

Повышенный интерес у участников конференции вызвали доклады итальянских ученых Павези М., преп. Колледжа Гислиери Мантуанского государственного университета, Гарильо Б., проф. истории ф-та политических наук университета Турина, Форнаро Э., куратор EF International Service Art, координатор по Восточной Европе, Тави Л., асс. проф., Университет Рома 3, факультет политических наук.

Программа конференции

Секционные заседания

Секция «Объединение Италии и ее история – взгляды и оценки»

Доклады

Бугашев С. И. Идеология итальянского карбонаризма первой четверти XIX века; *Павези М.* Дж. Гарибальди – Че Гевара XIX века; *Гарильо Б.* Католическая церковь от приговора объединению Италии до его реабилитации; *Форнаро Э.* 1861-й: новая Италия создана, 1870-й: искусство отвечает на новую реальность.

Сообщения

Кайгородова Н. А. Рисорджименто – оконченный процесс? История и современные оценки; *Николаева Ж. В.* К вопросу о современном понимании культурной идентичности итальянцев.

Секция «Россия и Италия – 150 лет отношений»

Доклады

Самарина М. С. Дантовские образы у Пушкина; *Тави Л.* Федерико Фаньяни (1775-1840), участник процесса борьбы за независимость Италии и его «Письма из Петербурга»; *Артамошкина Л. Е.* Феноменология ландшафта: «итальянские впечатления» В. В. Розанова; *Клементи М.* Роль Советского Союза в рождении «Новой Италии» во время Второй мировой войны; *Соколов Е. Г.* Россия и Италия. Свои и чужие; изгои и фавориты.

Сообщения

Ошемкова Ю. С. Гуманистический потенциал российско-итальянского сотрудничества.

Секция «Италия и Россия в составе единого европейского пространства».

Доклады

Сидоренко Л. В. Разъединенная Италия глазами английских политических и общественных деятелей XVIII-XIX вв.; *Гончарова Т. Н.* Э. Тувенель и отношение правящих кругов Российской империи к объединению Италии; *Пленков О. Ю.* Итальянские либералы и приход Муссолини к власти; *Бобр А. М.* Влияние культурных традиций Италии на становление белорусской государственности; *Бодров А. В.* Актуальные проблемы истории Италии в трудах отечественных историков; *Матвеева Е. А.* Европеизм в политическом дискурсе «Второй республики» в Италии; *Бавра Н. В.* Рецепция идей Монтессори-педагогика в России.

Сообщения

Демидова О. Джованни Джолитти: между Тройственным союзом и Антантой, 1900-1914 гг.

Пленарное заседание

Держивицкий Е. В. Опыт политико-культурной идентификации Италии: традиции и современность; *Костанцо С.* Виртуальное объединение. Странная судьба народа святых, мореплавателей и героев. Почему на расстоянии 150 лет итальянцы по-прежнему испытывают чувство разобщенности.

**Российско-польская студенческая конференция
«XX век: проблемы взаимодействия и противостояния европейских стран»**

29 октября 2011 г. кафедрой истории Нового и новейшего времени совместно с Институтом истории факультета исторических и педагогических наук Вроцлавского университета (Польша) была проведена меж-

дународная студенческая конференция «XX век: проблемы взаимодействия и противостояния европейских стран».

Открывавшим работу конференции и.о. декана Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета д.и.н., проф. А. Х. Даудовым была отмечена вся важность проведения подобных совместных мероприятий, полезных для студентов двух стран далеко не только в научных или учебных целях. В приветственных словах проф. В. Н. Барышников и проф. Института истории Вроцлавского университета П. Чихорацки отметили тот факт, что проведение регулярных российско-польских студенческих конференций стало уже доброй традицией. В. Н. Барышников при этом подчеркнул, что, не избегая подчас весьма острых и дискуссионных тем, эти конференции проходят на высоком научном уровне, в духе взаимного уважения и симпатии.

Дальнейшим ходом пленарного заседания конференции руководили к.и.н., ст. преп. кафедры истории Нового и новейшего времени А. В. Бодров и уже представленный выше руководитель польской делегации – проф. П. Чихорацки. Всего в стенах уютного читального зала Библиотеки общественных наук Исторического факультета прозвучало 14 докладов, поделенных поровну между представителями обоих университетов. Рабочим языком конференции, с учетом ее международного статуса, стал английский, на котором, за единственным исключением, были зачитаны все доклады (с обязательным резюме на русском) и велось обсуждение.

Целый ряд выступлений сопровождался соответствующими видеопрезентациями на проекционном экране и потому вызвал, пожалуй, наибольшее оживление публики. В их числе были доклады Д. Ганзенко, М. Пикулински, М. Пельцарски, М. Крук, М. Мильчарекаи, наконец, Н. Голуб. Все указанные столь разные по своему характеру выступления были посвящены очень интересным темам, раскрывая либо малоизвестные в России сюжеты, либо новые грани, казалось бы, хорошо изученных событий европейской истории XX в.

Можно отметить и высокий уровень выступлений аспирантов двух университетов: К. Видзински и Т. Лебедевой, отличавшихся не только богатой фактологией, но также и постановкой теоретических проблем в рамках заявленной проблематики.

Ряд докладов объединило изложение событий, сыгравших значительную роль в развитии международных событий или имевших большой международный резонанс в первой половине – середине XX века. К такому, безусловно, можно отнести научные сообщения Б. Вейберман, А.

Лозовского, В. Дубининой, А. Ермаковой, П. Федаса. Страницам совсем недавней истории было обращено и выступление А. Хебель.

Подводя общий итог, скажем, что очередная совместная конференция российских и польских студентов оправдала возлагавшиеся на нее ожидания и стала по-настоящему интересным и ярким событием нынешнего учебного года. Хочется выразить надежду, что в будущем подобные встречи в стенах Исторического факультета продолжатся, а заданная высокая планка будет удержана.

Программа конференции

Ганзенко Д. Первая мировая война глазами писателей-современников Э.М. Ремарка и Э. Хэмингуэя; *Видзински К.* Мобилизация означает войну, иное другое понимание ошибочно: мобилизация как явление международной политики; *Вейберман Б.* Возникновение бессарабского вопроса и начало его рассмотрения на Парижской мирной конференции; *Лозовский А.* Франко-польский союзный договор 1921 г.; *Дубинина В.* Версии убийства президента Французской республики Поля Думера русским эмигрантом П. Горгуловым; *Пикулинский М.* Политическая пропаганда во время “сентябрьской кампании” 1939 года; *Пельцарска М.* Польское население города Львова в послевоенный период; *Ермакова А.* Проблема вступления Швейцарии в ООН; *Крук М.* Блокада Берлина в 1948-1949 гг.; *Лебедева Т.* Социально-рыночная экономика Германии и реформы Л. Эрхарда; *Федас П.* ООН в годы кризиса в Конго (1960–1966); *Мильчарек М.* Красный генерал или оранжевый майор? История “Революции гномов” во Вроцлаве; *Хебель А.* События 13 января 1991 г. в Вильнюсе в польской печати.

Всероссийская научная конференция

«Актуальные проблемы Истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время: Памяти наших учителей – создателей ленинградской-петербургской школы историков»

6 декабря 2011 г. на историческом факультете СПбГУ прошла всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки: памяти наших учителей

– создателей ленинградской-петербургской школы историков». Конференция была организована кафедрой истории Нового и новейшего времени. Она была посвящена памяти преподавателей, работавших на кафедре.

Организаторы конференции, прежде всего, стремились воздать должную научную память профессору В. Г. Ревуненкову, который долгое время возглавлял кафедру и которому в октябре 2011 г. отмечался 100-летний юбилей. Кроме того, конференция почтила память всех преподавателей, работавших на кафедре. Прежде всего, тех, кто не дожил до своего 90-летнего юбилея в 2011 г. Это широко известные в нашей стране и за рубежом проф. К. Б. Виноградов, С. М. Стецкевич, В. К. Фураев, доцент М. Н. Кузьмин. Главной целью работы конференции стало обсуждение наиболее важных вопросов, связанных с историей и историографией Запада, внешнеполитического, экономического и социального развития стран Европы и Америки в Новое и новейшее время. На конференции, учитывая специфику научной деятельности кафедры, имеющую свою более чем столетнюю историю, предполагалось отдельно рассмотреть особенности развития общественных движений и революций, происходивших на Западе XVI-XXI вв., а также коснуться истории зарубежной дипломатии и международных отношений.

В работе конференции приняли участие более 70-ти признанных ученых и молодых исследователей не только из Петербурга, но также и из Москвы, Новгорода, Петрозаводска, Калининграда, Вологды, Владивостока, Уфы, Иркутска, Тюмени, Самары. Зарубежные исследователи из Белоруссии, Польши, Италии, Венесуэлы также не побоялись долгой дороги, чтобы принять участие в заседаниях. Многие из тех, кто изъявил желание участвовать в работе конференции, ранее являлись выпускниками кафедры истории Нового и новейшего времени. Среди них директор Санкт-Петербургского Института истории РАН д.и.н. В. Н. Плешков, заведующие кафедрами в различных университетах страны проф. Фокин В. И. и Массов А. Я. (Санкт-Петербург), Сергеев В. В. (Калининград), доценты Юсупов А.Ф. (Петрозаводск), Троякова Т. Г. (Владивосток), зам. директора Самарского филиала Московского городского педагогического университета Семенов С. Б., ректор Ишимского государственного педагогического института профессор С. П. Шилев и др.

Пленарное заседание было открыто приветственными словами и. о. декана исторического факультета СПбГУ д.и.н. А. Х. Даудова. Он отметил стремление профессорско-преподавательского состава кафедры к сохранению своих традиций, равняясь на лучшие достижения в истории

кафедры, начиная с конца XIX века. Далее в выступлении заведующего кафедрой истории Нового и новейшего времени проф. В.Н. Барышников было особо подчеркнуто, что кафедра, сохраняя свою историческую специфику, формируемую уже более чем целое столетие, разрабатывает новые научно-исследовательские темы. В своей научной и педагогической деятельности кафедра опирается не только на научное раскрытие проблем истории социально-экономического развития и революций стран Западной Европы, но и международных отношений. На кафедре, как подчеркнул В. Н. Барышников, продолжается, в частности, развиваться изучение ближайшего к Санкт-Петербургу региона – стран Северной Европы.

Завершая процедуру открытия конференции, председатель ее оргкомитета доцент кафедры истории Нового и новейшего времени к.и.н. Евдокимова поздравила всех с началом ее работы и предоставила слово к.и.н. Т. Н. Гончаровой, которая рассказала об изданном в канун начала работы конференции шестом выпуске сборника «Трудов кафедры». В нём, как было отмечено в ее презентации, по традиции были опубликованы последние научные разработки сотрудников кафедры. Но, кроме того, как подчеркнула Т. Н. Гончарова, в сборнике были сохранены традиционные для этого издания рубрики, связанные с изданием научных материалов из архивных источников, приведена хроника событий в жизни кафедры, а также опубликованы рецензии на наиболее интересные монографии. Далее Т. Н. Гончарова сообщила о подготовке уже седьмого выпуска «Трудов кафедры», в который, как было отмечено, будут включены материалы прошедшей в 2010 г. конференции «Национализм и ксенофобия в странах Европы и Америки в Новое и новейшее время».

Таким образом, тема традиций и преемственности в работе кафедры стала главным вопросом, который был поднят уже при открытии конференции. Эта тема затем уже была развита в выступлениях, которые прозвучали на первом пленарном заседании конференции.

Научную часть выступления открыл совместный доклад к.и.н. Н. П. Евдокимовой и А. В. Бодрова. В нем были подробно рассмотрены основные этапы становления и развития кафедры истории Нового и новейшего времени и показан тот научный вклад, который был внесен сотрудниками кафедры в создание ленинградской-петербургской школы историков. Далее, более развернуто, о целой плеяде профессоров кафедры весьма эмоционально рассказала к.и.н. Т. Н. Гончарова. Она, прежде всего, обратила внимание участников конференции на «увлекательную

манеру письма и лекторское мастерства» Н. И. Кареева, Е. В. Тарле и В. Г. Ревуненкова. В докладе наибольшее внимание было сосредоточено на раскрытии их исследовательской и научно-преподавательской деятельности на кафедре по изучению Великой Французской революции и эпохи Наполеона. Выступление Т. Н. Гончаровой вызвало достаточно широкую дискуссию у участников конференции. Особо внимание при этом обращалось на научное своеобразие работ профессора В. Г. Ревуненкова, связанное с раскрытием основных событий Великой Французской революции.

Следующий доклад А. Ю. Прокопьева, посвященный Г. В. Форстену, иллюстрировал мысль, высказанную в момент открытия конференции, о традиционной многогранности направлений исследовательской деятельности сотрудников кафедры. В своем выступлении докладчик особо указал, что проф. Г. В. Форстен стоял, фактически, у истоков становления кафедры истории Нового и новейшего времени и являлся признанным основателем российской школы по историческому изучению скандинавских и прибалтийских стран. В своем докладе А. Ю. Прокопьев также подчеркнул важную роль Г. В. Форстена в изучении т. н. «балтийского вопроса» XVI-XVII вв. Он отметил, что именно Форстен создал целое научное направление в российской историографии скандинавского петербургского исторического школа стала одним из важных научных центров по изучению истории стран Северной Европы.

Завершил же первое пленарное заседание конференции доклад О. В. Соколова, в котором была предпринята попытка в теоретическом плане затронуть вопрос о политических и военных замыслах Наполеона накануне войны 1812 года. Ученик В. Г. Ревуненкова опроверг некоторые концепции о наполеоновских планах до начала военных действий с Россией, показав, таким образом, что в историческом осмыслении прошедших эпох сохраняются перспективы для дальнейшего научно-исследовательского поиска.

В подтверждение этого, затем в читальном зале Библиотеки общественных наук СПбГУ для участников конференции была открыта специальная выставка книг, на которой были представлены работы ленинградской-петербургской школы историков XIX-XX веков, а также их преемников XXI века.

Далее работа конференции продолжилась в трёх секциях. Первая секция посвящалась вкладу ленинградской-петербургской школы историков в изучение проблем эпохи Нового и новейшего времени. Выступления

касались рассмотрения научных достижений сотрудников кафедры в исследовании истории Англии, Франции, стран Восточной и Северной Европы в эпоху Нового и новейшего времени. В частности, прозвучал ряд фундаментальных докладов, в которых была рассмотрена научная и педагогическая деятельности проф. К. Б. Виноградова (А.Я. Массова, Е. Ш. Музраевой, С. Н. Синегубова). В них наглядно был продемонстрирован весь диапазон и широта его исследований. Обсуждению подверглись также дискуссионные вопросы, содержащиеся в работах проф. В. Г. Реву-ненкова и педагогические находки, которые использовал в своей преподавательской деятельности проф. С. М. Стецкевич (С. И. Щеголев, В. В. Василик). Наибольшие дискуссии на секции вызвало научное сообщение исследователя из Варшавского университета Н. С. Балабан, посвященное проблеме новаторства в историографии Центрально-Восточной Европы в работах Тимоти Снайдера и И. С. Дементьева (Калининград) об изучении творческого наследия Алексиса де Токвиля в советской историографии.

Работа второй и третьей секций касалась рассмотрения сугубо исторических вопросов, которые являются приоритетными на кафедре Нового и новейшего времени. В частности, во второй секции главными для рассмотрения стали проблемы, относящиеся, прежде всего, к раскрытию социально-экономических вопросов развития и формированию социальных идей Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время. Особое внимание участников конференции здесь вызвали ряд докладов, затронувших вопросы, связанные с британской проблематикой (Сидоренко Л. В., Бугашев С. И., Портнягин Д. И.), а также выступления иностранных участников конференции из Белоруссии и Венесуэлы (Н. Н. Приступа, Д. Медина). В третьей секции работа строилась на основе рассмотрения проблем истории международных отношений и дипломатии Нового и новейшего времени. Отличительной особенностью работы этой секции стало то, что здесь наряду с традиционным рассмотрением отношений России с другими странами и дипломатических контактами стран на различных исторических этапах Нового и новейшего времени в целом, также касались вопросов международных отношений стран Запада. Здесь докладчики стремились акцентировать свое внимание на весьма специфических взаимоотношениях, скажем, Франции и Германии, после окончания франко-прусской войны (Бодров А. В.), а также греко-итальянских, англо-французских отношениях и т.д. Особо большой интерес в ходе работы секции вызвали доклады представителей Дальневосточ-

ного университета о современной обстановке в регионе (Трояковой Т. Г., Каневской Г. И.).

Вечернее пленарное заседание, завершившее работу конференции, было посвящено профессорам С. М. Стецкевичу и В. К. Фураеву – крупным исследователям проблем истории Нового и новейшего времени, длительный период проработавшим на кафедре. О научной и педагогической деятельности в стенах Исторического факультета профессора С. М. Стецкевича, который практически всю свою научную жизнь занимался изучением истории Польши, рассказала к.и.н. С. В. Шершнева. В ее докладе особое внимание было обращено не только на достижения С. М. Стецкевича как значительного исследователя истории Польши и педагога Ленинградского университета, но человека с широкими взглядами и энциклопедическими познаниями. Примечательно, что С. В. Шершнева приурочила свое выступление к 90-й годовщине со дня рождения этого блестящего ученого. К.и.н. В. Н. Борисенко выступил с фундаментальным докладом, раскрывающим научную и педагогическую деятельность проф. В. К. Фураева. В своем выступлении он наибольшее внимание уделил тому, как проф. Фураев рассматривал проблемы истории США и советско-американских отношений. По мнению докладчика, и в этом он был поддержан участниками конференции, исследования проф. В. К. Фураева по истории Соединенных Штатов Америки первой половины XX-го века до сих пор являются наиболее яркими произведениями, очень хорошо характеризующими ленинградско-петербургскую историческую школу американистики.

В целом, завершая работу конференции, ее участники отметили высокий научный уровень этого крупного форума историков. Были высказаны слова благодарности в адрес организаторов проведения конференции, а также поступило предложение опубликовать наиболее интересные доклады и научные сообщения, прозвучавшие на пленарных заседаниях и в ходе работы трех секций в виде отдельного научного сборника.

Программа конференции

Утреннее пленарное заседание

Евдокимова Н. П., Бодров А. В. Вклад кафедры истории Нового и новейшего времени Исторического факультета в создание ленинградско-петербургской школы историков; *Гончарова Т. Н.* Увлекательная

манера письма и лекторское мастерство на службе исторической науки: плеяда выдающихся историков Французской революции и Наполеона на кафедре истории Нового и новейшего времени (Н. И. Кареев, Е. В. Тарле, В. Г. Ревуненков); *Проконьев А. Ю.* Профессор Г. В. Форстен и проблема изучения истории стран Северной Европы в Санкт-Петербургском университете; *Вассоевич А. Л.* Ленинградская-петербургская школа историков Нового и новейшего времени в историческом радиоклубе.

Секционные заседания

Секция 1

«Вклад ленинградской-петербургской школы историков в изучение проблем эпохи Нового и новейшего времени»

Доклады

Фокин В. И. Германистика на кафедре истории Нового и новейшего времени в 1950-1980-е гг.; *Якубовская И. В.* Проблемы английской истории и историографии в работах К. Б. Виноградова и англоведческие исследования на кафедре Всеобщей истории Новгородского государственного университета; *Борисенко В. Н.* Проблема истории США и советско-американских отношений в работах профессора В. К. Фураева; *Барышников В. Н.* Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге – Ленинграде: XIX – XXI вв.; *Возгрин В. Е.* История Швеции в новейших исследованиях ученых Санкт-Петербурга; *Сергеев В. В.* Проблемы историографии Новой истории в трудах петербургского ученого профессора К. Б. Виноградова; *Ушаков В. А., Талья А. Ю.* Томас Джефферсон в работах американистов Санкт-Петербурга; *Кротов П. А.* Балтийский флот Петра Великого в работах петербургских историков конца XIX- начала XX вв.; *Щёголев С. И.* Профессор С. М. Стецкевич как исследователь истории Польши Нового и новейшего времени и педагог Ленинградского государственного университета; *Музраева Е. Ш.* История международных отношений в трудах К. Б. Виноградова; *Василик В. В.* Профессор В. Г. Ревуненков и его вклад в становление ленинградской школы изучения истории Великой французской революции и ее последствий; *Синегубов С. Н.* Проблемы внешней политики Германии в трудах профессора К. Б. Виноградова; *Сторожев Н. Б.* История изучения внешней политики империи Габсбургов в петербургской школе историков.

Сообщения

Массов А. Я. Профессор К. Б. Виноградов и изучение истории Австралии и стран Южных морей в Ленинградском - Петербургском университете; *Дементьев И. О.* «Столп дворянской идеологии» или «демократ-гуманист»: Алексис де Токвиль в советской историографии; *Кальянова Т. П.* Американские исследования в Иркутском государственном университете в 70-90-е гг.; Профессор Владимир Владимирович Яровой (1936 - 2005); *Пискунова Е. П.* Французские историки о роялистском движении во Франции в 1789 – 1814 гг.; *Балабан Н. С.* Новаторство исследований Тимоти Снайдера в историографии Центрально-Восточной Европы; *Славнитский Н. Р.* Дипломатическая борьба за Прибалтику в годы Северной войны: в работах историков Петербурга XX-XXI-го веков; *Кузнецова Ю. И.* Теоретические подходы к изучению партийно-политической истории XIX века в английской историографии;

Секция 2

«Социально-экономические проблемы развития и социальные идеи Нового и новейшего времени»

Доклады

Суворов Ю. В. Социальная монархия в концепции переустройства общества Ф. Лассаля; *Базарова Т. А.* Статейные списки русских послов в Стамбуле П.П. Шафилова и М.Б. Шереметева 1711 – 1714 гг.; *Семенов С. Б.* Исторические взгляды Кэтрин Маколей; *Сидоренко Л. В.* Проблема государственного долга в Великобритании в 1760-е гг., как предпосылка кризиса рубежа 1770-1780-х гг.; *Стецкевич М. С.* Социально-политические аспекты Оксфордского движения; *Рахимов Р. Н.* Образ башкир в сознании европейцев Нового времени; *Бугашев С. И.* Елизавета II – королева Великобритании и Северной Ирландии: политический портрет; *Акимов Ю. Г.* Идеино-правовые основы европейско-аборигенных контактов в колониях Северной Америки; *Костюк Р. В.* Эволюция соотношения сил в левом движении Франции в последней четверти XX в.; *Кузьмина О. В.* Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий и католической церкви в Российской империи (1810 – 1832 гг.); *Юсупов А. Ф.* Правые и фашисты Франции в 1920 – 1930-е гг.; *Бычков М. А.* Колорадоризм в политической истории Парагвая; *Портнягин Д. И.* Эрнст Бевин и концепция «Третьей силы» (1945 – 1947 гг.); *Приступа Н. Н.* Денежная реформа

1953 г. в Чехословакии; *Капран И. К.* История русской колонии Харбина в редких изданиях (1898 - 1920); *Петрова А. А.* Испанцы в России: «Воспоминания о России» Агустина Паскуаля; *Гостенков А. В.* Ф. Эйленбург и его архив.

Сообщения

Кольчик Е. С. Проблема продолжения Первой мировой войны и высшее германское военное руководство (июнь – июль 1919); *Дмитриев А. В.* Расстановка политических сил в Белградском пашалыке Османской империи в конце XVIII в.; *Абрамов В. А.* Антонио Кановас дель Кастильо: взгляд из России; *Ткачева М. С.* Россия в испанской прессе 1833 – 1835 гг.; *Чудина Т. И.* Освещение ирландского вопроса в парламентских дебатах Англии на рубеже XVIII – XIX вв.; *Медина Д.* Ромуло Бетанкур и его взгляд в развитии демократии в Венесуэле.

Секция 3

«Актуальные проблемы истории международных отношений и дипломатии Нового и новейшего времени»

Доклады

Соколов О. В. Политические и военные планы Наполеона накануне войны 1812 года; *Кипнис Б. Г.* «Пьемонтский вопрос» в отношениях Наполеона и Александра I (1801-1803 гг.); *Кузнецова О. Н.* Англо-французское соглашение 1904 года на страницах русской периодической печати; *Шилов С. П.* Влияние «Плана Тирпица» на германо-русские отношения перед Первой мировой войной; *Аншаков Ю. П.* Русско-черногорские отношения в XVIII веке: От Петра I до Екатерины II; *Карелин В. А.* Россия и Шпицбергенский вопрос в начале XX в.: правительственная политика и деловая инициатива; *Смолин А. В.* Посольская деятельность К. Д. Набокова в Англии в 1917-1919 гг.; *Сагалова А. Л.* Лига Наций в политической теории и практике британских лейбористов; *Евдокимова Н. П.* «Создатель мира» Аристид Бриан (1922 – 1932 гг.); *Гусев В. Е.* Судьба послевоенной Европы в переговорах главы Временного правительства Франции Шарля де Голля с советским руководством в декабре 1944 г.; *Клементи М.* Социально-экономическое положение Греции во время итало-немецкой оккупации (1941 – 1943 гг.); *Каневская Г. И.* Из истории «холодной войны»: «Дело Петрова»; *Райкова В. А.* Джордж Ф. Кеннан – американский посол в Советском Союзе в 1952 г.; *Троякова Т. Г.* Особен-

ности современной российской политики в Восточной Азии; *Климова Г. С.* Гуманитарное наследие Европы и становление социального измерения европейской интеграции; *Бодров А. В.* Франко-германские отношения во второй половине 1870-х гг.: на пути к разрядке.

Сообщения

Шапошник Р. В. Эволюция образа Российской Федерации в экспертных кругах США в 1990-е гг.; *Иванова Н. И.* Проблемы перемещенных культурных ценностей в странах Европы: история, компромиссы, решения; *Шаклеин О. С.* Борьба вокруг внешнеполитического курса Бранденбурга-Пруссии в годы Тридцатилетней войны; *Гордеев О. С.* Становление концепции национальной безопасности в США в 1938 – 1941 гг.; *Катцова М. А.* Региональное сотрудничество стран Северной Европы в 20 – 30-х гг. XX века: взгляд из Москвы; *Клименко О. О.* Основные договоры между США и Китаем, заключенные в 1946 – 1949 гг. (анализ содержания); *Гостенков П. А.* Польша Камбон и проблема французской внешнеполитической ориентации (конец XIX – начало XX вв.)

Вечернее пленарное заседание

Плешков В. Н. В. К. Фураев: Уроки учителя; *Шершнева С. В.* Профессор Станислав Михайлович Стецкевич: ученый и человек (К 90-летию со дня рождения).

Российско-германская научная конференция «Россия и Германия в системе международных отношений: через века истории»

Конференция «Россия и Германия в системе международных отношений: через века истории», организованная в рамках российско-немецкого дискуссионного форума «Петербургский диалог», проходила с 7 по 9 декабря в стенах Санкт-Петербургского государственного университета. В работе конференции приняли участие свыше 30 видных ученых из Германии и России. На открытии конференции, которое состоялось в Петровском зале главного здания университета, со словами приветствия выступили проректор СПбГУ проф. К. К. Худолей, и.о. декана Исторического факультета А. Х. Даудов, председатель правления Санкт-Петербургской Ассоциации международного сотрудничества М. Ф. Мудрак, заведу-

ющий кафедрой истории Нового и новейшего времени Исторического факультета В. Н. Барышников, проф. кафедры истории Средних веков А. Ю. Прокопьев. В своих выступлениях они обратили внимание на расширение российско-германского сотрудничества в области науки и пожелали участникам конференции плодотворной работы.

Работа конференции проходила в режиме пленарных заседаний, на которых рассматривались три важнейшие эпохи в истории взаимоотношений государств - «Германия и Россия в средние века: исторические источники, взгляды и оценки», а также «Россия и Германия на переломе эпох» и «XX век – проблемы взаимодействия и противостояния». По первой, заявленной на конференции теме, особый интерес вызвали доклады профессоров А. Ю. Дворниченко, А. Ю. Прокопьева, А. В. Петрова. Так, Дворниченко остановился на спорах представителей немецкой школы историков Г. З. Байера, Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова и пришёл к выводу, что дискуссии между ними обогатили историю, превратив её из «баснословий» в науку. В докладе Прокопьева был показан процесс обогащения русской медиевистики за счёт контактов с представителями немецкой исторической науки во второй половине XIX в. При этом заимствования оказались настолько прочными, что вошли в советские школьные и вузовские учебники (оценки Реформации, католической церкви и т.д.) и продержались до конца 80-х годов XX в. Проблемы, связанные со спорами норманистов и антинорманистов, и приводимые ими аргументы стали предметом рассмотрения в докладе Петрова. Автор пришёл к выводу о незавершённости дискуссии, которая на современном этапе развития исторической науки становится бесплодной.

Немецко-русские культурные связи в Средние века легли в основу доклада профессора Университета Гамбурга Норберта Ангермана. Автор проследил развитие торговых связей Новгорода и Ганзейского союза, начиная с XI в. Приведённый им материал показывает, что не только ганзейские купцы имели свои дворы в Новгороде, но и новгородцы в городах Ганзы. Причём связи носили не только деловой, но и дружеский характер. По выражению Ангермана, Новгород стал своеобразным «окном в Европу» для своего времени.

Изучению источников были посвящены также выступления проф. В. В. Шапошника и доцента Е. Н. Метёлкина. В докладе Шапошника был проведён сравнительный анализ мемуаров немцев-опричников Г. Штадена и Таубе и Крузе. Он сопоставил их с показаниями князя А. Курбского и Житием Митрополита Филиппа. Автор остановился на совпадениях и

разночтениях в этих источниках. По мнению Шапошника, хотя Штаден, Таубе и Крузе не являлись участниками гонений и убийства митрополита Филиппа, они получили эти сведения от тех, кто был непосредственно с убийством связан. Это делает их свидетельства ценным историческим источником. В свою очередь, Е. Н. Метёлкин в своём выступлении поделился впечатлениями от работы с документами по истории России в Прусском Тайном государственном архиве. Он обратил внимание на трудности, которые встают перед историками, изучающими рукописи XVIII в. Автор рассказал о своей работе по изучению вопроса, связанного с награждениями немцев высшими российскими орденами и, в частности, орденом Андрея Первозванного. В равной мере активное обсуждение вызвали следующие выступления российских историков-медиевистов: проф. Г. Е. Лебедевой, В. В. Василика, к.и.н. Д. Н. Старостина, А. Ю. Митрофанова, В. А. Шорохова. Завершили дискуссию, связанную с проблемами изучения российско-германских отношений в Средние века, выступления двух немецких исследователей из Университета Гейдельберга: С. Бурхардта и Ю. Дюкер. В своих докладах ученые коснулись вопросов существования в XII – XIII вв. державы Штауфенов и деятельности сословных собраний в Центральной Европе в позднее средневековье. Эти сообщения позволили перейти к рассмотрению следующей темы, заявленной на конференции: истории России и Германии на переломе эпох.

Целая серия научных докладов и сообщений была посвящена XVIII-му столетию. Этот исторический период стал временем упрочнения связей между Германией и Россией, чему способствовали, как указывали докладчики, все более многочисленные родственные связи династии Романовых с правящими Домами многочисленных германских государств. «Германское направление» получило статус одного из приоритетных для дипломатии Российской империи, начиная с Петра Великого. Первые шаги Петра в налаживании внешнеполитического взаимодействия с Пруссией в годы Северной войны были подробно рассмотрены в выступлении проф. П. А. Кротова. В то же время интересна и судьба отдельных немцев в истории Российского государства. Д.и.н. Ю. Г. Акимов обратился к страницам головокругительной биографии уроженца Саксонии Йохана-Хермана фон Дискау, трижды посещавшего Россию в 1730-40-х гг. и игравшего, по-видимому, весьма значимую посредническую роль в притязаниях Морица Саксонского на то, чтобы возглавить Курляндию.

Лишним подтверждением тезиса о приоритетности «германского направления» во внешней политике России в XVIII-XX вв. стали также доклады В. В. Возгрин, С. Н. Искюля и А. В. Бодрова. Значимую роль в политике России еще двух германских территорий, Шлезвиг-Гольштейна и Гольштейн-Ольденбурга, раскрыли доклады проф. СПбГУ В. В. Возгрин и сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН С. Н. Искюля. В. В. Возгрин, в частности, указал на фактор Шлезвиг-Гольштейна в российско-датских отношениях петровской эпохи. Герцогство же Гольштейн-Ольденбург сыграло заметную роль в противостоянии Александра I и Наполеона I, став в руках российского императора инструментом давления на Францию. Отстаивание Россией прав этого крошечного государства на побережье Балтийского моря, как продемонстрировал С. Н. Искюль, было способом противодействия «Континентальной блокаде», навязываемой Европе Наполеоном, и элементом дипломатической подготовки к новой войне.

К последней трети XIX в. ситуация в Европе полностью перевернулась, и уже сама Франция стала рассматриваться Петербургом в качестве необходимого противовеса «полугегемонии» объединенной Германской империи. Доклад к.и.н. А. В. Бодрова обратил внимание собравшихся на значимость позиции, занятой российской дипломатией в отношении итогов франко-прусской войны 1870-71 гг. Официальный Петербург осудил жесткость условий Франкфуртского мирного договора и фактически поддержал устремления французского руководства к мирному пересмотру его отдельных положений - вопреки точке зрения Берлина. В обсуждении российско-немецкого взаимодействия в эпоху Нового времени активное участие приняли Н. И. Иванова, А. Э. Шукурова и Е. А. Родионов.

Завершило же дискуссию, связанную с обсуждением непростых российско-германских отношений, рассмотрение истории XX века: времени взаимодействия и противостояния двух государств. В частности, в докладе проф. А. В. Смолина «Немецкие войска в Прибалтике и Белое движение в 1919 г.» была рассмотрена политика Германии в Балтийском регионе, начиная с Брестского мира и кончая выводом немецких войск в конце 1919 г. из Прибалтики. Докладчик особо при этом подчеркнул, что, несмотря на поражение в Первой мировой войне, Германия старалась сохранить в той или иной степени свое присутствие в Прибалтике, как важном геополитическом пункте, используя для этого русские белые формирования. В выступление же проф. О. Ю. Пленкова «Эрнст Никиш и его представления о советско-германском союзе» раскрылась сложная и

во многом противоречивая биография немецкого политика и публициста Э. Никиша – одного из тех, кто пытался соединить прусские традиции с социализмом. По мнению О. Ю. Пленкова, именно политические события, которые выпали на долю Никиша, привели к таким «необычным изломам» в его мировоззрении.

Ряд докладов был посвящен малоизученным аспектам истории Второй мировой войны. Проф. В. Н. Барышников в своем выступлении коснулся вопроса возможности использования Германией в борьбе против Советского Союза финских эсэсовцев. При этом он, в частности, обратил внимание на, то, с какой быстротой произошло формирование подобных воинских подразделений на территории Финляндии. Это, по мнению докладчика, не только раскрывало заинтересованность Хельсинки в получении немецкой поддержки, но и отражало тот факт, что нацистская идеология нашла в Финляндии хорошую питательную почву. Еще один участник конференции, Маттиас Плат из Университета Грейфсвальда представил также систематизированный анализ положения русского меньшинства в Прибалтике и немецкой войне на уничтожение против Советского Союза в 1941 – 1944 гг. - искоренении «расово нежелательных элементов». Автор раскрыл целый ряд закономерностей и тенденций в оккупационной политике нацистов в Прибалтике. При этом он коснулся ее особенностей в отношении русского меньшинства и пришёл к важному выводу о ярком проявлении здесь преступных и античеловеческих идеологических установок нацистского руководства.

В заключительной части работы конференции ключевыми докладами стали выступления, посвященные истории отношений двух стран во второй половине XX века. В частности, особый интерес вызвали доклады проф. М. Рютерс и М. А. Керинг из Гамбургского университета, а также проф. СПбГУ М. В. Ходякова и В. И. Фокина. Особое внимание докладчики уделили экономическим и культурным формам сотрудничества двух государств. В докладе М. В. Ходяков, в частности, был затронут малоизученный вопрос денежного обращения в Советской зоне оккупации Германии после окончания Второй мировой войны. Экономическая тематика получила дальнейшее развитие в докладе Т. Г. Лебедевой, затронувшей неоллиберальные реформы второй половины XX в. в Германии и сравнившей их с попытками осуществления экономических преобразований в России. Со своей стороны, проф. М. А. Керинг коснулась проблемы выстраивания советско-немецких отношений в 1950-е гг. и посвятила

свое выступление непростым вопросам налаживания контактов между СССР и Германией в области архитектуры и градостроительства.

Большое внимание и оживленную дискуссию на конференции вызвал доклад проф. М. Рютерс, посвященный роли космонавтики в советской дипломатии. Исследователь в своем выступлении сделала главный акцент на цивилизационном значении полёта Ю. Гагарина в космос. Как отметила Рютерс, освоение космоса стало своего рода «мобилизационным проектом» для населения СССР. Она обратила внимание и на такое специфическое явление, как космический фольклор, который присутствовал, по мнению докладчика, только в СССР. Автор также провела сравнение между советским полётом в космос и полётом космонавта из ГДР. Интересно и наблюдение Рютерс, касающееся того, что в ФРГ увлечение космонавтикой приобрело куда меньший размах.

С российской стороны, вопросы культурного взаимодействия двух стран наиболее широко были изложены в докладе проф. В. И. Фокина. Автор обратил внимание участников конференции на правовой характер советско-германских и российско-германских отношений. Он выявил укрепление культурных связей между Советской Россией и Германией, начиная с Рапалльского договора 1922 г., и остановился на вкладе советско-германского сотрудничества в области культуры в антифашистскую борьбу. Обращаясь к ситуации последних десятилетий, им было отмечено, что ни с одним из европейских государств у России нет таких развернутых отношений в области культурной политики, как с Германией. Вместе с тем, нельзя сбрасывать со счетов, по мнению В. И. Фокина, и неуклонное сокращение преподавания в Германии и России, соответственно, русского и немецкого языков, а также определенное сокращение финансирования проектов двустороннего сотрудничества в условиях мирового экономического кризиса.

Впрочем, российско-германская конференция подтверждает уверенность В. И. Фокина, как и всех других ее участников, в объективном и временном характере этой «рецессии», напрямую никак не связанной с государственной политикой двух стран. Она подтверждает также значимость и плодотворность непосредственного общения российских и германских историков.

Программа конференции

7 декабря

«Германия и Россия в Средние века: исторические источники, взгляды и оценки»

Дворниченко А. Ю. Немецкие историки Российской Академии наук в первой половине XVIII в. о русской древности; *Прокопьев А. Ю.* Немецкая наука и российская медиевистика второй половины XIX в. - начала XX в.; *Ангерман Н.* Немецко-русские культурные связи в Средние века и раннее Новое время в зеркале торговли; *Шапошник В. В.* «Дело» митрополита Филиппа в сочинениях Штадена, Таубе и Крузе; *Петров А. В.* Северо-германский мир и русские славяне: некоторые аспекты современной историографии проблемы; *Метелкин Е. Н.* Документы по истории России в Тайном государственном Прусском архиве; *Василик В. В.* Славяно-готский конфликт в 376 году по свидетельству Иордана; *Кривошеев Ю. В.* Принцесса Анна в свете германо-византийско-русских отношений (X в.); *Лебедева Г. Е., Митрофанов А. Ю.* Захария фон Лингенталь и полемика вокруг Номоканона в российском византиноведении конца XIX в.; *Старостин Д. Н.* Австразия в «Истории» Григория Турского; *Бурхардт С.* Держава Штауфенов: между притязаниями и реальностью (XII – XIII вв.); *Шорохов В. А.* Русь и Восточная Марка: современное состояние исследовательской проблемы.

8 декабря

«Россия и Германия на переломе эпох»

Дюкер Ю. Сословные собрания в позднее средневековье: формирование политической воли в Польше, Венгрии и Германии; *Кротов П. А.* Россия и Пруссия в 1697-1725 гг.: к вопросу внешнеполитического взаимодействия; *Возгрин В. Е.* Проблема Шлезвиг-Гольштейна в дипломатии России петровской эпохи; *Родионов Е. А.* Немецкое оружие XVII- XVIII вв. в собрании Государственного музея заповедника «Гатчина»; *Акимов Ю. Г.* Российские страницы биографии барона фон Дискау; *Шукурова А. Э.* Произведения художников «дрезденского круга» (XVIII в.) в собрании Государственного музея заповедника «Гатчина»; *Искуль С. Н.* Гольштейн-Ольденбург в дипломатии России и Франции XIX в.; *Бодров А. В.* Россия и проблема реваншизма в франко-германских отношениях после 1871 г.; *Иванова Н. И.* Роль графа Нессельроде в дипломатической деятельности России

9 декабря

«XX век - проблемы взаимодействия и противостояния»

Андреева Н. С. Прибалтийские немцы в русско-германских отношениях 1900 - 1914 гг.; *Смолин А. В.* Немецкие войска в Прибалтике и белое движение в 1919 г.; *Пленков О. Ю.* Эрнст Никиш и его представления о советско-германском союзе; *Плат Т.* Союзники против прибалтийских устремлений к независимости или искоренение «расово нежелательных элементов» – русские меньшинства в Прибалтике и немецкая война на уничтожение против Советского Союза в 1941 – 1944 гг.; *Барышников В. Н.* К вопросу о возможности использования Германией финских эсэсовцев в борьбе против Советского Союза на завершающей стадии Второй мировой войны; *Фокин В. И.* Россия и Германия: диалог культур (XX-й век); *Ходяков М. В.* Денежное обращение в Советской зоне оккупации Германии 1945-1948 гг.; *Керинг М. А.* Обмен архитекторами между Россией и Германией в 1950-е гг.; *Лебедева Т. Г.* Неолиберальные реформы второй половины XX в. в Германии и России: общее и различие; *Вассоевич А. Л.* Роль СССР в объединении Германии: к постановке проблемы; *Рютерс М.* Роль космонавтики в советской дипломатии в области культуры.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

10 ноября 2011 г. на заседании Ученого совета Д.212.232.57 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук аспиранткой кафедры истории Нового и новейшего времени из Китайской Народной республики Чжань Яньнань. Тема ее квалификационного исследования – «Экспансия западных держав в Китае во второй половине XIX в.: проблема и ее разработка в российской науке».

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета Светлана Владимировна Шершнева.

Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта Виктор Владимирович Сергеев и доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Михаил Федорович Флоринский.

В ходе обсуждения диссертации с положительными отзывами по ее содержанию выступили проф. д. и. н. О. Ю. Пленков, проф. д. филос. н. А. Л. Вассоевич, проф. д. филол. н. М. Е. Кравцова.

Согласно протоколу на заседании присутствовали 31 член Ученого совета. Из них за присвоение степени кандидата исторических наук Чжань Яньнань проголосовали 31, голосов против и воздержавшихся не было, недействительных бюллетеней не было.

РЕФЕРАТЫ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

УДК 94(411).06

Сидоренко Л. В. **Религиозные аспекты Славной революции в Англии** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. 2012. С. 15 - 23.

В статье рассматриваются религиозные аспекты одного из важнейших событий в истории Англии, более известного как Славная революция. Автор анализирует предпосылки революции в виде религиозной политики короля Якова II, роли и положения Англиканской церкви и католического меньшинства в стране, программных положений вигов и тори в сфере религии. В поле зрения автора также оказываются проблемы религиозной пропаганды Вильгельма Оранского и законотворческая деятельность победивших революционеров. Основным выводом статьи служит заключение о тесной взаимосвязи религиозных аспектов революции с политико-конституционными факторами.

Ключевые слова: Славная революция, Англия, религия, церковь, государство, политика.

УДК 94(420).081+94(420).082

Бугашев С. И. **Британский суфражизм в XIX – начале XX века** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. 2012. С. 24 - 35.

Автор статьи рассматривает, как эволюционировали стратегия и тактика борьбы английских женщин за избирательные права в период между 1865 г., когда была создана первая суфражистская организация Комитет женских избирательных прав, до начала Первой мировой войны. Тактика гражданского неповиновения, взятая на вооружение некоторыми суфражистками в начале XX в., привела к расколу движения на два течения: умеренное и радикальное. Дав неоднозначную оценку степени эффек-

тивности милитантского направления, автор констатирует, что накануне Первой мировой войны в решение проблемы женских избирательных прав были вовлечены все три ведущие политические партии Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания, Викторианская эпоха, суфражизм, избирательное право, феминизм.

УДК 94(94)''1851/1901''

Массов А. Я. **Эволюция отношения белых жителей Австралии к России и русским (вторая половина XIX – начало XX вв.)** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. 2012. С. 36 - 44.

В статье рассматривается двойственное отношение жителей Австралии к России и русским на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. Русофобия, сформировавшаяся в недрах австралийского общества в период Крымской войны, сменилась на рубеже XIX – XX вв. благожелательным интересом, укреплению которого способствовало участие России в Первой мировой войне на стороне Антанты. Волны неприязни и симпатии в отношении австралийцев к России и русским, делает вывод автор, зависят отчасти от политической конъюнктуры и являются одним из устоявшихся этнических стереотипов Австралии.

Ключевые слова: Австралия, Россия, австралийско-российские отношения, русофобия, этнический стереотип, политическая конъюнктура.

УДК 94(437)

Пристапа Н. Н. **К вопросу о подходах Э. Бенеша и чехословацких национальных социалистов к выселению немцев из Чехословакии** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. 2012. С. 45 - 53.

В статье рассматриваются предложения Э. Бенеша по решению национально-территориальных проблем Чехословакии после окончания Второй мировой войны. Выселение немцев в количестве не менее 1 млн. человек, концентрация немецкого населения в северных пограничных районах Чехословакии с целью «очищения» страны составляли существо предложений Э. Бенеша, по которым развернулась дискуссия в среде чехословацкого движения Сопротивления. Несмотря на высказанные замечания и критику некоторых положений, большинство чехословацких национал-социалистов разделяли одиозную позицию своего лиде-

ра, в формировании которой, как считает автор, большую роль сыграл «мюнхенский комплекс».

Ключевые слова: Чехословакия, Э. Бенеш, Мюнхенское соглашение, судетские немцы, национальные меньшинства.

УДК 94(47).073.5

Анисимов О. В. Религиозный спор о Святой земле в середине XIX века: в поисках компромисса / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. 2012. С. 54 - 57.

В статье рассматриваются попытки дипломатов Франции и России наладить диалог для мирного разрешения спора о Святых местах. Дореволюционная историография, как и советская, обходили вниманием религиозный вопрос или возлагали вину за развязывание конфликта на реваншизм Наполеона III, и только теперь исследователи имеют возможность восстановить действительную картину событий. Автор статьи задается вопросом, почему сторонам, несмотря на предпринятые попытки, так и не удалось прийти к компромиссу. Недальновидность политиков, другие факторы, способствовавшие эскалации напряженности, как известно, имели драматический исход в виде Крымской войны, а значит, имеет смысл и поныне поднимать тему упущенных возможностей.

Ключевые слова: Святые места, Крымская война, дипломатия, послы, дореволюционная историография, советская историография.

УДК 94(480)

Васара В.-Т. Была ли угроза крайне правого переворота в Финляндии настоящей в 1927 г.? / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. 2012. С. 58 - 70.

В статье рассматривается инцидент с публикацией в «Политикен», главном печатном органе Коммунистической партии Швеции, новости о подготовке силами отрядов Шюцкора государственного переворота в Финляндии. Публикация вызвала скандал, который имел следствием специальное расследование, а также судебный процесс. Автор уделяет особенное внимание реакции ведущих государственных деятелей Финляндии, президента Реландера, премьер-министра Таннера, начальника Центральной сыскной полиции Риекки. И хотя сенсационное известие, по мнению большинства, было провокацией коммунистов, призванной

работать на их имидж, события 1927 г. стали очередным шагом к укреплению праворадикальных сил Финляндии.

Ключевые слова: Финляндия, Коммунистическая партия Швеции, Шюцкор, Реландер, Таннер, Риекки, государственный переворот, газетная утка.

УДК 94(420).085

Портнягин Д. И. **Лейбористская партия Великобритании и проблемы африканского национализма (1945–1951 гг.)** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. 2012. С. 71 - 78.

В статье рассматривается колониальная политика лейбористского правительства К. Эттли. С конца 1946 г. лейбористы, под давлением обстоятельств, поставили под сомнение традиционную колониальную политику Великобритании. Отражением этих перемен стал доклад министра колоний А. К. Джонса, в котором говорилось о необходимости развития системы местного управления в колониях. Допущение национализма в разумных пределах должно было, по мнению лидеров Лейбористской партии, стать препятствием к расширению советского влияния в Африке, а подъем колониальной экономики – способствовать сохранению контроля над африканскими владениями. Однако события в Золотом Береге выявили наивность этих расчетов.

Ключевые слова: Лейбористское правительство, Лейбористская партия, К. Эттли, А. К. Джонс, Британская колониальная империя, африканские колонии, Золотой Берег.

УДК 94(420).085+323.174

Еремина Н. В. **Культурно-историческое наследие как фактор роста этнорегионального движения в Великобритании** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. 2012. С. 79 - 84.

В статье рассматриваются различные аспекты этнорегионального движения как главного катализатора общественно-политического развития в мультиэтничных европейских государствах и, в частности, в Великобритании. В основе этнорегионального политического движения лежит историческое и культурное наследие, поэтому конфликт центра с этническими регионами – конфликт культур, утверждает автор. Опыт Соединенного королевства в развитии этнорегионального представи-

тельства и в решении конфликта «центр-периферия» заключает в себе уроки для других государств.

Ключевые слова: Великобритания, этнорегиональное движение, многонациональные государства, культура, регион, этнос, нация.

УДК 737

Януш Я. Б. **Великая перечеканка 1696–1698 гг. Взгляд из нумизматики** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. 2012. С. 85 - 94.

В 1696–1698 гг. в Великобритании была произведена Великая перечеканка старых серебряных монет. Ее результаты, оцененные по-разному, всегда были предметом споров. По мнению Т. Б. Маколея, Великая перечеканка имела следствием выдающийся экономический подъем Англии. По другим свидетельствам, перечеканка была произведена из соображений выгоды для лордов из ближайшего окружения короля Вильгельма III. Автор развенчивает миф о Великой перечеканке как об уникальном событии, которое позволило Англии стать великой экономической державой.

Ключевые слова: Англия, нумизматика, Великая перечеканка, оконный сбор, Т. Б. Маколей, И. Ньютон.

УДК 94(430).085+94(430).086

Крейцберг К. А. **«Новый национализм» Юнгера как часть немецкой «консервативной революции»** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. 2012. С. 95 - 99.

В статье рассматриваются основные вехи жизненного пути одного из ведущих теоретиков национализма, идеолога консервативной революции в Германии, Эрнста Юнгера. Чувство безысходности и отчаяния, порожденное поражением в Первой мировой войне, вызвало к единению народа на фундаменте национального сознания. В Веймарской республике Э. Юнгер проповедовал так называемый «новый национализм». Автор анализирует основные идеи, высказанные Э. Юнгером в его публицистических произведениях. Увлечшись идеями Гитлера, а затем, разочаровавшись в них, Юнгер, тем не менее, до конца жизни остался верным идее «нового национализма».

Ключевые слова: Э. Юнгер, Германия, консервативная революция, новый национализм, Первая мировая война, Веймарская республика.

УДК 94(430).085+321.013

Вишнев М. Р. **Национальная идея и география в Германии: Ф. Науманн и К. Хаусхофер** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. 2012. С. 100 - 103.

В статье проводится анализ трудов двух немецких мыслителей: Ф. Науманна «Срединная Европа», написанный им в годы Первой мировой войны, и К. Хаусхофера «Границы в их политическом и географическом значении», написанный им под непосредственным впечатлением от поражения германии в Первой мировой войне. Геополитические идеи обоих, вполне типичные для того времени, шли в русле логики «свой-чужой», характерной для традиционных сообществ.

Ключевые слова: Ф. Науманн, К. Хаусхофер, Первая мировая война, геополитика, национальная идея, традиционные сообщества.

ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS

Sidorenko L. V. **Religious Aspects of the Glorious Revolution in England.**

This article deals with religious aspects of one of the most important events in the history of England, more famous as the Glorious Revolution. The author analyzes preconditions of the revolution such as religious policy of the King James II, role and position of the Established Church and Catholic minority in the country, program features of Whig and Tory groups in the religious sphere. Issues of religious propaganda of William Orange and legislative activity of winning elite are also touched upon. Basic conclusion of the article is the statement, that religious aspects of the revolution were closely related with political and constitutional factors of this event.

Keywords: Glorious revolution, England, religion, church, state, policy.

Bugashev S. I. **British Suffrage Movement in the late 19th – early 20th centuries.**

This paper describes the evolution of the methods and means used by British women in their fight for electoral rights between 1865 (when they published their first platform) and 1914. The tactics of civil disobedience, adopted by some «suffragettes» at the beginning of the 20th century, brought about a division between moderates and radicals inside the movement. Nevertheless, there is no doubt that, on the eve of First World War, the three leading political parties had understood the necessity of finding an answer to the demand for Women Vote.

Keywords: Great Britain, Victorian era, Suffrage movement, electoral rights, feminism.

Massov A. I. The evolution of attitudes of white Australians towards Russia and Russians (second half of the 19th – early 20th centuries).

This article deals with the ambivalent attitude of the inhabitants of Australia towards Russia and Russians in the second half of the 19th century – early 20th century. The russophobia, formed in the bowels of the Australian community during the Crimean war, was replaced at the turn of the 19th – 20th centuries by a benevolent interest. Russia's participation in World War I on the side of the Entente contributed to its strengthening. The waves of hostility and sympathy in Australians attitude towards Russia are one of Australia's well-established ethnic stereotypes that depend in part on the political considerations, the author concludes.

Keywords: Australia, Russia, Australia-Russia relationship, Russophobia, ethnic stereotypes, political conjecture.

Pristupa N. N. E. Benesh and Czechoslovak National Socialists position towards German minority in Czechoslovakia: proposals to evict Germans.

The article examines the proposals of E. Benesh for the solution of the national-territorial problems of Czechoslovakia after World War II. The expulsion of the Germans in an amount not less than 1 million persons, the concentration of the German population in the northern border areas of Czechoslovakia in order to cleanse the country were the essence of proposals discussed among the Czechoslovak resistance movement. Despite the comments and criticism of certain provisions, the major party of Czechoslovak National Socialists shared the odious position of their leader, in whose formation the major role was played by the Munich complex, the author considers.

Keywords: Czechoslovakia, E. Benesh, Munich agreement, Munich complex, Sudeten Germans, national minorities.

Anisimov O. V. Religious dispute about the Holy Land in the mid-19th century: in search of a compromise.

The article deals with diplomatic efforts of France and Russia to establish a dialogue for the peaceful resolution of the dispute about the Holy Places. Pre-revolutionary historiography, as well as Soviet historians ignored the religious question or paced the blame for unleashing the conflict in Napoleon III, and only now the researchers are able to restore the true picture of events. The author wonders why, despite the efforts, the parties failed to reach a compromise. The shortsightedness of politicians and other factors that contributed to escalate the

tension, as we know, had a dramatic outcome as the Crimean war, and therefore it makes sense today to raise the issue of missed opportunities.

Keywords: Holy Places, Crimean war, diplomacy, ambassadors, pre-revolutionary historiography, soviet historians.

Vasara V.-T. Whether there was a threat of the extreme right coup d'état in Finland in 1927?

The article discusses the incident with the publication in «Politiken», the main press organ of the Communist Party of Sweden, the news of a coup d'état preparing by the Civil Guards in Finland. The publication caused a scandal, which called the special investigation and the judicial process. The author pays particular attention to the reaction to newspaper publication of leading political figures of Finland, President Relander, Prime-Minister Tanner, chief of detectives Riekki. Although the sensational news, by most accounts, was a communist's provocation, designed to work on their image, the events in 1927 became another step to strengthen the right-wing forces in Finland.

Keywords: Finland, Communist Party of Sweden, Civil Guards, Relander, Tanner, Riekki, coup d'état, hog-wash.

Portniaguine D. I. British Labor Party and the problems of African nationalism (1945–1951).

The article deals with the colonial policy of the Labor government of C. Attlee. Since the end of 1946 Laborites cast doubt on the traditional colonial policy of Great Britain. Reflecting these changes was the report of the Secretary of State for the Colonies A. C. Jones, which spoke of the need to develop a system of local government in the dependent territories. The assumption of nationalism within reasonable limits should have been an obstacle to the expansion of Soviet influence in Africa, according to leaders of the Labor Party. And a rise of the colonial economy was intended to preserve control over the African possessions. However, some events in Gold Coast showed the naivety of these calculations.

Keywords: British Labor government, Labor Party, C. Attlee, A. C. Jones, British Colonial Empire, African colonies, Gold Coast.

Eremina N. V. Cultural and historical heritage as a growth factor of ethno-regional movement in UK.

The article discusses various aspects of ethno-regional movement as a major catalyst for social and political development in multi-ethnic European states

and, in particular in the UK. At the heart of the movement is a historical and cultural heritage, son the conflict between the center and the ethnic regions is the conflict of cultures, the author claims. The experience of the UK in development of ethnoregional representation and in resolving the conflict «center-periphery», of course, must be taken to note by other states.

Keywords: United Kingdom, ethnoregional movement, multiethnic states, culture, region, ethnos, nation.

Ianush I. B. Great recoinage 1696–1698. A look from Numismatics.

In 1696–1698 in England was carried out the Great recoinage of old silver coins. Its results, evaluated in different ways, have always been a subject of controversy. According to T. B. Macauley, the Great recoinage caused an outstanding economic rise in England. According to other accounts, the recoinage was carried out for reasons of profit for the Lords from the entourage of William III. The author debunks the myth of the Great recoinage as a unique event that enabled England to become a great economic power.

Keywords: England, numismatics, Great recoinage, window tax, T. B. Macauley, I. Newton.

Kreitsberg K. A. Jünger's «new nationalism» as a part of the German «conservative revolution».

The article discusses the main milestones of life path of one of the leading theorists of nationalism, the ideologue of the conservative revolution in Germany, Ernst Jünger. A sense of hopelessness and despair generated by the defeat in World War I, appealed to the unity of the people on the foundation of the national consciousness. In the Weimar Republic, E. Jünger preached the so-called «new nationalism». The author analyzes the main ideas expressed by Jünger in publicist works. Inspired by the ideas of Hitler, and then disappointed in them, Jünger, however, until his death remained faithful to the idea of a new nationalism.

Keywords: E. Jünger, Germany, conservative revolution, new nationalism, First World War, Weimar Republic.

Vishnev M. R. The national idea and geography in Germany: F. Naumann and K. Haushofer.

The article analyzes the works of two German thinkers: F. Naumann «The middle Europe», written during the years of World War I, and K. Haushofer «Boundaries in their political and geographical significance», written by him

under the immediate impression of Germany's defeat in World War I. The geopolitical ideas of both, quite typical for that time, were in line with the logic of «Friend or Foe», characteristic of traditional societies.

Keywords: F. Naumann, K. Haushofer, First World War, geopolitics, national idea, traditional societies.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Олег Викторович, выпускник Исторического факультета СПбГУ.

Барышников Владимир Николаевич, д-р истор. наук, проф., зав. кафедрой истории Нового и новейшего времени, Исторический факультет СПбГУ.

Бугашев Сергей Иванович, д-р истор. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

Васара Виена-Туули, аспирантка кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический факультет СПбГУ, науч. руководитель д-р истор. наук, проф. В. Н. Барышников.

Вассоевич Андрей Леонидович, д-р филос. наук., канд. истор. наук, проф., руководитель Санкт-Петербургского информационного аналитического центра Российского института стратегических исследований РАН.

Вишнев Максим Романович, аспирант кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический факультет СПбГУ, науч. руководитель д-р истор. наук, проф. О. Ю. Пленков.

Гончарова Татьяна Николаевна, канд. истор. наук, ст. преп. кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ.

Еремина Наталья Валерьевна, факультет международных отношений СПбГУ.

Искюль Сергей Николаевич, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Крейцберг К. А., кафедра западноевропейской и русской культуры, Исторический факультет СПбГУ.

Массов Александр Яковлевич, д-р истор. наук, проф., заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургского морского технического университета.

Портнягин Дмитрий Игоревич, канд. истор. наук, доцент, Факультет международных отношений СПбГУ.

Приступа Наталья Николаевна, канд. истор. наук, доцент, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка.

Сидоренко Леонид Владимирович, канд. истор. наук, кафедра истории Нового и новейшего времени, Исторический факультет СПбГУ.

Уренцев Николай Иванович, студент кафедры истории Нового и новейшего времени, науч. руководитель д-р истор. наук, проф. В. Н. Барышников.

Януш Ян Борисович, эксперт по нумизматике и фалеристике Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия.

Научное издание

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО И
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
№ 8 2012**

Печатается без издательского редактирования

Оригинал-макет: Т. Н. Гончарова

Подписано в печать 15.06.12. Формат 60х90 1/6.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13.
Тираж 300 экз.

РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15.
Тел. 8 (812) 945 09 22
post@arculture.ru